

ISSN 2500-2872

**ЯПОНСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

2020, №4

Japanese Studies in Russia

**日
本
研
究**

**Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
Институт Дальнего Востока Российской академии наук**

www.ifes-ras.ru

**Межрегиональная общественная организация
«Ассоциация японоведов»**

www.japanstudies.ru

Электронный научный журнал «Японские исследования» издаётся 4 раза в год (ежеквартально) с 2016 г. Журнал носит междисциплинарный характер и охватывает различные сферы японоведческих исследований: политика, экономика, общество, история, культура, филология и др. Все научные статьи рецензируются; всем статьям присваивается DOI.

Учредители: Институт Дальнего Востока РАН, Ассоциация японоведов.

URL: <http://japanjournal.ru>

Свидетельство о регистрации СМИ ЭЛ № ФС 77 – 68910 от 7 марта 2017 г., выдано Роскомнадзором.

Входит в Научную электронную библиотеку eLIBRARY.RU и Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Входит в Научную электронную библиотеку «КиберЛенинка».

Входит в Web of Science – Emerging Sources Citation Index (ESCI).

Главный редактор: Стрельцов Д.В., д.и.н.

Редакционный совет: Алпатов В.М., д.филол.н., академик РАН; Войтишек Е.Э., д.и.н.; Гордон Эндрю (США), проф.; Гришачев С.В., к.и.н.; Дацышен В.Г., д.и.н.; Катасонова Е.Л., д.и.н.; Кистанов В.О., д.и.н.; Крнета Наталия (Сербия), к.филол.н.; Крупянко М.И., д.полит.н.; Островский А.В., д.э.н.; Панов А.Н., д.полит.н.; Пестушко Ю.С., д.и.н.; Симотомай Нобуо (Япония), проф.; Стоквин Артур (Великобритания), проф.; Судзуки Ёсикадзу (Япония), проф.; Тимонина И.Л., д.э.н.; Чугров С.В., д.соц.н.

Редакционная коллегия: Дьяконова Е.М., к.филол.н.; Казаков О.И. (*отв. секретарь*); Лебедева И.П., д.э.н.; Мещеряков А.Н., д.и.н.; Стрельцов Д.В., д.и.н. (*гл. редактор*)

Редакция: Горчакова Т.Е., к.э.н.; Казаков О.И. (*отв. секретарь*); Кириченко М.А.; Нелидов В.В., к.и.н.; Суркова Т.И. (*зав. редакцией*); Шпорт Ю.А.

Отрасли науки:

07.00.00 Исторические науки и археология

08.00.00 Экономические науки

23.00.00 Политология

OECD Fields of Science:

5.02 Economics and business

5.06 Political science

6.01 History and archaeology

Мнение авторов может не совпадать с точкой зрения редакции.

ISSN 2500-2872

© Коллектив авторов

© ИДВ РАН

© Ассоциация японоведов

**Institute of Far Eastern Studies,
Russian Academy of Sciences
(IFES RAS)**

www.ifes-ras.ru

**Non-profit organization
«Association of Japanologists»**

www.japanstudies.ru

The electronic scientific periodical “Japanese Studies in Russia” has been published 4 times a year (quarterly) since 2016. This edition is an interdisciplinary journal covering various fields of Japanese studies: politics, economics, society, history, culture, philology, etc. All academic articles are peer-reviewed and assigned to DOI.

Founders of the Journal: Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences, NPO Association of Japanologists.

URL: <http://japanjournal.ru>

Media registration number (in the Russian Federation): ЭЛ № ФС 77 – 68910, issued on 7 March 2017 by Roskomnadzor.

Included in Russian Scientific Digital Library “eLIBRARY.RU”, and Russian Science Citation Index (RSCI).

Included in Russian Scientific Digital Library “CyberLeninka.ru”.

Included in Web of Science – Emerging Sources Citation Index (ESCI).

Editor-in-chief: Streltsov Dmitry V., DSc (History)

Editorial Council: Alpatov Vladimir M., DSc (Philology), Academician of the RAS; Chugrov Sergei V., DSc (Sociology); Datsyshen Vladimir G., DSc (History); Gordon Andrew (USA), Prof.; Grishachev Sergei V., PhD (History); Katasonova Elena L., DSc (History); Kistanov Valerii O., DSc (History); Krneta Natalija (Serbia), PhD (Philology); Krupyanko Mikhail I., DSc (Political Science); Ostrovskii Andrey V., DSc (Economics); Panov Aleksandr N., DSc (Political Science); Pestushko Yurii S., DSc (History); Shimotomai Nobuo (Japan), Prof.; Stockwin Arthur (UK), Prof.; Suzuki Yoshikazu (Japan), Prof.; Timonina Irina L., DSc (Economics); Vojtishkek Elena E., DSc (History)

Editorial Board: Dyakonova Elena M., PhD (Philology); Kazakov Oleg I. (*Executive Secretary*); Lebedeva Irina P., DSc (Economics); Meshcheryakov Aleksandr N., DSc (History); Streltsov Dmitry V., DSc (History) (*Editor-in-chief*)

Editors Office: Gorchakova Tatiana E., PhD (Economics); Kazakov Oleg I. (*Executive Secretary*); Kirichenko Mariya A.; Nelidov Vladimir V., PhD (History); Shport Yulia A.; Surkova Tatiana I. (*Head of Editors Office*)

Branch of science (in the Russian Federation):

07.00.00 History and Archaeology

08.00.00 Economics

23.00.00 Political Science

OECD Fields of Science:

5.02 Economics and business

5.06 Political science

6.01 History and archaeology

The authors' opinion may not coincide with the Editorial Board's point of view.

ISSN 2500-2872

© Team of authors

© IFES RAS

© Association of Japanologists

ЯПОНСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ 2020, № 4

СОДЕРЖАНИЕ

Шуган О.В. «Русско-японская распря из-за маньчжурско-корейской авантюры» (М. Горький о Русско-японской войне 1904–1905 гг.).....	6
Кульнева П.В. Японская агрессия в Китае и чувство вины.....	21
Тимонина И.Л. Новая стратегия пространственного развития Японии: вызовы XXI века	40
Корнеев К.А. Политика Японии в области развития водородной энергетики.....	64
Стрельцов Д.В. Память о войне как самостоятельный фактор в отношениях Японии со странами-соседями: к 75-летней годовщине капитуляции Японии	78
Юнгблюд В.Т., Садаков Д.А. Японо-корейское урегулирование в политике США, 1953–1965 гг.	98
Нелидов В.В. Новая неопределенность в российско-японских отношениях	119
<i>Книжная полка</i>	
Гришачев С.В. Nipponica Nova: Смена вех по-японски. Рецензия на коллективную монографию «Япония в ретроспективе смены поколений» под ред. Д.В. Стрельцова	137
Библиографический перечень публикаций в журнале «Японские исследования» за 2020 год.....	143

JAPANESE STUDIES IN RUSSIA 2020, No. 4**CONTENTS**

Shugan O.V. “Russo-Japanese conflict due to Manchu-Korean adventure” (M. Gorky on the Russo-Japanese War of 1904–1905).....	6
Kulneva P.V. Japanese aggression in China and the feeling of guilt	21
Timonina I.L. Japan's new spatial development strategy: challenges of the 21st century	40
Korneev K.A. Japan’s policy in the field of hydrogen energetics development	64
Streltsov D.V. War memory as an independent factor in Japan's relations with neighbors: on the 75th anniversary of Japan's surrender.....	78
Yungblud V.T., Sadakov D.A. Japan-Korea settlement in US policy, 1953–1965	98
Nelidov V.V. New uncertainty in Russo-Japanese relations	119

Book Review

Grishachev S.V. Nipponica Nova. Change of Signposts: Japanese way. Review of the monograph “Japan in the Retrospective of Generation Change” ed. by Prof. Streltsov D.V.	137
The bibliographic list of publications in “Japanese Studies in Russia” for 2020.....	143

Японские исследования. 2020. № 4. С. 6–20.

Japanese Studies in Russia, 2020, 4, pp. 6–20.

DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10025

«Русско-японская распря из-за маньчжурско-корейской авантюры» (М. Горький о Русско-японской войне 1904–1905 гг.)

О.В. Шуган

Аннотация. В статье прослеживается эволюция взглядов Горького на события Русско-японской войны 1904–1905 гг. С самого начала он воспринял её как антинародную, жестокую и бессмысленную. В письмах родным и близким Горький разоблачал хищнический характер этой «авантюры», лживую официальную пропаганду. Писатель внимательно изучал книги о Китае и Японии, активизировал издательскую деятельность с целью познакомить читателей с литературой и историей стран Востока. Он не поддерживал политику разжигания ненависти к Японии, выступал против комплекса «цивилизованного превосходства» европейцев. Через 6 лет в рассказе «Жалобы» (1911) Горький вновь вернулся к событиям Русско-японской войны, но дал им совершенно иную интерпретацию. В центре внимания писателя оказался «русский вопрос»: на примере отношения солдат к войне он критически осмыслил такие качества психики русского человека, как «пассивизм» и фатализм. В романе-эпопее «Жизнь Клима Самгина» война с Японией становится катализатором краха российской государственности. Это нашло выражение в ярких художественных приёмах при изображении манифестации на Дворцовой площади 30 января 1904 г., мобилизации запасных частей в Старой Руссе. В зависимости от идеологических задач отношение к войне 1904–1905 гг. и её освещение менялось: от непосредственной реакции на события Горький перешел к идейно-философским обобщениям и рассмотрел Русско-японскую войну в исторической перспективе.

Ключевые слова: Русско-японская война, М. Горький, Россия, Япония, Восток, «русский вопрос», «Жизнь Клима Самгина», национальная идентичность.

Автор: Шуган Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник, ФГБУН Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук (адрес: 121069, Москва, ул. Поварская, д. 25а). ORCID: 0000-0002-5885-2287; E-mail: olgashugan@gmail.com

“Russo-Japanese conflict due to Manchu-Korean adventure” (M. Gorky on the Russo-Japanese War of 1904–1905)

O.V. Shugan

Abstract. In this article, we observe the evolution of Gorky’s views on the events of the Russo-Japanese War (1904–1905). From the beginning, he perceived it as an antinational, cruel, and pointless event. In his letters to relatives and friends, Gorky exposed the predatory nature of this “adventure” and false official propaganda. The writer attentively studied books about China and Japan, intensified his publishing activities, trying to acquaint his readers with literature and history of the Eastern countries. He did not

support the policy of incitement of hatred towards Japan, and was opposed to the complex of “civilized supremacy” of Europeans. 6 years later, in his short story “Complaints” (1911), Gorky returned to the events of the Russo-Japanese War, but he gave them a completely different interpretation. The writer’s attention was focused on the “Russian Question”: using the example of the attitude of soldiers towards war, he critically evaluated such qualities of the Russian psyche as passivism and fatalism. In his novel “The Life of Klim Samgin”, the Russo-Japanese War becomes the catalyst of the collapse of the Russian state. This was expressed in bright artistic techniques in Gorky’s depiction of the demonstration on the Palace Square on January 30, 1904 and the mobilization of the replacement troops in Staraya Rousse. Depending on ideological tasks, the attitude towards the Russo-Japanese War and its covering changed. Gorky moved towards ideological and philosophical generalizations and considered the Russo-Japanese War in a historical perspective.

Keywords: Russo-Japanese War, M. Gorky, Russia, Japan, East, “The Russian Question”, “The Life of Klim Samgin”, national identity.

Author: *Shugan Olga V.*, PhD (Philology), Senior researcher, M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (address: Povarskaya str. 25a, Moscow, 121069, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-5885-2287; E-mail: olgashugan@gmail.com

Чтобы прокомментировать горьковскую цитату, поставленную в заглавие статьи, необходимо обратиться к причинам и предпосылкам войны, которые начали складываться ещё в конце XIX века. В 1891 году было начато строительство восточной части Великого Сибирского рельсового пути (позднее – Транссиб) через всю Сибирь, расстоянием 7,5 тыс. км. Уникальный проект ставил целью выход России на перспективный китайский рынок, который с середины XIX века был силой открыт («опиумные войны») Англией и Францией, и куда устремилась Америка, заодно «открыв» Японию. С.Ю. Витте настоял, чтобы Транссиб пролегал из Иркутска во Владивосток через Маньчжурию – наиболее коротким путём, где конечной целью стал Порт-Артур.

Так завязался узел, приведший к конфликту интересов России и Японии. Начало было положено японо-китайской войной 1894–1895 гг., после которой, в союзе с Германией и Францией, Россия лишила Японию её «добычи» в виде Ляодунского полуострова, а спустя 3 года получила его в аренду на 25 лет. Но этим аппетиты российского самодержавия не ограничивались. А.Н. Куропаткин писал: «У нашего государя грандиозные в голове планы: взять для России Маньчжурию, идти к присоединению к России Кореи. Мечтает под свою державу взять и Тибет. Хочет взять Персию, захватить не только Босфор, но и Дарданеллы» [История России на рубеже веков, 2017, с. 42].

Вспыхнувшее в 1898 г. восстание ихэтуаней («боксёрское восстание») дало возможность России захватить Маньчжурию. Последней каплей, приведшей к войне, стала попытка проникновения России на Корейский полуостров, где в 1901 г. было создано «Русское лесопромышленное товарищество». Деятельностью этой компании руководила группа приближённых ко двору, известная как «Безобразовская клика». К 1903 г. А.И. Безобразов и его «клика» «окончательно взяли верх в окружении Николая II» [Хвостова, 2015, с. 154]. В 1903 г. А.И. Безобразов получил звание статс-секретаря царя и возглавил Особый комитет по делам Дальнего Востока. «Безобразовцы» действовали, не считаясь с интересами Японии. Министр внутренних дел В.К. Плеве высказывался за «небольшую победоносную войну»

с Японией, в надежде, что война всколыхнёт патриотические чувства народа и отвлечёт страну от революции.

Захват Россией Маньчжурии в 1900 г. и циничную попытку проникновения в Корею в 1901–1903 гг. имел в виду Горький, когда назвал в письме Л.Н. Андрееву Русско-японскую войну «распрей из-за маньчжурско-корейской авантюры» [Горький, 1998, с. 48]. Захватив в Ляодуне ключ ко всей Маньчжурии в 1898 г., оккупируя своими войсками все основные пункты в Маньчжурии, «передавая управление Дальним Востоком в руки <...> группы Плеве-Безобразова-Абазы-Алексеева, с отстранением Витте, – Россия явно и неуклонно шла на столкновение не только с Японией, а и с Англией и с Америкой <...>» [Романов, 1928, с. 24].

Когда в Китае началось восстание ихэтуаней, Горький рвался в Китай и звал с собой А.П. Чехова. Поездка не состоялась. 25 августа 1900 г. писатель спрашивал своего знакомого Л.В. Средину: «Вы думаете Китай – пустыки? Хе-хе! Поживите-ка ещё лет сто, так увидите, какая штука Китай...» [Горький, 1997, с. 49]. Е.Р. Матевосян обратила внимание на то, что Горький называл события в Китае «войной», хотя в то время и позже термин «война России и Китая» не использовался [Матевосян, 2020, с. 308]. Горький признавался, что придаёт этой войне огромное значение. «Меня бы нисколько не удивило, если б она затянулась лет на 30 и завершилась общей трёпкой всей Европы, – писал он. – Эх, зачем я не китаец! Я бы Вам показал цивилизацию! Я бы общипал с Вас культуру-то! Я бы...» [Горький, 1997, с. 50]. В этой фразе за ироническим тоном скрывается серьёзный страх перед «жёлтой опасностью», которую писатель чувствует особенно остро в связи с «боксёрским восстанием». Очевидно, что в 1900 г. писатель разделял европоцентристскую точку зрения на восстание ихэтуаней, изложенную в российской прессе, и одобрял вмешательство в китайские дела. Когда альянс европейских государств вместе с Россией подавлял восстание, русская либеральная пресса рубежа веков приветствовала тройственное вмешательство [Кудрявцева, 2015, с. 13].

Резко противоположную оценку действиям альянса европейских государств в Китае дал Лев Толстой. В «Обращении к китайскому народу» он писал: «К вам пришли европейские вооружённые люди и безжалостно, как дикие звери, набросились на вас: разоряя, грабя, насилая и убивая вас. Люди эти называют себя просвещёнными и страшно сказать – христианами. Не верьте им <...>» [Толстой, 1952, с. 340].

Когда началась Русско-японская война 1904–1905 гг., Горький был уже зрелым писателем, снискавшим не только отечественную, но и мировую славу. Его пьесы «На дне» и «Мещане» с успехом шли на сцене Московского Художественного театра, повести и рассказы были переведены на многие европейские языки. «Песня о Буревестнике» воспринималась как революционная прокламация: она распространялась в списках, афоризм Горького «Пусть сильнее грянет буря!» стал лозунгом, призывающим к борьбе. В этот период происходило сближение Горького с партией большевиков. Отношение писателя к войне с Японией отразило рост его гражданского самосознания, критический взгляд на внешнюю политику Российской империи, честность и принципиальность.

На начало войны Горький откликнулся сразу же, в конце января 1904 г., когда русские газеты сообщили о разрыве дипломатических отношений с Японией (25 января 1904 г., по старому стилю). 27 января (9 февраля) было объявлено о начале военных действий на Дальнем Востоке. Хотя о подготовке войны было известно заранее, она началась внезапно,

с нападения на Порт-Артур. В отличие от событий в Китае в 1898–1900 гг., Горький воспринял эту войну как позорную, выступал с антивоенными лозунгами, против комплекса «цивилизованного превосходства» европейцев, боролся с проявлениями национал-шовинизма. В письме Л.Н. Андрееву Горький сделал глубокие выводы об антинародном характере войны: «воюют правительства, а не народы, и воюют для упрочения своей власти, а не в интересах страны», «война – жестокая глупость» [Горький, 1998, с. 41]. Последняя фраза отсылает нас к Л. Толстому, который так охарактеризовал Русско-японскую войну: «Совершается что-то непонятное и невозможное по своей жестокости, лживости и глупости» [Толстой, 1936, с. 104]. Это слова из статьи Толстого «Одумайтесь», написанной 8 мая 1904 г. Разоблачая хищнические интересы правительства, он писал: «Из-за чужой земли, на которую русские не имеют никакого права, которая грабительски захвачена у законных владельцев и которая в действительности и не нужна русским, да ещё из-за каких-то тёмных дел аферистов, хотевших в Корее наживать деньги на чужих лесах, тратятся огромные миллионы денег <...> безжалостно обрекаются на смерть десятки тысяч <...>» [Толстой, 1936, с. 137].

Через три дня после начала войны российский флот понёс первые потери, на что Горький сразу же отозвался: «Японцы бьют в лоб и по лбу: утопили крейсер “Варяг” с 500 команды, взорвали “Корейца”, взяли транспорт с 2000 наших солдатиков. Я видел ряд телеграмм, не пропущенных цензурой, – плохи наши дела!» [Горький, 1998, с. 36].

На следующий день после объявления войны Горький писал Е.П. Пешковой из Москвы: «Здесь патриотизм цветёт только в газетах; на улицах и в обществе – насмешки. Война – не популярна» [Горький, 1998, с. 35]. Он отмечал также, что газеты лгут, на бирже паника, «люди сходят с ума» и вынимают все вклады из сберегательных касс. «Вот те и патриотизм!» – заключал он. Поэтому писатель советовал жене беречь деньги: «денег в России нет, скоро во всей стране останется копеек 16, а все остальное – в Манчжурию пойдёт» [Горький, 1998, с. 62].

В первые дни войны Горький стал свидетелем «заказных» митингов, организованных по приказу В.К. Плеве: «Здесь расцветает патриотизм, а почему – понять невозможно. Потому что бьют? Ходят по улицам толпы мальчишек и орут – ура! Потом к ним присоединяются взрослые – в большинстве люди странного вида и тоже орут. Вдруг – является оркестр военной музыки и играет. Откуда оркестр? Почему он свободно странствует по городу? Всё это непонятно и таинственно» [Горький, 1998, с. 37].

Проведя собственное расследование, писатель установил, что «студенты, участвовавшие в манифестации перед Зим<ним> дворцом, – члены “Русского собрания” и О-ва “Денница”, состоящего под покровительством принца Ольденбургского. О-во это преследует цели нравственного самоусовершенствования. <...> Здесь манифестации – промысел, недурно оплачиваемый заинтересованными людьми» [Горький, 1998, с. 42–43].

Горький намекал Е.П. Пешковой на свой возможный арест: «Мое положение – обостряется, и возможно, что я куда-нибудь поеду на север. Но – ты не беспокойся, это ещё вилами на воде писано. Прими к сведению, что время теперь – весьма опасное и внешняя война обострит внутреннюю» [Горький, 1998, с. 42].

Обращает на себя внимание яркая экспрессивность и публицистичность Горьковских писем: они играют по существу роль газетных корреспонденций. Не имея возможности высказать свою позицию в легальной печати, писатель доверяет свои сокровенные мысли письмам. Кроме того, письма являются правдивой летописью событий: по ним можно видеть

изменение настроения в обществе: от ура-патриотизма к разочарованию. Заметно, что Горький не верит официальной пропаганде, о чём свидетельствуют упоминания о том, что газеты лгут, «патриотизм цветёт только в газетах», цензура пресекает «крамольные» мысли. Письма также содержат намёки на обострение внутривластной ситуации.

Несмотря на трагизм положения на фронте, писатель в частных письмах позволял себе иронию и юмор. Так, он поделился с Л.Н. Андреевым своим фантастическим сном: «Снилось мне потом, что будто мы с тобою, Леонидка, – с разрешения цензуры – вдруг женились на японках и у нас через неделю было сорок штук ребят. Услыхав об этом факте, и чудесном и полезном, сам японский император трое суток хохотал» [Горький, 1998, с. 47]. К трагикомическому факту можно отнести историю с медалью, изготовленной царским правительством в Русско-японскую войну на случай победы. Она хранится в московском музее А.М. Горького на Малой Никитской, 6. Показывая эту медаль гостившему на Капри писателю Д.Н. Семеновскому, Горький рассказал её историю. «Проект медали с надписью «Да вознесёт вас Господь» был представлен на высочайшее утверждение. Как ни скудоумен был Николай Второй, однако после Цусимы даже он чувствовал, что такая медаль не ко времени. Поэтому он написал на проекте «В своё время». Резолюция оказалась под словами изречения и была сочтена министрами за добавление к нему. Памятник самодержавной глупости со звоном лёг в ящик» [Семеновский, 1955, с. 387–388].

Стремясь не только разобраться в причинах войны, но и больше узнать об Азии, Горький начал внимательно изучать литературу о странах Дальнего Востока. В письме к жене Горький хвалил книги австралийского путешественника Эрнеста Гессе-Вартега «Китай и китайцы. Жизнь, нравы и обычаи современного Китая» и «Япония. Жизнь, нравы и обычаи современной Японии». Отправляя жене эту книгу, он писал, что «Япония» – «прекрасная вещь. И прекрасная страна, эта Япония, как увидишь. Вот куда я уехал бы жить!» [Горький, 1998, с. 58]. Трудно сказать, действительно ли Горький хотел поехать в Японию или это было сказано в пику официальной пропаганде и с целью подразнить цензуру. Своими восторгами Горький делился также с Л.Н. Андреевым: «Хорошая, брат, страна Япония! Вторую книгу читаю о ней, – прекрасная страна!» [Горький, 1998, с. 59]. Не всё прочитанное удовлетворяло его: прочитав «Маленький рассказ о Японии и её жителях», Горький был недоволен небрежностью издателей, обратил внимание на фразу: «Они хорошие семьянины, и жизнь в японских семьях отличается в большинстве случаев примерным согласием и взаимно-деликатным обращением супругов» [Горький, 1998, с. 269].

«События Русско-японской войны обострили интерес Горького к Востоку, народу и культуре Японии», – писал Д. Белкин [Белкин, 1988, с. 136]. Однако на книжном рынке литература на эту тему была представлена весьма скудно. Горький считал устаревшей книгу Ж. Симона «Срединное царство: Основы китайской цивилизации» (СПб. Изд. Л.Ф. Пантелеева, 1886) «Факты – интересны, но выводы – сомнительны, – резюмировал Горький. – Ж. Симон сам был «срединный» человек и о Китае знает весьма мало.

Об япошках – нет ничего хорошего у нас, – это тупое жульё – патриоты издатели выпускают на рынок только вещи явно недоброжелательные Японии, а объективного – ни страницы.

Книга Дюмолара солидна, скучна и – пристрастна в дурную сторону. Очень уж эти европейцы высокого мнения о себе...» [Горький, 1998, с. 62]. Книга Симона хранится в Личной библиотеке Горького в Москве. В начале XX века писатель приобрел книгу Леруа

Больё «Япония: Обновление Азии» (1904), А. Сербского «Современная Япония» (1902), В. Астона «История японской литературы» (1904), «Японские сказки и легенды» (1906), Г. Ксимидова «Обзор истории японской литературы 1868–1906» (1909).

Выступая против национальной вражды, расовой дискриминации, Горький писал о «жуликах-европейцах», которые «дерут кожу с живого человека за то, что у него кожа жёлтая, дерут и, пока он молчит, они его хвалят, – ишь какой культурный! Начал он брыкаться – ругают: зверь, азиат» [Горький, 1998, с. 63]. С Горьким был в тот период полностью солидарен Л.Н. Андреев. Он саркастически отзывался о газетных фельетонах, полных расовой ненависти, смысл которых сводился к тому, что японцы – «азиаты, сумевшие схватить только вершки европеизации, а до сути недошедшие» [Горький и Леонид Андреев, 1965, с. 192]. Оба писателя были возмущены вульгарным тоном газетных статей, с интересом воспринимали живые свидетельства очевидцев событий в Японии.

Горький отдал дань теме войны в издательской деятельности. В сборнике «Знание» за 1904 г., посвящённом памяти А.П. Чехова, был помещён рассказ Л.Н. Андреева «Красный смех», в котором писатель постарался передать весь ужас и безумие войны. Горький также напечатал в издательстве «Знание» повесть Л.А. Сулержицкого «Путь» (1906, кн. 9), повесть Г.П. Эрастова «Отступление» (1906, кн. 13), записки В.В. Вересаева «На войне» (1907–1908, кн. 17–20), 8 томов рассказов и очерков польского писателя и этнографа В.Л. Серошевского, вернувшегося с Дальнего Востока (1908–1909). Он также способствовал изданию книги Лаутерера «История Японии» (вышла в переводе Д. Альперина под названием «Япония – страна восходящего солнца – прежде и теперь», СПб, 1905, т. 1–2).

В июне 1904 г. 1-й Сибирский корпус, который был направлен в помощь Порт-Артуру, потерпел поражение под Вафангоу. Очередная попытка командования помочь осаждённой крепости окончилась неудачей. 7 июня Горький писал жене: «Под Вафангоу нас снова жестоко избили, по верным, но не опубликованным ещё слухам, мы потеряли около 6.000 и огромное количество офицеров. Вообще потери офицерами – прямо ужасны по количеству» [Горький, 1998, с. 94]. 10 июня он предрекал печальный исход: «А на Дальнем Востоке дела наши – плохи и становятся всё хуже» [Горький, 1998, с. 99].

Многих знакомых и товарищей Горького по «Знанию» война коснулась лично. В конце апреля 1904 г. Н.Г. Гарин-Михайловский выехал в Маньчжурию, где работал инженером в штабе командующего 1-й армией, а также военным корреспондентом газеты «Новости дня». Вскоре была напечатана его первая корреспонденция – «Дневник во время войны» (Новости дня. 1904. 3 мая. № 7510). У Е.Н. Чирикова ушёл на войну и погиб брат, М.Н. Чириков, штабс-капитан 2-го Восточносибирского полка. В.В. Вересаев был назначен младшим ординатором в полевой госпиталь. Горький откликнулся на это в письме: «Очень грустно и больно, дорогой и уважаемый товарищ, за Вас. Эта идиотская, несчастная, постыдная война – какой-то дикий кошмар, и Ваше участие в ней – обидно, тяжело. И – боязно за Вас – за Ваши нервы, за жизнь. Есть и хорошая сторона в Вашем присутствии там – события будут иметь трезвого, честного свидетеля, но – я всё же хотел бы, чтоб этот свидетель был – не Вы» [Горький, 1998, с. 116]. Горький как мог старался помочь семьям, которые потеряли близких. 26 июля 1904 г., находясь на лечении в Старой Руссе, он устроил концерт «в пользу солдатских семейств», на котором выступил с чтением поэмы «Человек».

Длительные бои под Ляояном в августе 1904 г. не привели к успеху, после чего последовал приказ об отступлении. В ходе действий потери русских войск составили около

16 тыс. человек. «Отступая из горящего Ляояна, мы не успели вывезти оттуда своих раненых, – писал Горький, – и они зажарились там – это вчера говорили военные. Вообще – на войне творится что-то ужасающее. Ко мне приходят раненые, возвратившиеся оттуда, и рассказывают такие вещи, точно молотками по голове бьют» [Горький, 1998, с. 125].

Неудачи в войне стали катализатором революции. После Ляояна в стране усилилось антивоенное движение, участились столкновения запасных с жандармами и полицией, началось брожение среди матросов. Горький, целиком вовлечённый в подготовку Первой русской революции, стал свидетелем «Кровавого воскресенья» 9 января 1905 г. – расстрела мирной демонстрации в Петербурге. Складывается впечатление, что с начала 1905 г. для Горького существуют две войны: внешняя и внутренняя. Не случайно он сравнивал действия правительственных войск по разгону демонстраций с «манчжурскими сражениями». Заметно, что «внутренняя война» начинает занимать всё больше места в сознании писателя. В своём воззвании «Всем русским гражданам и общественному мнению европейских государств» он призвал «к упорной и дружной борьбе с самодержавием». За революционную деятельность писателя арестовали и заключили в Петропавловскую крепость и лишь под давлением мировой общественности освободили через месяц под залог в 10 тыс. руб. Горькому было запрещено жить в Петербурге, он уехал в Ригу, где тяжело переживал отрыв от политической жизни столиц, отсутствие новостей.

Он продолжал внимательно следить за событиями на Дальнем Востоке. В письме Е.П. Пешковой в феврале 1905 г. он с грустью сообщал: «А Куропаткина – бьют, эскадру возвращают, Суворин – плачет <...> и зовёт всех на Восток, где, дескать, решается истинная судьба России» [Горький, 1999, с. 24]. Речь шла об одном из самых кровопролитных сражений, проигранных русской армией – битве под Мукденом, в которой русская армия потеряла, по официальной статистике, почти 90 тыс. человек, из них около 16 тыс. убитых и пропавших без вести, более 51 тыс. раненых и 21,1 тыс. попавших в плен. «100 000 жизней на Дальнем Востоке погублено безвозвратно, бессмысленно, идиотски» – так отозвался Л.Н. Андреев о поражении русских войск под Мукденом в феврале 1905 г. [Горький и Леонид Андреев, 1965, с. 259].

События на востоке продолжали глубоко волновать Горького, о чём свидетельствует его письмо к издателю К.П. Пятницкому. Писатель признался, что он не работал над пьесой «Дети солнца», «потому что голова забита газетами, разгромом под Мукденом, слухами о сумасшествии полководца Куропаткина <...>» [Горький, 1999, с. 31].

Горячая и острая тема войны была в тот период на устах у многих. Особенно важно сравнить позицию Горького с позицией Л.Н. Толстого, к словам которого прислушивалась вся Россия. Известно, что Горький полемизировал с Толстым по многим вопросам, и война 1904–1905 годов скоро выявила глубокое различие в понимании российской действительности. Если на первом этапе обозначилось единство пацифистских взглядов писателей на войну как на жестокую и глупую авантюру правительства, то весной 1905 г. проявились очевидные расхождения в оценке Первой русской революции, значения которой Толстой сразу не оценил в полной мере. В статье «Об общественном движении в России» Толстой писал: «Но ведь главное <...> бедствие, от которого страдает теперь русский народ, это не петербургские события (9 Января – *О.Ш.*), а затеянная десятком безнравственных людей бессмысленная, постыдная и жестокая война. Война эта уже погубила и искалечила сотни тысяч русских людей, угрожает уничтожить и искалечить ещё столько же <...>

И погибель этих людей там не только не возмущает общество, как убийства в Петербурге, но общество равнодушно <...>» [Толстой, 1936, с. 161–162].

Статья Толстого была напечатана в лондонской Times и перепечатана в газете «Русские ведомости» 2 марта 1905 г. (№ 58). Возмущенный этим выступлением, Горький написал открытое письмо Толстому. Он согласился с Львом Толстым в беспощадном осуждении войны с Японией: «В бессмысленной войне, непонятной и ненужной для народа, разоряющей страну, гибнут десятки тысяч людей; напоенный сообщениями о страданиях солдат, газетный лист кажется красным и влажным от человеческой крови, воображение рисует поля, покрытые трупами мужиков, насильно одетых в солдатские шинели...» [Горький, 1999, с. 35]. Вместе с тем он призвал своего оппонента обратить внимание на войну внутреннюю. Горький обвинил Толстого в том, что в тяжёлые дни, когда на земле льётся кровь тех, кто хочет жить по-человечески, а не по-скотски, Толстой нашёл возможным только повторить основную мысль своей философии «Нравственное совершенствование отдельных личностей – вот задача и смысл жизни для всех людей» [Горький, 1999, с. 34]. Горький хотел опубликовать письмо к Толстому в газете «Сын отечества», но потом решил, что ответ слишком резкий, и письмо в печати не появилось.

К более глубокому осмыслению уроков Русско-японской войны Горький обратился в 1911 г., в рассказе «Жалобы». Ещё осенью 1904 г. в письме К.П. Пятницкому писатель рассказал историю поручика Толузакова, ординарца генерала П.К. Ренненкампа, который, вылечившись после ранения, вновь отправлялся на фронт в качестве корреспондента «Нового времени». Этот юноша уехал добровольцем в Маньчжурию, «дрался там с иллюзией, что он борется «за родину», за какие-то её интересы, «пролил кровь», вернулся на родину, а она ему сурово, устами самых разнообразных людей, заявила, что у неё в Маньчжурии – нет интересов, что война эта – глупая трагедия своеволия <...> Услышав это – он почувствовал себя смертельно раненным в сердце и ныне возвращается на войну уже без иллюзий, идёт на неё, как на самоубийство» [Горький, 1998, с. 138]. В конце письма Горький добавил: «Хорошая тема для рассказа? Не правда ли?». Действительно, эта история вошла в первый рассказ из цикла «Жалобы», напечатанный в журнале «Современник» в 1911 г. (№ 1. Январь).

Почему через 6 лет в памяти Горького всплыли события Русско-японской войны и образ поручика Толузакова? В 1910-е годы, в период политического кризиса, остро встал вопрос национальной идентичности и размышления об отечестве и патриотизме снова стали занимать общество.

«Жалобы» представляют собой рассказ офицера о настроениях в армии во время Русско-японской войны. Находясь в поезде, идущем на восток, офицер старается вселить в солдат боевой дух, объясняет им цели России в Тихом океане. «Кончил. «Поняли?» – «Так точно, ваше благородие!» – отвечают мне русские люди, которым необходимо выйти на берега Тихого океана, отвечают – дружно, а я вижу, что – врут: ничего не поняли и нимало не интересно им все это» [Горький, 1971, с. 13]. Вскоре офицеру стало совершенно ясно, что он едет на войну «с людьми, которые не понимают, зачем нужно драться. Я должен внушить им боевой дух... должен! Они же не верят ни единому слову моему, и как будто в глубине души каждого живёт убеждение, что эта война – мною начата, мне нужна, а больше – никому» [Горький, 1971, с. 14]. Солдаты, вчерашние крестьяне с винтовкой в руках, чувствуют в японцах своих собратьев, тот же «земляной народ», не испытывая к ним

никакой ненависти. «Мужики везде одинаковые, – рассуждает новгородец Швецов, <...> – а ежели деревня против деревни в колья пойдёт, то, надо думать, никакой жизни и выгоды никому не будет, а только драка и кровопролитие...» [Горький, 1971, с. 13].

Напрашивается сравнение рассказа со статьей «Одумайтесь!» Толстого, который во время войны с сочувствием писал о японских и русских солдатах, одинаково одураченных пропагандой. Он считал, что «оторванный от своего поля, бедный, неучёный, обманутый японец» и «такой же бедняга тульский, нижегородский, полуграмотный малый» – «несчастные люди, доведённые вековым насилием и обманом до признания величайшего преступления в мире – убийства братьев – доблестным делом» [Толстой, 1936, с. 101].

В рассказе можно обнаружить также скрытую полемику с Толстым. Если Лев Толстой уравнивал «обманутых братьев» – русского и японского крестьянина, то Горький в целях революционной пропаганды противопоставлял своих соотечественников японцам. В «Жалобах» отмечено, что русским солдатам свойственны пессимизм и анархизм, а японцы представляются организованными, сознательными и бодрыми: «Народ – легкий, – говорит Швецов, – снаряжение – хорошее, а главнейшее – свои места, всё наскрозь они тут знают, каждую яму, всякий бугорок – разве с ними совладаешь? И опять же – на своём месте человек силён, на своём-то, на родном, он – неодолим, человек этот!» [Горький, 1971, с. 15]. Оторванность от «корней», бесприютность русского человека на этой далекой чужой земле, по мысли Горького, были главными причинами психологического перевеса противника, что, наряду с другими факторами, в конечном счёте привело к победе японцев. Рассказчик описывает поведение японских солдат в драматический момент войны: «<...> наш батальон прикрывал отступление из-под Мукдена, сижу я со своей ротой в кустах и ямах на берегу какой-то дурацкой речки; вдали, по ту сторону, лезут японцы – тоже очень спокойные люди, но – с ними спокойствие сознания важности того, что они делают, а мы понимаем свою задачу как отступление с наименьшими потерями» [Горький, 1971, с. 14–15].

Герой рассказа – офицер, который во многом выражает взгляды писателя, осуждает проявления жестокости, мародёрства, как следствие непонимания целей и задач войны: русские войска вырубали десятки деревьев, жгли фанзы, топтали посевы, ломали мебель. Пораженческие настроения, проявившиеся в отступлении из-под Мукдена, эпизоде поимки и расстрела китайского шпиона, сдача русских в плен – все эти события войны приводят офицера к мрачным выводам: «<...> скоро мы останемся одни-одинешеньки, представляя собою болото, которое будет ограждать Европу от нашествия монголов, как ограждало её в давние времена, и в этом наша роль вовеки и век века. И ограждать будем мы пассивно: дойдут до нас монголы и увязнут среди нас, точно в болоте, – вот так же, как мордва увязла» [Горький, 1971, с. 18]. Офицер признаётся, что «столкновение с русским народом» сделало его пессимистом и фаталистом.

Анализ рассказа говорит о том, что в «Жалобах» отразились не столько переживания из-за нашего поражения в войне, сколько тяжёлые мысли писателя, связанные с разгромом Первой русской революции. Он как бы отождествлял два этих события. Не случайно в конце рассказа Горький устами своего героя рассуждает о причинах неудачи революции, одну из которых он видит в идейной аморфности её участников. Эзоповым языком писатель разоблачает бывших революционеров, переметнувшихся в стан врагов: «Учили, убеждали, настроили юные души на идеалистический лад и, проиграв партию, спокойно отошли в сторону <...>» [Горький, 1971, с. 23]. Офицер разочарован в политической борьбе, так как

считает, что Россия не готова к социализму. «Русский не может быть социалистом <...> Социалисты, которые терпеть не могут друг друга, не уважают личности, товарища <...> ну какой там социализм! Это у нас – на день, на праздник... Сегодня – социалист, завтра – чёрт знает кто...» [Горький, 1971, с. 22–23].

Через много лет в романе-эпопее «Жизнь Клима Самгина» Горький снова вернулся к событиям Русско-японской войны. Главный герой находится в плену монархических иллюзий, он надеется, что война с Японией поднимет престиж власти монарха. 30 января 1904 г. Самгин оказался на Дворцовой площади вместе с огромной толпой людей, ожидающих выхода Николая II. «Ритуализация объявлений войны издревле имела большой сакральный смысл, призванный придать военному событию общегосударственное значение, консолидировать общество перед битвой», – указывает Т.В. Савинкова [Савинкова, 2016, с. 243]. Герою передаётся настроение толпы, и он испытывает целую гамму чувств: сначала радость и восторг, потом смятение, досаду и разочарование. «Самгин видел, как разломилась дверь на балконе дворца, блеснул лёд стекол, и из них появилась знакомая фигурка царя под руку с высокой белой дамой» [Горький, 1974, с. 488]. Фигурки кажутся Самгину маленькими, игрушечными, но он надеется, что царь, «заряжённый восторгом людей, сейчас скажет им какие-то исторические, примиряющие всех со всеми, чудесные слова» [Горький, 1974, с. 489]. Однако этого не произошло, и Самгин почувствовал себя обманутым.

Чаяния толпы выразил технолог Стратонов, выступивший с патриотической речью: «– Мы их под... коленом и – в океан,– кричал он, отгибая нижнюю губу, блестя золотой коронкой; его подстриженные усы, ошестинясь, дрожали, казалось, что и уши его двигаются» [Горький, 1974, с. 490]. Полсотни людей кричали ему «браво». Отталкивающие черты внешности оратора усиливают недоверие к его лозунгам. Горький в образе Стратонова высмеивает ура-патриотические настроения части общества, желание побыстрее «сбросить японцев пинками в Тихий океан».

Маленькая фигурка царя, «прилепившаяся, как бездушная, немая деталь огромного здания, высоко над массой коленапреклонённых, восторженно ревущих людей» кажется Самгину аллегорией бессилия власти [Горький, 1974, с. 495]. Горький не случайно сравнивает царя и царицу с Гензелем и Гретой – детьми из сказки братьев Гримм. Образы «ледяного» дворца и его бездушных обитателей создаются Горьким сочетанием белых, голубых и серых тонов, упоминаниями стекла и льда. Писателю важно было показать разочарование своего героя в царе, его способности вести войну и защищать государственные интересы.

Сохранились дневниковые записи Николая II, в которых он отмечал выражение патриотических настроений своих сограждан. «Вообще отовсюду трогательные проявления единодушного подъёма духа и негодования против дерзости японцев», – записал император 27 января, в день объявления войны [Император Николай II]. На следующий день по Петербургу ходили слухи о поражении японского флота. 30 января Николай II записал: «Перед завтраком большая толпа студентов с флагами подошла к Зимнему и начала петь гимн. Пошли в Белую залу и кланялись им из окна. В 3 часа приняли наследника хана Хивинского со свитой. Затем другая толпа пришла на набережную и кричала «ура!», чтобы мы показали. Видели её потом из окон Аничкова. Трогательные проявления народных чувств и в полном порядке!» [Император Николай II].

В эпопее «Жизнь Клим Самгина» мы опять встречаем поручика – его прототипом был всё тот же Толузаков, о котором Горький писал Пятницкому в 1904 г. В начале войны Лидия Варавка знакомит Самгина со своим мужем – поручиком гвардейской артиллерии Антоном Муромским (его фамилия содержит аллюзию на былинного богатыря). Исполненный высоких чувств и благородных стремлений, он собирался на фронт добровольцем, чтобы разделить судьбу своего народа. Нелепая смерть Муромского в Маньчжурии символична: Горький показывает, что сегодняшним богатырям не место на фронте, что героизм и самопожертвование отдельных людей не могут изменить исхода несправедливой войны.

Тяжёлые впечатления пережил Клим Самгин в Старой Руссе, куда приехал навестить своего отчима Варавку. Там готовился к отправке запасной полк. Самгин наблюдает картину проводов на фронт: новобранцы напоминают ему оловянных солдатиков, провожающие их женщины воют и плачут, повсюду царит хаос.

«– Господи, да что же это? – истерически крикнула баба, ощупывая его руками, точно слепая. Мужик взмахнул рукою, открыл рот и замотал головою, как будто его душили.

С этого момента Самгину стало казаться, что у всех запасных открыты рты и лица людей, которые задыхаются. От ветра, пыли, бабьего воя, пьяных песен и непрерывной бессмысленной ругани кружилась голова» [Горький, 1974, с. 499].

Эта сцена невольно вызывает в памяти героя первые дни войны и патриотические лозунги, которые он слышал в Петербурге: «Тихий океан, – вспомнил Самгин. – Торопятся сбросить японцев пинками в Тихий океан. Кошмар» [Горький, 1974, с. 499].

Горький был свидетелем описываемой мобилизации и в письме жене из Старой Руссы 20 июля 1904 г. так прокомментировал её: «Какой это ужас – отправление на войну запасных! На Новгородской губернии это отразилось особенно ужасно: в то время, как в других мобилизуются несколько уездов – здесь вся губерния.

Рёв, стон, вой – ежедневно.

Люди сходят с ума, вешаются, топятся – чорт знает что! И на войне тоже сильно заболевают психически – то и дело оттуда доставляют сумасшедших, что объясняется климатом Маньчжурии и артиллерийским громом» [Горький, 1998, с. 109].

Самгин встречает поезд царя и видит Николая II в вагоне. Это совпадает с реальными фактами: 6 июля 1904 г. царь прибыл в Старую Руссу и в этот же день записал в своём дневнике: «В 8 час. прибыли в г. Старая Русса. Посетив собор, проехал с Мишей за город, где представился 86-й пех. Вильманстрандский полк. Пересел в узкоколейный поезд; тут мы завтракали <...> Всеми смотрами остался очень доволен и в особенности видом людей» [Император Николай II].

В статье «Одумайтесь!» Толстой заметил, что верноподданнические чувства в народе сходят на нет. «Газеты пишут, что при встречах царя, разъезжающего по России гипнотизировать людей, отправляемых на убийство, проявляется неопишуемый восторг в народе. В действительности же проявляется совсем другое <...> Все недовольны, мрачны, озлоблены. Слова: «за веру, царя и отечество», гимны и крики «ура» уже не действуют на людей, как прежде: другая, противоположная волна сознания неправды и греха того дела, к которому призываются люди, всё больше и больше захватывает народ» [Толстой, 1936, с. 146–147].

Лидия Варавка, побывав сестрой милосердия в Маньчжурии, делится с Климом своими наблюдениями о японцах: «– Знаешь, эти маленькие японцы действительно – язычники, они

стыдятся страдать. Я говорю о раненых, о пленных. И – они презирают нас. Мы проиграли нашу игру на Востоке, Клим, проиграли! Это – общее мнение» [Горький, 1974, с. 615].

Война окончилась поражением России, 23 августа (5 сентября) 1905 г. в США стороны подписали Портсмутский мир, в результате которого Россия потеряла право на аренду Ляодунского полуострова с портами, южную половину Сахалина и часть Южно-Маньчжурской железной дороги. Вследствие неудачи попыток российских властей расширить империю за счёт стран Дальнего Востока, гегемония в этом регионе на много десятилетий перешла к Японии.

Русско-японская война оставила неизгладимый след в памяти Горького. В течение жизни он несколько раз обращался к событиям на востоке 1904–1905 гг., но воспринимал их по-разному. С самого начала у писателя сформировалось отрицательное отношение к войне – он осудил её как несправедливую, жестокую и бессмысленную. Хотя Русско-японская война в художественном творчестве Горького тех лет не получила отражения, но письма Горького Е.П. Пешковой, Л.Н. Андрееву, К.П. Пятницкому и другим содержат хронику военных действий и являются по существу публицистическими заметками. Война активизировала просветительскую и издательскую деятельность писателя.

Второй круг проблем, проявившийся через несколько лет после окончания войны и событий Первой русской революции, связан с поиском национальной идентификации и вопросом о дальнейших путях России. В рассказе «Жалобы» (1911) Горький объединил два поражения – в войне и в революции – и попытался выявить взаимосвязь между этими событиями. Рассказ содержит упрёк либеральной интеллигенции, которая изменила революционным идеалам.

Наконец, третий этап в осмыслении Русско-японской войны отражён в романе-эпопее «Жизнь Клима Самгина». Война выступает в романе как некий барометр общественного сознания. Горький акцентирует внимание читателя на акте объявления войны, который призван подтвердить боевую мощь и силу государства. Сцена выхода царя к подданным показана как аллегория слабости и бессилия монархии. Русско-японская война рассматривается в романе в исторической перспективе, как одна из причин слома государственной власти в России. В зависимости от идеологических задач отношение к войне 1904–1905 гг. и освещение её событий меняется. Мы видим эволюцию взглядов Горького, от непосредственной реакции на события до идейно-философских обобщений.

Война 1904–1905 гг. обострила противоречия в русском обществе, которые в значительной степени выразились в полемике Горького и Толстого. Оба писателя проявляли себя как пацифисты, они болезненно переживали ужасы войны и её ненужные жертвы. Разошлись они в понимании последовавшей за войной Первой русской революции. При всём своеобразии религиозных убеждений Толстой в своих оценках опирался на христианскую этику, призывая к «непротивлению злу» и осуждая убийства. Революция, как и война, была для писателя неприемлема из-за её жестокости. Поэтому он назвал деятельность революционеров *«нецелесообразной, неразумной, неправильной <...> и вредной (курсив Толстого)»* [Толстой, 1936, с. 158]. В своих публицистических выступлениях он отвергал как насилие самодержавной власти, так и революционное насилие. Горький был солидарен с леворадикальной частью общества, которая призывала направить оружие на правительство и выдвигала лозунг «Долой самодержавие!». Война выявила разницу двух этических подходов: толстовского – общехристианского и горьковского – классового.

Горький не был ортодоксальным марксистом, он воспринял это учение как веру, и вера эта воплотилась в обожествлении роли народа, творящего историю.

В 1930-е годы, видя, как фашизм распространялся по Европе и набирал силу японский милитаризм, Горький очень опасался развязывания новой войны. Когда в сентябре 1931 г. Квантунская армия вторглась в Северо-Восточный Китай, создав тем самым угрозу безопасности СССР, Горький осудил агрессию Японии в письмах и публицистических выступлениях. Он писал своему секретарю П.П. Крючкову 26 января 1932 г.: «Очень волнуют меня дела японские. Как бы не заставили нас драться, а?» [Горький, 2019, с. 51]. В библиотеке писателя в Горках сохранилось более 20-ти книг, касающихся «японской угрозы». Тяжело больной писатель, находясь на своей подмосковной даче, внимательно изучал эту литературу. Перед ним вставал призрак кровопролитной Русско-японской войны, унёсшей сотни тысяч человеческих жизней и ставшей тяжёлым ударом для государственно-политической системы России.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Белкин Д. Мир Востока в творчестве раннего Горького // Звезда Востока. 1988. № 8. С. 134–138.

Горький М. Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. М.: Наука, 1997. Т. 2. 483 с.

Горький М. Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. М.: Наука, 1998. Т. 4. 483 с.

Горький М. Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. М.: Наука, 1999. Т. 5. 578 с.

Горький А.М. Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. М.: Наука, 2003. Т. 10. 786 с.

Горький М. Полное собрание сочинений. Письма: В 24 т. М.: Наука, 2019. Т. 21. 1020 с.

Горький М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения: В 25 т. М.: Наука, 1971. Т. 11. 616 с.

Горький М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения: В 25 т. М.: Наука, 1973. Т. 19. 563 с.

Горький М. Полное собрание сочинений. Художественные произведения. М.: Наука, 1974. Т. 22. 645 с.

Горький и Леонид Андреев: Неизданная переписка. Литературное наследство. Т. 72. М.: АН СССР, 1965. 630 с.

Император Николай II. Дневники и письма. URL: <http://militera.lib.ru/db/nikolay-2/1904.html> (дата обращения: 24.04.2020).

История России на рубеже веков. 1894–1922 гг.: Учебное пособие. изд. 2-е, испр., доп. И перераб. / Голотик С.И. и др. М.: Издательство Ипполитова, 2017. 426 с.

Кудрявцева Т.М. Дальневосточная политика России в восприятии русской либеральной общественности. Автореферат на соиск. уч. степени кандидата истор. наук. М., 2015. 18 с.

Матевосян Е.Р. Горький и Китай: истоки восприятия и формирование взаимоотношений (по материалам Архива А.М. Горького) // Встреча Востока и Запада. Взаимодействие литератур и традиций. М.: ИМЛИ РАН, 2020. С. 296–318.

Романов Б.А. Россия в Манчжурии (1892–1906): очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма / Л.: Изд. Ленингр. вост. ин-та им. А.С. Енукидзе, 1928. 605, [2] с.

Савинкова Т.В. Демифологизация монархической власти в романе М. Горького «Жизнь Клим Самгина» // Горький: уроки истории. Горьковские чтения 2014 года. Материалы XXXVI Международной научной конференции. Н. Новгород: ООО «БегемотНН», 2016. С. 237–248.

Семеновский Д.Н. А.М. Горький. Письма и встречи // М. Горький в воспоминаниях современников. М.: Гослитиздат, 1955. С. 372–409.

Толстой Л.Н. Обращение к китайскому народу // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. М.; Л.: Гослитиздат, 1952. Т. 34. С. 339–342.

Толстой Л.Н. Одумайтесь! // Толстой Л.Н. Полное собрание сочинений: В 90 т. М.; Л.: Гослитиздат, 1936. Т. 36. С. 100–148.

Хвостова И.А. Причины русско-японской войны 1904–1905 гг. // Вестник научных конференций. 2015. № 3-1 (3). С. 153–154.

REFERENCES

Belkin, D. (1988) *Mir Vostoka v tvorchestve rannego Gor'kogo* [World of the East in the Work of Early Gorky], in *Zvezda Vostoka*, 8: 134–138. (In Russian).

Golotik S.I. et al. (2017). *Istoriya Rossii na rubezhe vekov. 1894-1922 gg.: Uchebnoye posobiye* [History of Russia at the Turn of the Century. 1894-1922. Textbook], Moscow: Izdatel'stvo Ippolitova. (In Russian).

Gor'kiy, M. (1997) *Polnoye sobraniye sochineniy. Pis'ma: V 24 t.* [Complete Works. Letters: in 24 V.], Moscow: Nauka, Vol. 2. (In Russian).

Gor'kiy, M. (1998) *Polnoye sobraniye sochineniy. Pis'ma: V 24 t.* [Complete Works. Letters: in 24 V.], Moscow: Nauka, Vol. 4. (In Russian).

Gor'kiy, M. (1999) *Polnoye sobraniye sochineniy. Pis'ma: V 24 t.* [Complete Works. Letters: in 24 V.], Moscow: Nauka, Vol. 5. (In Russian).

Gor'kiy, A.M. (2003). *Polnoye sobraniye sochineniy. Pis'ma: V 24 t.* [Complete Works. Letters: in 24 V.], Moscow: Nauka, Vol. 10. (In Russian).

Gor'kiy, M. (2019) *Polnoye sobraniye sochineniy. Pis'ma: V 24 t.* [Complete Works. Letters: in 24 V.], Moscow: Nauka, Vol. 21. (In Russian).

Gor'kiy, M. (1971). *Polnoye sobraniye sochineniy. Khudozhestvennyye proizvedeniya: V 25 t.* [Complete Works. Fiction: in 25 V.], Moscow: Nauka, Vol. 11. (In Russian).

Gor'kiy, M. (1973). *Polnoye sobraniye sochineniy. Khudozhestvennyye proizvedeniya: V 25 t.* [Complete Works. Fiction: in 25 V.], Moscow: Nauka, Vol. 19. (In Russian).

Gor'kiy, M. (1974) *Polnoye sobraniye sochineniy. Khudozhestvennyye proizvedeniya : V 25 t.* [Complete Works. Fiction: in 25 V.], Moscow: Nauka, Vol. 22. (In Russian).

Gor'kiy i Leonid Andreyev: Neizdannaya perepiska (1965). [Gorky and Leonid Andreev: Unpublished Correspondence], *Literaturnoye nasledstvo*, Vol. 72, Moscow: AN SSSR. (in Russian).

Imperator Nikolay II. Dnevnik i pis'ma [Emperor Nicholas II. Diaries and letters]. URL: <http://militera.lib.ru/db/nikolay-2/1904.html> (accessed: 24 April 2020). (In Russian).

Khvostova, I.A. (2015). *Prichiny russko-yaponskoy voyny 1904–1905 gg.* [The Causes of the Russian-Japanese War of 1904-1905], in *Vestnik nauchnykh konferentsiy*, 3-1 (3): 153–154. (In Russian).

Kudryavtseva, T.M. (2015) *Dal'nevostochnaya politika Rossii v vospriyatii russkoy liberal'noy obshchestvennosti* [Russian Far Eastern Policy in Russian Liberal Public's Perception], Avtoreferat na soisk. uch. stepeni kandidata istor. nauk [Author's summary of a Candidate of Historical Sciences degree dissertation], Moscow. (In Russian).

Matevosyan, E.R. (2020) *Gor'kiy i Kitay: istoki vospriyatiya i formirovaniye vzaimootnosheniy (po materialam Arkhiva A.M. Gor'kogo)* [Gorky and China: The Sources of Perception and the Creation of the Relationships (Based on the Materials of the A.M. Gorky Archive)], in *Vstrecha Vostoka i Zapada. Vzaimodeystviye literatur i traditsiy* [A Meeting of East and West. Interaction of Literature and Traditions], Moscow: IMLI RAN: 296–318. (In Russian).

Romanov, B.A. (1928) *Rossiya v Manchzhurii (1892–1906): ocherki po istorii vneshney politiki samodержaviya v epokhu imperializma* [Russia in Manchuria (1892–1906): Essays on the History of Foreign Policy of Autocracy in the Era of Imperialism], Leningrad: Izd. Leningr. vost. in-ta im. A.S. Enekidze. (In Russian).

Savinkova, T.V. (2016) *Demifologizatsiya monarkhicheskoy vlasti v romane M. Gor'kogo «Zhizn' Klima Samgina»* [Demiphologization of Monarchical power in M. Gorky's Novel "The Life of Clim Samgin"], in *Gor'kiy: uroki istorii. Gor'kovskie chteniya 2014 goda. Materialy XXXVI Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii* [Gorky: Lessons of History. 2014 Gorky's Readings. Material of the XXXVI International Scientific Conference], Nizhny Novgorod: OOO «BegemotNN»: 237–248. (In Russian).

Semenovskiy, D.N. (1955) *A.M. Gor'kiy. Pis'ma i vstrechi* [Letters and Meetings], in *M. Gor'kiy v vospominaniyakh sovremennikov* [M. Gorky in Memories of His Contemporaries], Moscow: Goslitizdat: 372–409. (In Russian).

Tolstoy, L.N. (1952) *Obrashcheniye k kitayskomu narodu* [Appeal to Chinese people], in Tolstoy, L.N. *Polnoye sobraniye sochineniy: V 90 t.* [Complete Works: in 90 V.], Moscow; Leningrad: Goslitizdat, 34: 339–342. (In Russian).

Tolstoy, L.N. (1936) *Odumaytes'!* [Think again!], in Tolstoy L.N. *Polnoye sobraniye sochineniy: V 90 t.* [Complete Works: in 90 V.], Moscow; Leningrad: Goslitizdat, 36: 100–148. (In Russian).

Поступила в редакцию 28.04.2020

Received 28 April 2020

Для цитирования: Шуган О.В. «Русско-японская распря из-за маньчжурско-корейской авантюры» (М. Горький о Русско-японской войне 1904–1905 гг.) // Японские исследования. 2020. № 4. С. 6–20. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10025

For citation: Shugan O.V. (2020). “Russko-yaponskaya raspnya iz-za man'chzhursko-koreyskoy avantury” (M. Gor'kiy o Russko-yaponskoy voyne 1904–1905 gg.) [“Russo-Japanese conflict due to Manchu-Korean adventure” (M. Gorky on the Russo-Japanese War of 1904–1905)], *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2020, 4: 6–20. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10025

Японские исследования. 2020. № 4. С. 21–39.

Japanese Studies in Russia, 2020, 4, pp. 21–39.

DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10026

Японская агрессия в Китае и чувство вины

П.В. Кульнева

Аннотация. Груз исторической памяти, связанной с японской агрессией в Китае в 1930-е – 1940-е годы, отчётливо проявляется в японо-китайских отношениях на современном этапе. В связи с этим важно понять, в чём заключается причина разногласий: почему китайская общественность считает, что японская сторона недостаточно осознала трагичность событий военного периода, в то время как японцы недовольны постоянными напоминаниями о прошлом со стороны своего соседа. В статье сделана попытка хотя бы частично разобраться в этом противоречии и понять, имеет ли место чувство вины в послевоенной Японии и как оно проявляется.

В статье чувство вины за японскую агрессию анализируется с двух основных ракурсов: с точки зрения проблемы компенсации морального и материального ущерба, которая подразумевает рассмотрение вопроса с позиции государства и его субъектов (первая часть), и с точки зрения осознания японским народом трагедии произошедшего и вытекающего из этого чувства вины (вторая часть). В первой части статьи после обобщения обстоятельств капитуляции Японии на основе известных исторических фактов и анализа материалов, отражающих разные точки зрения на проблему, объясняется, почему извинения японской стороны за агрессию и компенсация материального ущерба пострадавшим странам (в частности, Китаю) считаются слишком поздними и недостаточными. Во второй части рассмотрена эволюция исторической памяти в японском обществе в послевоенный период и показано, что японский народ воспринимает историческое прошлое с определённого угла зрения, и представление о войне не является целостным и всеобъемлющим. В заключении сделан вывод о том, что формирование отношения к войне в Японии происходило под воздействием политических факторов и в условиях послевоенной травмы, трансформировавшей общественное сознание. Особо отмечена роль храма Ясукуни как символа японской агрессии и милитаризма для Китая и воплощения торжества мира над войной и боли об ушедших близких для простых японцев.

Ключевые слова: Вторая мировая война, японо-китайская война 1937–1945 гг., японская агрессия, коллективная вина, послевоенная травма, историческая память, японо-китайские отношения.

Автор: Кульнева Полина Викторовна, кандидат экономических наук, научный сотрудник, Институт востоковедения РАН (адрес: 107031, Москва, ул. Рождественка, д.12). E-mail: kpoline@list.ru

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (грант № 19-18-00017 «Проблемы исторического прошлого в отношениях Японии со странами Восточной Азии и России. Уроки для России»).

Japanese aggression in China and the feeling of guilt

P.V. Kulneva

Abstract. The influence of historical memory about Japanese aggression in China during the Second Sino-Japanese War (1937–1945) on contemporary Japan-China relations is still very noticeable. Therefore, it is important to look into fundamental reasons for the long-lasting disagreement between the countries on the events of the war. The key here is to understand why Chinese society still believes that the Japanese side has not fully realized the tragedy of the events and has not sufficiently apologized for its military actions, while Japanese people are displeased with constant reminders from China about the past. The article seeks to address this controversy and to clarify whether the feeling of guilt could be seen in post-war Japan and how and whether it was expressed on different levels, from the Emperor to common Japanese people.

The article is divided into two main sections. The first section is focused on the problems of moral and material compensation to China after the war: the process of settling these issues is described, while putting an emphasis on the circumstances which led to major problems in mutual understanding and acceptance of Japan's apologies by China. In the second section, the development of historical memory in Japan in the post-war decades is investigated. After analyzing Chinese and Japanese sources, the author comes to the conclusion that, in addition to the mentioned issues with apologies and reparations, gradual fading away of historical memory in Japan after the war (partially caused by the post-war social trauma) also contributed to the understanding that the feeling of guilt in Japanese society was not sufficient. At the same time, visiting Yasukuni Shrine to commemorate the souls of those who died for the Emperor does not necessarily mean that Japanese people do not feel guilty for the aggression.

Keywords: World War II, Second Sino-Japanese War, Japanese aggression, collective guilt, WW2 trauma, historical memory, Japan-China relations.

Author: Kulneva Polina V., PhD (Economics), Researcher, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (address: 12 Rozhdestvenka st., Moscow, 107031, Russian Federation). E-mail: kpoline@list.ru

Acknowledgements: This work was supported by the Russian Science Foundation (Grant No. 19-18-00017 "Problems of the historical past in Japan's relations with the countries of East Asia and Russia. Lessons for Russia").

Введение

Япония и Китай, ставшие к настоящему времени двумя мировыми лидерами в мировой экономике и политике, связаны длительной историей тесных контактов. Однако насколько благоприятно развивались японо-китайские отношения в различных сферах, настолько серьёзными были противоречия и разногласия между странами.

Главным предметом долгого и болезненного конфликта, который не утихает уже более 70 лет, является ущерб, нанесённый японской армией китайскому государству и мирному населению в период японо-китайской войны 1937–1945 гг. (кит. – «войны сопротивления японским захватчикам»)¹ и отношение к этому ущербу. Немаловажно, что ущерб измеряется не только количественными показателями, но и жестокостью японских военных. Кровавой

¹ К войне 1937–1945 гг. в китайских источниках часто присоединяют японскую экспансию в Маньчжурии, на Корейском полуострове и на Тайване, начавшуюся в 1894 г. Тогда продолжительность непрерывной японской агрессии оценивается в 51 год (см., например, [Сунь, 2006, с. 2]) (Прим. авт.).

страницей истории стало шестинедельное наступление японской армии в г. Нанкин в конце 1937 – начале 1938 г., сопровождавшееся массовыми убийствами гражданского населения и изнасилованиями. По разным оценкам число погибших в Нанкинской резне составило от 40 тыс. до 500 тыс. человек. Известно также о деятельности в Китае японского «Отряда 731», производившего жестокие эксперименты над мирными жителями с научными целями, и об учреждённых японцами многочисленных «станциях утешения», эксплуатировавших труд сексуальных рабынь.

Согласно китайским источникам, всего за 8 лет войны сопротивления японским захватчикам были убиты 35 млн китайских граждан, бóльшая часть из которых – мирное население [Си Цзиньпин цзай Наньцзин...]. Хотя эта цифра выше оценки японских и западных историков, будучи озвученной китайской стороной, она отражает степень обиды Китая на японскую агрессию. Показательно, что в последние десятилетия официальная оценка КНР потерь, понесённых в войне, несколько раз повышалась [Кокумин кандзё: о рию: ни...], отражая эскалацию проблемы.

Груз исторической памяти отчётливо проявляется в японо-китайских отношениях на современном этапе. В первую очередь важно отметить, что память о военных событиях стала главной причиной негативного отношения двух народов друг к другу. Согласно последнему опросу общественного мнения японской неправительственной организацией Genron NPO, более 50 % китайских респондентов плохо относятся к Японии, и главная причина такого отношения заключается в том, что Япония «не раскаялась должным образом и не принесла извинений за вторжение на китайскую территорию» во время войны 1930-х – 1940-х годов [Дай 15-кай..., с. 2–5]. Это означает, что, по мнению китайской общественности, японское государство и японский народ не осознали в должной мере трагичность событий военного периода и не только не принесли подобающих извинений, но и не испытывают чувства вины.

Отношение японской аудиторией к Китаю, несмотря на тесные контакты с этой страной, также остаётся преимущественно негативным, и главная причина этого, согласно тому же опросу, заключается в критике со стороны КНР в связи с историческими проблемами. Помимо того, что постоянные упоминания о военных событиях уязвляют национальную гордость японцев, масштабные антияпонские демонстрации 2005 и 2012 г., спровоцированные в том числе и разными взглядами на подобающее для бывшего агрессора поведение², привели к огромным потерям японского бизнеса и отразились на показателях японо-китайских экономических связей – торговле, инвестициях, туризме.

Таким образом, неразрешённость исторических проблем остаётся серьёзным препятствием в развитии японо-китайских отношений, и цель этой статьи состоит в том, чтобы хотя бы частично разобраться в этом противоречии. Объектом исследования является чувство вины, связанное с японской агрессией в Китае. Предмет исследования – проявление в Японии чувства вины за агрессию в Китае в 1930-е – 1940-е годы и отношение в каждой из стран к данной проблеме.

² В начале 2000-х годов нарастало недовольство соседей Японии в связи с регулярными визитами японского премьер-министра Дз. Коидзуми в храм Ясукуни, где в число почитаемых воинов, погибших за японского императора, включены также осуждённые Международным военным трибуналом для Дальнего Востока (МВТДВ) преступники «класса А». Постоянной проблемой на протяжении многих десятилетий остаётся также спор о том, как военные события должны освещаться в учебниках истории (*Прим. авт.*).

Изучение различных сторон проблемы может пролить свет на глубинные причины возникающих конфликтов и перспективы их урегулирования. Прежде всего, необходимо понять, как проявляется чувство вины (и проявляется ли оно вообще) на разных уровнях, от японского государства до японского народа и отдельных его представителей, параллельно выявляя наиболее острые точки взаимного непонимания.

Чувство вины и компенсация ущерба

После Второй мировой войны появилось понятие так называемой коллективной, или национальной вины, которое относили преимущественно к Германии, подразумевая ответственность за преступления, содеянные во времена Третьего Рейха. Признание вины на национальном уровне подразумевает компенсацию морального и материального ущерба – принесение официальных извинений государственными лидерами жертвам агрессии и выплату репараций. Как государство-агрессор, который потерпел поражение в войне, Япония не стала исключением в вопросах официального признания вины и компенсации ущерба.

На национальном уровне поражение Японии и ответственность военных преступников за «совершённые зверства» были юридически признаны 2 сентября 1945 г. при подписании Акта о капитуляции Японии на борту американского линкора «Миссури», которое означало принятие условий Потсдамской декларации. С 3 мая 1946 г. по 12 ноября 1948 г., во исполнение пункта 10 Потсдамской декларации, в Токио прошёл Международный военный трибунал для Дальнего Востока (МВТДВ), где семеро обвиняемых, включая двух бывших премьер-министров Японии К. Хирота и Х. Тодзио, были приговорены к смертной казни через повешение и казнены, 15 обвиняемых были приговорены к пожизненному заключению, ещё трое – к разным срокам заключения.

Открытым, однако, оставался вопрос индивидуального урегулирования морального и материального ущерба с каждой из пострадавших стран. 8 сентября 1951 г. между частью стран антигитлеровской коалиции и Японией был подписан Сан-Францисский мирный договор, который официально прекратил состояние войны и определил порядок урегулирования отношений бывшего агрессора с союзными державами, в частности, обязал Японию немедленно вступить в переговоры со странами, которые «были оккупированы японскими вооруженными силами и потерпели ущерб от Японии, с целью оказания этим странам помощи в деле компенсации стоимости нанесённого ущерба» [Treaty of Peace with Japan..., Article 14]. При этом, имея в виду ограниченность ресурсов разрушенной войной экономики, Японии было дано время на согласование процедуры выплаты репараций и предоставлена гибкость в выборе их формы. Из-за гражданской войны в Китае компенсация материального ущерба этой стране (которая по этой же причине не подписала Сан-Францисский мирный договор) приобрела нестандартную форму, о которой будет рассказано ниже.

В отличие от материальной стороны вопроса, для гибкого урегулирования которой существовали объективные экономические и политические основания, моральная сторона, связанная с чувством вины за ущерб, нанесённый пострадавшим странам, казалось бы, не терпела отлагательств. Тем не менее, Токио обвиняют в слишком позднем и недостаточном выражении официальных извинений за агрессию и кровавые преступления. Адресные

извинения жертвам японской агрессии стали звучать только при нормализации с ними дипломатических отношений [Lind, 2009, pp. 132–134]. Так, в 1965 г., при подписании Базового договора об отношениях между Японией и Южной Кореей, премьер-министр Японии Сиина Эцусабуру впервые выразил корейскому народу «глубокое сожаление о печальном периоде в длительной истории отношений двух стран» [Yamazaki, 2006, p. 140]. Что касается Китая, то слова об остром осознании ответственности за серьёзный ущерб, нанесённый китайскому народу в период войны, и глубоком раскаянии Японии в событиях прошлого были включены в «Совместное коммюнике правительства Японии и Китайской Народной Республики» при подписании его в 1972 г. премьер-министром Японии Танакой Какуэем и премьером Госсовета КНР Чжоу Эньлаем.

Главная причина, по которой публично не прозвучали слова императора Хирохито о сожалении или раскаянии (хотя многие люди в Китае, на Тайване, в Корее и в Юго-Восточной Азии считали его лично ответственным за развязывание войны и настаивали на том, чтобы он был наказан как военный преступник), вероятно, состоит в его особом положении в японской политической системе. В годы оккупации Японии Союзными войсками (1945–1952) верховное командование во главе с Дугласом Макартуром искало эффективные рычаги влияния для проведения требуемого курса. Большую озабоченность США в послевоенные годы вызывал подъём коммунистических сил в СССР и Китае, Япония же занимала стратегически важное положение в регионе и могла сыграть ключевую роль в благоприятном исходе холодной войны. Считается, что император был спасён от преследования в силу своего огромного влияния и потенциальной пользы, которую мог принести для утверждения прочных позиций Союзных войск в Японии. В связи с этим, Оккупационные войска стремились дистанцировать императора от ответственности, он не был осуждён МВТДВ и был представлен в глазах общественности как жертва своего окружения. Как отмечают американские историки Стерлинг и Пегги Сигрейв, на протяжении последующих сорока четырёх лет своей жизни Хирохито ни разу публично не признал личной ответственности за войну, так как был вынужден лавировать между требованиями американской администрации и доверием японского общества [Сигрейв С., Сигрейв П., 2005, с. 31].

Роль императора Хирохито в войне и положение, в котором он оказался после капитуляции Японии, является темой отдельного исследования, в которой до сих пор остаётся много неясных деталей и обстоятельств. Со временем появляются новые материалы и свидетельства, проливающие свет на моральные аспекты восприятия военных событий ключевыми государственными фигурами Японии. Согласно недавно обнаруженным документам, в 1952 г. император хотел включить слова о сожалении и раскаянии в свою речь по случаю возвращения Японии независимости после оккупации, но был остановлен главой управления императорского двора М. Тадзимой и премьер-министром С. Ёсидой, которые боялись, что народ обвинит его в развязывании войны. В документах указано также, что императору было рекомендовано больше никогда не употреблять слов «война» и «поражение» [Emperor Showa prevented from expressing...].

Согласно ещё одному свидетельству, ближе к концу оккупации император якобы хотел принести официальные извинения главнокомандующему оккупационными войсками Д. Макартуру за жестокие действия Японии во время войны, в том числе за атаку на Пёрл-Харбор 7 декабря 1941 г., но тот грубо отверг его стремление. По словам П.Л. Тирни,

занимавшего в период оккупации Японии должность уполномоченного США по вопросам искусства и памятников, Макартур «даже не пустил императора на порог» в день, когда должен был состояться этот разговор. Имея в виду огромный вес, который придаётся извинению в японской культуре, Тирни обвиняет Макатура в «культурном невежестве» и считает, что его грубое поведение имело серьёзные исторические последствия [MacArthur aide...].

Так или иначе, «спасение» императора от суда, которое, с одной стороны, сохранило его лицо, вынудило его жить с тяжёлым грузом ответственности (разумеется, не только перед жертвами японской агрессии, но и перед японским народом) и постоянных мыслей о своей роли в войне. Известно, что за два года до смерти, в 1987 г. император написал в своём дневнике, что «не видит никакого смысла жить дольше», так как «это только повышает шансы видеть и слышать то, что мучительно» [Сё:ва тэнно: «хосоку нагаку икитэмо...].

После нормализации отношений с КНР, в 1970-е, 1980-е, 1990-е годы, и в первые десятилетия XXI в., премьер-министры, министры иностранных дел, сотрудники дипломатических миссий и другие высшие должностные лица Японии по разным случаям произносили слова сожаления о войне. Упомянул о войне как о «несчастливой странице истории» и император Акихито в 1989 г., когда встречался с прибывшим в Японию премьером Госсовета КНР Ли Пэном, а после этого – в 1992 г., когда сам посетил КНР. Среди заявлений премьер-министров наибольшую известность получила речь Т. Мураямы по случаю 50-летия окончания Второй мировой войны, где он признал, что Япония своим колониальным господством и агрессией причинила огромный ущерб и страдания народам других стран, в особенности азиатских, и принёс им чистосердечные извинения. Речь Т. Мураямы известна тем, что в ней впервые было выражено отношение правительства Японии к военным событиям. На неё впоследствии ссылались другие японские премьер-министры, и она до сих пор размещена на сайте МИД Японии как официальное воплощение чувств глубокого сожаления о войне на уровне японского государства.

Несмотря на многократные упоминания о войне высшими должностными лицами Японии, Китай не считает, что вина за агрессию признана страной в достаточной степени. Помимо того, что извинения были принесены слишком поздно, возмущение Пекина вызывает их слишком общий характер и неконкретность формулировок: японская сторона не указывает, перед кем она извиняется (в большинстве случаев речи адресованы народам Азии в целом или «народам Азии, в том числе китайскому»), за какие именно действия, за какой период истории и т.п. Кроме того, недовольство вызывает отсутствие всех необходимых формальностей: речи высших должностных лиц в большинстве своём не подкреплены официальными документами. Дипломатического документа не было, например, после речи Т. Мураямы; не было его и после речи премьер-министра Дз. Коидзуми в 2001 г. (хотя он извинился тогда адресно перед Китаем) [Жан гоцзя вэй лиши цзуйго даоцянь...].

Пытаясь объяснить это противоречие, можно отметить, что здесь такая национальная черта японцев, как неконкретность и уклончивость в выражении мыслей, сталкивается с более привычной для китайцев конкретностью и прямолинейностью, хотя во многих случаях японская неконкретность, в целом, не меняет сути высказывания. Кроме того, как отмечает российский исследователь Д.В. Стрельцов, в рамках китаеццентристской вассально-даннической системы внешнее проявление церемониала оказывается существенно более важным, нежели содержательная сторона японо-китайских отношений. В связи с этим

«огромное значение имеет не только факт извинения, но и место и время, выбранное для его выражения, форма, в которую оно облечено, манера, в которой оно принято» [Стрельцов, 2014, с. 16 (со ссылкой на известного российского дипломата Г.Ф. Кунадзе)].

По этим же причинам большое внимание уделяется в Китае выбору подходящих слов японской стороной. Из-за обманчивого сходства *канго*³ с китайскими словами нередко возникает недопонимание и даже курьёзные случаи, как это произошло, когда К. Танака употребил в 1972 г. слово *мэйваку* (迷惑 – «беспокойство») и его перевели китайским словом *мафань* – 麻烦, употребляемым для обозначения несоизмеримо меньшего ущерба, чем жестокие убийства десятков миллионов мирного населения. Не всегда уместным, особенно при отсутствии необходимого контекста, считается и без того слишком широкое понятие *хансэй* / 反省 (кит. – *фаньсин*), которое, тем не менее, в японской культуре является сильной моральной категорией, подразумевающей глубокий самоанализ. Негативно воспринимаются китайской аудиторией и слова императора Акихито о «несчастливой странице истории», хотя, как отмечают японские источники, это самое большое, что мог позволить император согласно своему статусу [Такэнака, 2018, с. 113].

Практически для каждого официального высказывания, связанного с войной, находился повод, чтобы обвинить японскую сторону в неискренности, и извинения так и не были приняты широкой китайской общественностью. Несмотря на достаточно конкретные и исчерпывающие слова премьер-министра Дз. Коидзуми, его извинения омрачались регулярными визитами в храм Ясукуни, где по синтоистским традициям почитаются души воинов, погибших за родину, в том числе военных преступников «класса А».

В то же время, в последние десятилетия речи премьер-министров Японии, связанные с войной, объективно становились менее сильными. При наличии тех же ключевых слов в речах Т. Мураямы и С. Абэ («колониальное правление», «агрессия», «глубокий самоанализ», «чистосердечные извинения»), акценты в речи С. Абэ расставлены иначе. Если Т. Мураяма, говоря о колониальном правлении и агрессии, указывает на ошибку в государственной политике, С. Абэ объясняет действия Японии внешними факторами. Если Т. Мураяма, говоря о глубоком самоанализе и чистосердечных извинениях, употребляет личное местоимение, то у С. Абэ звучат собирательные отсылки к «нашей стране» и «предшествующим кабинетам министров». Помимо того, что С. Абэ подчёркивает что Япония тоже была жертвой войны и ищет оправдание для её действий, он также пытается снять ответственность с будущих поколений, говоря, что «не хочет возлагать на них бремя вины» [Такэнака, 2018, с. 121]. В связи с этим неудивительно, что извинения японской стороны вызывают в Китае всё большее недовольство.

Очевидно, что на риторику, связанную с войной, влияют задачи внутренней и внешней политики для каждого нового кабинета министров Японии, и эти задачи становятся всё более сложными. Ещё при К. Танака МИД Японии выразил недовольство, когда слово *мэйваку* было неофициально переведено на английский язык китайской стороной как «*deep repentance*», сказав, что это слово следует заменить на более нейтральный вариант «*deep reflection and self-examination*». По мнению японского профессора Ябуки Сусуму, выбор

³ *Канго* – пласт лексики, заимствованной Японией из китайского языка более 1000 лет назад. За долгое время функционирования в японском языке нюансы значений и употребления многих *канго* существенно изменились (Прим. авт.).

более мягкой формы извинений связан с желанием угодить правым силам Либерально-демократической партии Японии, которые выступали против разрыва дипломатических отношений с Тайванем и нормализации отношений с КНР [Ябуки, 2004]. В последние десятилетия, в условиях обострения ряда проблем в японо-китайских отношениях, таких как конфликт вокруг островов Сэнкаку / Дяоюйдао в Южно-Китайском море и возрастающая глобальная конкуренция двух стран в мировой экономике и политике, выбор неподходящих слов и тона в высказываниях о войне могут продемонстрировать излишнюю мягкость и создать повод для чрезмерных требований к Японии.

Жёсткие политические рамки и ограничения бюрократической машины не означают, однако, что у японских политиков отсутствовало чувство вины и они не хотели выразить своё сожаление и каким-то образом компенсировать ущерб. Как объяснил К. Танака при обсуждении проблемы перевода *мэйваку* с Чжоу Эньлаем, «слова о том, что кто-то «нанёс *мэйваку*», в японском языке означают, что вам приносят искренние извинения, обещают больше никогда не повторять сделанной ошибки и просят простить, если это возможно», отметив, что если у Чжоу Эньлая есть «более подходящее слово, чтобы передать эту мысль», японская сторона может «пересмотреть [формулировку] в соответствии с [китайскими] традициями» [Ябуки, 2004]. В результате формулировка, внесённая в «Совместное коммюнике правительства Японии и Китайской Народной Республики» 1972 г., была иной, и проблема была на тот момент решена. Как известно, Т. Мураяма после ухода из политики (2000 г.) стал президентом Фонда азиатских женщин, который в начале 2000-х годов занимался вопросом компенсаций бывшим «женщинам для утешения». Последующие премьер-министры Японии также выражали свои извинения «женщинам для утешения», посещали Мост Марко Поло⁴ и Мемориальный зал жертв в Нанкине (правда, не всегда в своём статусе, а уже после отставки). Тем не менее, этих жестов было недостаточно для принятия японских извинений китайской стороной. То же касается и материального ущерба.

Быстрое восстановление экономики позволило Японии приступить к выплате репараций уже в 1950-е годы. Однако, как и в случае с официальными извинениями, компенсация материального ущерба Китаю затянулась. В то время выплата репараций только что образовавшейся Китайской Народной Республике была невозможна из-за отсутствия с ней дипломатических отношений. Тайвань же (Китайская Республика), который мог бы даже с бóльшим основанием претендовать на компенсацию ущерба, так как был японской колонией с 1895 по 1945 г., отказался от репараций под давлением США, не заинтересованных в ослаблении Японии [Ковригин, 2012, с. 11–12].

В дальнейшем, при нормализации отношений с КНР в 1972 г., от финансовых претензий к Японии отказался уже Мао Цзэдун, приоритетами которого были на тот момент изоляция Тайваня и признание КНР в качестве полноценного члена мирового сообщества. В результате Япония так и не выплатила Китаю репараций в традиционном понимании, и это стало ещё одной причиной для нападков на Японию и осложнений в японо-китайских отношениях в связи с исторической памятью.

Своеобразной заменой репараций и их дополнением при компенсации ущерба жертвам японской агрессии стала официальная помощь развитию (ОПР) в виде грантов, технического

⁴ Кит. *Лугоуцяо* – место, где в июле 1937 г. произошёл инцидент, послуживший формальным поводом для начала японо-китайской войны (*Прим. авт.*).

содействия и бесплатных или низкопроцентных иенных займов. Ожидаемо, что особое место среди реципиентов японской ОПР занял Китай: за всё время предоставления помощи этой стране (она продолжалась с 1979 по 2008 г.) в КНР было направлено около 45 млрд долл. США, или 20 % всех средств, а среди стран-доноров ОПР в Китае доля Японии превышала 60 % [Ковригин, 2012, с. 10]. Одной из ключевых причин такого внимания к КНР, как отмечает российский японовед-экономист Е.Б. Ковригин, было именно чувство вины – моральные обязательства по отношению к бывшей жертве агрессии [Ковригин, 2012, с. 13].

В то же время, хотя появление такой формы сотрудничества со странами Азии, как ОПР, было связано с ответственностью Японии за агрессию, и одним из мотивов предоставления помощи была компенсация ущерба пострадавшим странам, большой вес для Японии имела также экономическая мотивация и собственный престиж. На практике при предоставлении ОПР большую роль стали играть «гуманитарные соображения» и «соображения пользы» [Ковригин, 2014, с. 42]. К примеру, ОПР помогла создать в странах-реципиентах необходимую для развития бизнеса японских компаний инфраструктуру, познакомиться с деловой средой, сформировать в этих странах более комфортные условия для японских граждан и, в целом, гарантировать национальную безопасность Японии. Именно это определило неприятие данной формы компенсации материального ущерба в Китае, где ОПР воспринимается как дешёвая замена репараций [Жибэнь дуйхуа чжэнфу...].

Немаловажным обстоятельством является и то, что роль ОПР как компенсации материального ущерба странам, пострадавшим от японской агрессии, изначально не афишировалась: связь помощи с репарациями в официальных документах не упоминалась, а источником финансирования основной её части стал не госбюджет, а специальная Программа финансовых инвестиций и кредитов, пополняемая через почтово-сберегательные кассы [Ковригин, 2012, с. 13]. До сих пор в социологических опросах, связанных с ОПР, отсутствует какая-либо увязка этой помощи с военным прошлым. Обследования отношения японского общества к ОПР проводятся в основном на предмет осведомлённости аудитории о целях расходования средств и роли Японии в международной политике содействия развитию [ODA ни кансүру исики тэ:са; Нихон ни окэру сэйфу кайхацу эндзё ...]. Само понятие «ОПР», в отличие от «репараций» не несёт в себе негативного заряда и не внушает японскому обществу чувства вины. Всё это согласуется с послевоенным курсом на обеспечение социальной стабильности и смягчение военной травмы у японского общества, который заслуживает отдельного рассмотрения.

Чувство вины в условиях смягчения послевоенной травмы

Быстрое восстановление экономики и стремительный рост уровня жизни населения в послевоенные десятилетия способствовали постепенному стиранию памяти японского народа об ужасах войны. В то же время, на социальную стабильность и смягчение военной травмы была ориентирована внутренняя политика, в центре внимания которой, помимо всего прочего, были сфера образования и массовая культура.

Учебники истории в послевоенные десятилетия ограничивались довольно кратким и неполным описанием военных действий, и их содержание жёстко контролировалось сетью созданных при поддержке Министерства образования комиссий по проверке учебников

[Nozaki, 2008, pp. 11–12]. Этой же линии следовал и японский кинематограф 1950-х – 1960-х годов, который старался показывать более приглядные стороны военных событий и избегать острых проблем, способных плохо сказаться на самооценке японских зрителей [Wilson, 2013, p. 539].

Отсутствие достаточной информации и стирание памяти способствовали формированию нейтрального, не отягощённого чувством вины отношения к военным событиям в целом. Более того, как отмечает японская исследовательница Огава Сюко, бомбардировки Хиросимы и Нагасаки, в которых, по японским оценкам, погибли, соответственно, 140 тыс. и 70 тыс. мирных жителей Японии (включая тех, кто умер позже от радиации), привели к тому, что в японском обществе преобладало восприятие своей страны как жертвы военных действий, а не агрессора. С. Огава считает, что, в отличие от Германии, Япония не была обременена чувством национальной вины за военные преступления именно по этой причине, а также вследствие цензуры и из-за удалённости страны от эпицентра военных действий [Ogawa, 2000, p. 43].

Как утверждает китайский исследователь Ван Гуантао, в послевоенные десятилетия у японского народа не было массового осознания коллективной вины перед другими государствами. Япония тоже пострадала в войне, и внимание политиков, предпринимателей, учёных и журналистов было сосредоточено на внутренних проблемах страны. В частности, важнейшей заботой для руководства страны были демилитаризация Японии, восстановление экономики, преодоление бедности и голода и поддержание уровня жизни населения, который позволит Японии встать на путь демократии и пацифизма. Понимание проблемы ответственности и долга, как отмечает Ван, было довольно поверхностным. Народ в основной своей массе считал, что «Япония должна выплатить репарации потому, что проиграла в войне», а не потому, что инициировала вторжение на территорию чужого государства, нанесла ущерб его народу и должна за это расплатиться [Ван, 2016, с. 54–59]. Таким образом, к моменту нормализации отношений с Китаем (как в 1952 г., когда были установлены дипломатические отношения с Китайской Республикой, так и в 1972 г. при подписании Совместного коммюнике с Китайской Народной Республикой) Япония пришла с уровнем ответственности, который, как считает Ван, был недостаточно высоким [Ван, 2016, с. 61].

В то же время, нельзя утверждать, что чувство вины за агрессию в японском обществе отсутствовало. Прогрессивная японская интеллигенция, заставшая войну, – писатели, учёные, предприниматели считали, что Япония и её жители находятся в моральном долгу перед Китаем и страдания китайского народа были жертвой ради будущего величия Японии. Для некоторых из них чувство вины было связано с личным опытом и воспоминаниями [Ogata, 1965, p. 392].

На восприятие исторических аспектов отношений с КНР повлиял рост политической, экономической и культурной дистанции между странами в послевоенные десятилетия. После своего поражения Япония с готовностью приняла не только разработанную США новую конституцию, предложенные политическую и экономическую модели, но и новую систему ценностей, и послевоенное поколение японцев воспитывалось в принципиально новых условиях, характеризующихся возрастающим влиянием американской культуры в различных сферах общественной жизни. Китай же становился для жителей Японии всё более далёкой страной. Если поколение японцев, родившихся до войны, испытывало к своему соседу

чувство родства, хотя и смешанного со страхом и унаследованным от довоенного антикитайского образования пренебрежением [Ogata, 1965, pp. 390–391], то для следующего поколения, жившего уже в период минимального числа контактов с КНР, эта страна стала фактически чужой [Хиракава, 2006, с. 4–6].

По вышеупомянутым причинам нельзя говорить и о возможностях получения фундаментальных знаний, связанных с японской агрессией. Сохранявшаяся после войны жёсткая многоступенчатая система контроля над содержанием учебников истории способствовала формированию однобокого представления о военных событиях и их определённой оценки у не одного поколения японцев.

Не останавливаясь подробно на процессах борьбы между прогрессивными и консервативными силами в японской сфере образования⁵, важно сказать о результате выбранного курса. Показателен в этом отношении исследовательский проект «50 лет после войны и японское образование» Специальной японо-китайской комиссии по исследованию учебников, учреждённой Японским союзом учителей совместно с китайскими специалистами, объектом которого стали учащиеся разных ступеней обучения несколько десятков школ и университетов Японии [Нихон но сэйто, гакусэй но дзю:гонэн сэнсо:кан..., 1996].

Исследование выявило, что учащиеся больше осведомлены о действиях США и европейских союзников в Тихоокеанском театре военных действий, чем о конкретных событиях, связанных с наступлением в Китае. Так, только 8,5 % учеников средней школы, 14,1 % учеников старшей школы и 26,5 % студентов университетов хоть что-то знали об «Отряде 731». Некоторыми знаниями о Нанкинской резне обладали 20,3 % учеников средней школы, 41,6 % учеников старшей школы и 71,7 % студентов при том, что о бомбардировках Хиросимы и Нагасаки знали около 90 % опрошенных независимо от степени обучения [Нихон но сэйто, гакусэй но дзю:гонэн сэнсо:кан..., 1996, с. 15–17].

Ещё одним важным наблюдением стало то, что осведомлённость аудитории о датах и событиях, связанных с переходом Японии в статус жертвы и с её поражением в войне, оказалась выше, чем о событиях, связанных с агрессией. Так, значительно больше респондентов смогли назвать точную дату капитуляции Японии, дату бомбардировки Хиросимы и дату атаки на Пёрл-Харбор, чем даты Мукденского инцидента⁶ и, собственно, японо-китайской войны [Нихон но сэйто, гакусэй но дзю:гонэн сэнсо:кан..., 1996, с. 18–23].

Наконец, наблюдалась значительная доля сомнения⁷ в вопросах, отражающих оценку событий, а именно – связанных с тем, что послужило причиной войны, кто пострадал в войне и кто в ней виноват. Порядка половины опрошенных (от 40–60 % по большинству позиций), судя по всему, не знают, не уверены или боятся судить о том, лежала ли ответственность за войну на японском императоре, на правительстве и войсках Японии (хотя здесь сомнений несколько меньше), на японском народе, на правительстве Китая (в лице власти Чан Кайши или лидера коммунистов Мао Цзэдуна), на китайском народе, на других народах Азии, в том

⁵ Здесь нельзя не упомянуть профессора Иэнага Сабуро, который активно боролся с Министерством образования за объективность отражения исторических фактов в учебниках истории в 1960-е годы (*Прим. авт.*).

⁶ Мукденский инцидент – подрыв в 1931 г. железной дороги около Мукдена (сегодня Шэньян) и последовавшее за этим наступление японской Квантунской армии на китайские позиции, что стало началом захвата Маньчжурии (*Прим. авт.*).

⁷ Респонденты должны были выбрать варианты, отвечающие на вопрос, и для каждого варианта, помимо «да»/«нет», был возможен выбор опции «не знаю» (*Прим. авт.*).

числе корейском, или же на западных державах [Нихон но сэйто, гакусэй но дзю:гонэн сэнсо:кан..., 1996, с. 24–27].

То же касается и вопроса о том, кто пострадал в войне. Хотя большинство опрошенных отметили, что пострадал китайский народ (от 67 до 77 %, в зависимости от ступени обучения), китайские и корейские женщины (56–77 %), японский народ (60–63 %) и другие народы Азии (48–64 %), по каждому из предложенных вариантов была велика доля сомнения [Нихон но сэйто, гакусэй но дзю:гонэн сэнсо:кан..., 1996, с. 26–28].

Заключение

Можно ли говорить о чувстве вины, если знаний о войне недостаточно и если, к тому же, война воспринимается как безусловное зло, причинившее вред всем вовлечённым в неё странам и народам независимо от того, кто её инициировал?

Высшей ценностью, главным результатом поражения в войне для японского народа стало утверждение мира, пришедшего на смену постоянному страху и лишениям. Вся послевоенная история Японии, начиная от принятия пацифистской конституции, 9-я статья которой провозгласила отказ от создания военных сил и ведения государством военных действий, направлена на утверждение мира, и в умах обычных японцев, включая молодёжь, до сих пор жива идея о том, что достигнутое страной процветание стало возможным в условиях полного отказа от войны. Не случайно обсуждение поправок в 9-ю статью конституции на рубеже XX и XXI в. в связи с изменениями международной обстановки было негативно воспринято японской общественностью.

Нельзя не отметить, что сильные позиции пацифизма в Японии, а также, в целом, резкая смена курса в период американской оккупации и в последующие десятилетия, как ничто другое, говорят об осознании совершённой ошибки [Бенедикт, 2007, с. 342–343]. Однако японское государство предпочло не обременять общество проблемами прошлого, и в соответствии с японской пословицей «прикрыть крышкой то, что дурно пахнет» (*кусай моно ни фута о суру*), старалось способствовать тому, чтобы люди постепенно забывали о плохом. Как указано на сайте МИД Японии, «нельзя ставить будущие поколения в положение, когда они будут вынуждены продолжать извиняться; ответственность лежит на нынешнем поколении, живущем сейчас» [Рэкиси мондай Q&A].

Постоянные напоминания о войне не сочетаются с тем уровнем жизни, который достигнут в Японии к настоящему времени, с моделью общества, ориентированной на обеспечение максимального комфорта для всех его субъектов, на избегание конфликтов и поддержание гармонии любой ценой. В этих условиях историческая память выглядит ненужным грузом, нарушающим спокойную, размеренную жизнь.

Современные японцы не любят говорить о войне. У каждого человека есть на это свои причины: для кого-то война связана с воспоминаниями о погибших родных и близких, для кого-то – с чувством вины за японскую агрессию и ошибки прошлого, для кого-то – с нежеланием поднимать неприятную тему. Так или иначе, ассоциации с войной исключительно негативны даже у молодого поколения, не столкнувшегося с ней напрямую.

Послевоенный путь развития японской визуальной культуры (в первую очередь, поп-культуры – *анимэ, манга, дорама*), которая, как известно, отличается своеобразием, присутствием индустриальных и военных образов и некоей сюрреалистичностью,

свидетельствует о тяжёлой травме и глубоких переживаниях, оставшихся после войны. В связи с поп-культурой, известный востоковед Е.Л. Катасонова приводит слова современного японского художника Мураками Такаси о том, что многие творческие люди, «возможно, переживают трагический опыт Японии, связанный с поражением во Второй мировой войне и с последующей оккупацией. Они переносят жестокую реальность в мультяшные фантазии, плоские, разноцветные и неприкаемые» [Катасонова, 2011, с. 165]. Стремление японских художников и японского общества, «уйти» в мир аниме-фантазий и беспрецедентную популярность этого направления визуальной культуры в Японии, вне всяких сомнений, можно считать защитной реакцией на послевоенную травму.

В заключение нельзя не остановиться на храме Ясукуни, который является одним из главных воплощений памяти о войне в Японии и в то же время, камнем преткновения в отношениях Японии со странами Азии. Посещение Ясукуни официальными лицами Японии приводит к серьёзным дипломатическим конфликтам и массовым протестам, так как жители пострадавших от японской агрессии стран считают святилище воплощением милитаризма, а визиты в него – проявлением неспособности японского народа раскаяться в жестокостях, совершённых во время Второй мировой войны.

Этнический японец Мацумото Кадзуо, родившийся на Тайване в 1925 г. и написавший много книг о Китае, Тайване и китайской культуре в целом, сравнивая японский и китайский менталитет, отмечает, что у двух народов диаметрально противоположное отношение к жизни и смерти. Если в Китае окончательная оценка человеку, в соответствии с пословицей *гайгуань шидин* («закрыв крышку гроба, сделать вывод»), делается при жизни и об искуплении грехов или освобождении от ответственности после смерти не может быть и речи, в Японии все люди после смерти равны и, как говорят по-японски, *синэба хотокэ* («умерев, превращаются в будду»). Какие бы грехи человек ни совершил за свою жизнь, смерть освобождает от ответственности и служит искуплением вины. Именно поэтому в храме Ясукуни считают, что все отдавшие свою жизнь за страну в равной степени заслуживают памяти [Мацумото, 1987, с. 168–173]. Кроме того, как отмечала известный японовед Э.В. Молодякова, согласно вере *синто*, души умерших после смерти утрачивают индивидуальность и сливаются с духом предков. Поэтому праздник умиротворения душ умерших, лежащий в основе ритуальности Ясукуни, призван поддерживать в стабильном состоянии дух *тама*, присущий всей окружающей природе [Молодкова, 2007, с. 51–52].

Чувства, которые вызывает у простых японцев посещение храма, связаны, скорее, с любовью к своей стране, торжеством мира над войной и болью об ушедших близких. По крайней мере, официальная миссия храма состоит в том, чтобы увековечить память погибших и передать будущим поколениям так называемое «сердце Ясукуни», или «сердце умиротворённого государства» (*ясукуни-но кокоро*).

Вместе с тем, имея большое государственное значение, Ясукуни становится оплотом японского национализма. В военно-историческом музее Юсюкан, расположенном на территории храма, продаются книги, отрицающие выводы Токийского трибунала и сам факт Нанкинской резни, не говоря о ракурсе, с которого освещаются военные события как в книгах, так и в самом музее.

Всё это, однако, не может отражать точку зрения японского общества в целом: отчасти – из-за упомянутой отчуждённости современного поколения от событий прошлого, отчасти – из-за того, какой проблемой становится эта болезненная тема для развития отношений

с Китаем. В последние десятилетия интерес японского общества к своему соседу неуклонно повышается, и несмотря на запутанный клубок проблем, всё больше молодых японцев испытывают к этой стране дружеские чувства на фоне активизации двусторонних контактов в различных сферах [Хэйсэй 29 нэндо гайко: ни кансуру ёрон тё:са..., с. 7]. Показательно и то, что в отношении визитов премьер-министра С. Абэ с храм Ясукуни мнение японской аудитории разделилось практически пополам: 45 % респондентов посчитали, что посещение Ясукуни со стороны С. Абэ в декабре 2013 г. было уместным, а 43 % – сочли его неуместным. При этом 47 % посчитали, что визиты следует прекратить [Сюсё: но ясукуни сампай...]. Достаточно большое число японцев, очевидно, не хотят, чтобы проблема исторической памяти препятствовала развитию японо-китайских отношений.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Баба Кимихико. Сэнго нихондзин ни тоттэ но тю:гоку какумэй, бунка дайкакумэй, тэнъанъмон дзикэн : [Китайская революция, культурная революция и инцидент на площади Тяньаньмэнь для послевоенного поколения японцев] // ICCS Journal of Modern Chinese Studies, Vol.7 (2), 2014. С. 56–67. (На яп.).

Бенедикт Р. Хризантема и меч: модели японской культуры. СПб: «Наука», 2007. 360 с.

Ван Гуантао. Нихон но сэнсо: байсё: мондай то тай Тю: сэйсаку : [Проблема военных репараций Японии и её политика по отношению к Китаю] // Хо:сэй ронсю:. 09.2016. № 267. С 43–81. (На яп.).

Дай 15-кай ниттю: кё:до: ёрон тё:са : [15-е совместное обследование общественного мнения в Японии и Китае] // The Genron NPO. 10.2019. URL: <http://www.genron-pro.net/pdf/15th.pdf> (дата обращения: 07.05.2020). (На яп.).

Жан гоцзя вэй лиши цзуйго даоцянь даоди ю донань : [Как сложно заставить страну извиниться за свои исторические грехи] // BBC News (китайская версия), 29.03.2019. URL: <https://www.bbc.com/zhongwen/simp/world-47721207> (дата обращения: 06.08.2020). (На кит.).

Жибэнь дуйхуа чжэнфу кайфа юаньчжу (ODA) сяну юй чжаньчжэн пэйкуань ю гуаньси ма? : [Связаны ли проекты официальной помощи развитию (ОПР) Китаю с репарациями?] // Sohu. 27.10.2018. URL: https://www.sohu.com/a/271485243_166075 (дата обращения: 08.08.2020). (На кит.).

Катасонова Е.Л. Мураками Такаси и его теория суперплоскости // Япония 2011. Ежегодник. М.: «АИРО-XXI», 2011. С. 155–167.

Ковригин Е.Б. Япония – АСЕАН: эволюция официальной помощи развитию // Пространственная Экономика. 2014. № 2. С. 40–74.

Ковригин Е.Б. Япония – Китай: официальная помощь развитию как инструмент экономического взаимодействия // Пространственная Экономика. 2012. № 3. С. 9–33.

Кокумин кандзё: о рию: ни ко:хё: судзи но со:са о курикаэсу тю:гоку : [Китай продолжает манипулировать официальными цифрами, ссылаясь на народные настроения] // JBpress. 02.05.2014. URL: <http://jbpress.%20ismedia.%20jp/articles/-/40575> (дата обращения: 01.10.2014). (На яп.).

Мацумото Кадзуо. Тю:гокудзин то нихондзин. Тю:гоку о фукаку рикай суру : [Китайцы и японцы. Глубоко понять Китай]. Токио: Саймару сюппанкай, 1987. 265 с. (На яп.).

Молодякова Э.В. Многоаспектность проблемы святилища Ясукуни // Япония 2007. Ежегодник. М.: «АИРО-XXI», 2007. С. 48–68.

Нихон ни окэру сэйфу кайхацу эндзё (ODA) ни кансуру ёрон тё:са кэка : [Результаты опроса общественного мнения об ОПР Японии] // Японский институт глобального здравоохранения. 12.2015. URL: <http://jigh.org/wp/wp-content/uploads/2015/12/435f296fd2f1a1e5f63cdec760de53b.pdf> (дата обращения: 29.07.2019). (На яп.).

Нихон но сэйто, гакусэй но дзю:гонэн сэнсо:кан то кё:касё. Ниттю: но рэкиси ни кансуру исики тё:са : [Учебники и восприятие 15-летней войны японскими учениками и студентами. Обследование отношения к истории японо-китайских отношений]. Никкё:гуми «Сэнго 50 нэн то нихон но кё:ику» пуродзекуто. Ниттю: кё:касё кэнкю: токубэцу иинкай : [Проект Японского союза учителей «50 лет после войны и японское образование». Специальная японо-китайская комиссия по исследованию учебников]. Токио: Адобантэ:дзи са:ба:, 1996. 142 с. (На яп.).

Рэкиси мондай Q&A : [Исторические проблемы: вопросы и ответы] // МИД Японии. 06.04.2018. URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/area/taisen/qa/index.html> (дата обращения: 02.08.2020). (На яп.).

Сё:ва тэнно: «хосоку нагаку икитэмो...» мото дзидзю:-но никки-ни хацугэн : [Слова императора Сёва «даже если я проживу долгую жизнь...» обнаружены в дневнике бывшего камергера] // Асахи симбун. 23.08.2018. URL: <https://www.asahi.com/articles/ASL8R33W9L8RUTIL00W.html> (дата обращения: 22.07.2020). (На яп.).

Сигрейв С., Сигрейв П. Династия Ямато / пер. с англ. С.А. Аклаева. М.: АСТ, ЛЮКС, 2005. 495 с.

Си Цзиньпин цзай наньцин датуша сынаньчжэ гоцзя гунцзиши шан дэ цзянхуа : [Речь Си Цзиньпина на национальной траурной церемонии в память о жертвах нанкинской резни] // Синьхуаван. 13.12.2014. URL: http://www.xinhuanet.com//politics/2014-12/13/c_1113630100.htm (дата обращения: 19.07.2020). (На кит.).

Стрельцов Д.В. Проблемы исторического прошлого в послевоенных отношениях Японии со странами Восточной Азии // Япония 2014. Ежегодник. М.: «АИРО-XXI», 2014. С. 7–27.

Сюсё: но ясукуни сампай, сампи варэру : [Визит премьер-министра в Ясукуни, мнения разделились] // Нихон кэйдай симбун. 26.01.2015. URL: https://www.nikkei.com/article/DGXNASFS26023_W4A120C1PE8000/ (дата обращения: 10.08.2020). (На яп.).

Такэнака Саэко. Сэнсо: то сядзай хё:гэн-ни кансуру ниттю: тайсё: кэнкю: : [Сравнительное исследование формулировок извинений, связанных с войной, с точки зрения японского и китайского языка] // То:ё: дайгаку гакудзюцу дзё:хо; риподзитори. 12.2018. URL: <http://id.nii.ac.jp/1060/00010252/> (дата обращение: 06.08.2020). (На яп.).

Хиракава Сатико. 40-дай нихондзин но Тю:гокукан о сагуру : [Исследуя восприятие Китая японцами, родившимися в 40-е годы]. COE-CAS Working Paper №32. 12.2006. (На яп.).

Хэйсэй 29 нэндо гайко: ни кансуру ёрон тё:са но гайё:. Тю:гоку ни тайсуру синкинкан : [Краткое изложение опроса общественного мнения по дипломатическим проблемам за 2017 г. Дружеские чувства по отношению к Китаю] // Найкакуфу : [Кабинет министров

Японии]. 25.12.2017. URL: <https://survey.gov-online.go.jp/h29/h29-gaiko/gairyaku.pdf> (дата обращения: 10.08.2020). (На яп.).

Чжунжи гуаньси ши : [История китайско-японских отношений] / под ред. Сунь Найминь. Пекин: «Шэхуэй кэсюэ вэньсянь чубаньшэ», 2006. Т. 2. 561 с. (На кит.).

Ябуки Сусуму. Танака Какуэй но мэйваку, Мо: Такуто: но мэйваку, Сё:ва тэнно: но мэйваку : [Мэйваку Танака Какуэя, мэйваку Мао Цзэдуна и мэйваку императора Сёва] // 21-ссэйки тю:гоку со:кэн : [Институт исследования Китая 21 века]. URL: http://www.21ccs.jp/china_quarterly/China_Quarterly_01.html (дата обращения: 07.08.2020). (На яп.).

Emperor Showa prevented from expressing remorse over war in '52, newly disclosed documents reveal // KYODO. 08.19.2019. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2019/08/19/national/history/emperor-showa-prevented-expressing-remorse-war-52-newly-disclosed-documents-reveal/> (accessed: 21.07.2020).

Gordon A. (ed.). (1993). *Postwar Japan and History*. London: University of California Press.

Lind J. (2009). *The Perils of Apology: What Japan Shouldn't Learn from Germany* // *Foreign Affairs*. May/June, Vol. 88, No. 3. P. 132–146.

MacArthur aide: U.S. must learn from errors // *The Salt Lake Tribune*. 07.12.2006. URL: <https://archive.slttrib.com/article.php?id=4794305&itype=NGPSID> (accessed: 22.07.2020).

Nozaki Yoshiko. (2008). *War Memory, Nationalism and Education in Postwar Japan, 1945–2007: The Japanese History Textbook Controversy and Ienaga Saburo's Court Challenges*. London & New York: Routledge.

ODA ни кансүру исики тё:са [Исследование осведомлённости об ОПП] // МИД Японии. 04.2009. URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/press/pr/chosa/yoron/chosa_oda.html (дата обращения: 29.07.2019). (На яп.).

Ogata Sadako. (1965). *Japanese Attitude toward China* // *Asian Survey*, Vol. 5, No. 8 (Aug.). Pp. 389–398.

Ogawa Shuko. (2000). *The Difficulty of Apology: Japan's Struggle with Memory and Guilt* // *Harvard International Review*. FALL 2000, Vol. 22, No. 3. P. 42–46.

Treaty of Peace with Japan (with two declarations). Signed at San Francisco, on 8 September 1951 // United Nations Treaty Collection. URL: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%20136/volume-136-I-1832-English.pdf> (accessed: 07.01.2020).

Wilson S. (2013). *Film and Soldier: Japanese War Movies in the 1950s* // *Journal of Contemporary History*. № 48 (3). P. 537–555.

Yamazaki, Jane W. (2006). *Japanese Apologies for World War II: A Rhetorical Study*. London & New York: Routledge.

REFERENCES

Asahi Shimbun. (2018). Shōwa tennō: “hosoku nagaku ikitemo...” moto jijū no nikki ni hatsugen [Words of the Showa Emperor “There is no Point in Living a Longer Life...” Found in the Diary of the Former Chamberlain], 23 August. URL: <https://www.asahi.com/articles/ASL8R33W9L8RUTIL00W.html> (accessed: 22.07.2020). (In Japanese).

Baba, Kimihoko (2014). Sengo nihonjin ni totte no chūgoku kakumei, bunka daikakumei, ten'anmon jiken [The Chinese revolution, the Cultural Revolution, the Tiananmen Square Incident for the post-war generation of the Japanese], *ICCS Journal of Modern Chinese Studies*, 7 (2): 56–67. (In Japanese).

BBC News (Chinese version). (2019). Rang guojia wei lishi zuiguo daoqian daodi you duonan [How Difficult it is to Make a Country Apologize for its Historical Sins], 29 March. URL: <https://www.bbc.com/zhongwen/simp/world-47721207> (accessed: 06.08.2020). (In Chinese).

Benedict, R. (2007). Khrizantema i mech: modeli yaponskoy kul'tury [Chrysanthemum and the Sword: Models of Japanese Culture], Saint Petersburg: Nauka. (In Russian).

Gordon, A. (ed.). (1993). Postwar Japan and History, London: University of California Press.

Hirakawa, Sachiko (2006). 40-dai nihonjin no Chūgokukan wo saguru [Investigation perception of China by the Japanese born in 1940s], *COE-CAS Working Paper*, №32, December. (In Japanese).

Japan Institute for Global Health. (2015). Nihon ni okeru seifu kaihatu enjo (ODA) ni kansuru yoron chōsa kekka [Results of the Public Opinion Poll Survey on Official Development Assistance (ODA) in Japan], December. URL: <http://jigh.org/wp/wp-content/uploads/2015/12/435f296fd2f1a1e5f63cdec760de53b.pdf> (accessed: 29.07.2019). (In Japanese).

JBpress. (2014). Kokumin kanjō wo riyū ni kōhyō sūji no sōsa wo kurikaesu chūgoku [China Keeps Manipulating Official Figures Explaining it with National Sentiment], 2 May. URL: <http://jbpress.%20imedia.%20jp/articles/-/40575> (accessed: 01.10.2014). (In Japanese).

Katasonova, E.L. (2011). Murakami Takasi i ego teoriya superploskosti [Murakami Takashi and his Theory of Super Flat], *Yearbook Japan*, Moscow: AIRO-XXI. (In Russian).

Kovrigin E.B. (2012). Yaponiya – Kitay: ofitsial'naya pomoshch' razvitiyu kak instrument ekonomicheskogo vzaimodejstviya [Japan – China: Official Development Assistance as an Instrument of Economic Interaction], *Prostranstvennaya Ekonomika/Spatial Economics*, 3. (In Russian).

Kovrigin, E.B. (2014). Yaponiya – ASEAN: evolyutsiya ofitsial'noy pomoshchi razvitiyu [Japan – ASEAN: Evolution of Official Development Assistance], *Prostranstvennaya Ekonomika/Spatial Economics*, 2. (In Russian).

Kyodo. (2019). Emperor Showa prevented from expressing remorse over war in '52, newly disclosed documents reveal, 19 August. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2019/08/19/national/history/emperor-showa-prevented-expressing-remorse-war-52-newly-disclosed-documents-reveal/> (accessed: 21.07.2020).

Lind, J. (2009). The Perils of Apology: What Japan Shouldn't Learn from Germany, *Foreign Affairs*, May/June, 88 (3): 132–146.

Matsuomoto, Kazuo (1987). Chūgokujin to nihonjin. Chūhoku wo fukaku rikai suru [The Chinese and the Japanese: How to Better Understand China], Tokyo: Saimaru shuppankai. (In Japanese).

Ministry of Foreign Affairs of Japan. (2009). ODA ni kansuru ishiki chōsa [Awareness survey on ODA], April. URL: https://www.mofa.go.jp/mofaj/press/pr/chosa/yoron/chosa_oda.html (accessed: 29.07.2019). (In Japanese).

Ministry of Foreign Affairs of Japan. (2018). Rekishi mondai Q&A [History Issues Q&A], 6 April. URL: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/area/taisen/qa/index.html> (accessed: 02.08.2020). (In Japanese).

Molodyakova, E.V. (2007). Mnogoaspektnost' problemy svyatilishcha Yasukuni [Multidimensional Nature of the Yasukuni Shrine], *Yearbook Japan*, Moscow: AIRO-XXI. (In Russian).

Nihon Keizai Shimbun. (2015). Shushō no yasukuni sampai, sampi wareru [Visits of the Japanese Prime-Minister to the Yasukuni Shrine: Opinions Split], 26 January. URL: https://www.nikkei.com/article/DGXNASFS26023_W4A120C1PE8000/ (accessed: 10.08.2020). (In Japanese).

Nihon no seito, gakusei no jūgonen sensōkan to kyōkasho. Nitchū no rekishi ni kansuru ishiki chōsa [Textbooks and Perception of the “The Fifteen-Year War” by Japanese Pupils and Students. Research of the Attitude to History of Japan-China Relations]. (1996). Nikkyōgumi “Sengo 50 nen to nihon no kyōiku” purojekuto. Nitchū kyōkasho kenkyū tokubetsu iinkai [A Project of the Japan Teachers Union on “Japanese Education 50 Years after the End of the War”. A Special Japan-China Commission on Textbook Research], Tokyo: Adobantēji saba. (In Japanese).

Nozaki, Yoshiko (2008). War Memory, Nationalism and Education in Postwar Japan, 1945–2007: The Japanese History Textbook Controversy and Ienaga Saburo’s Court Challenges, London & New York: Routledge.

Ogata, Sadako (1965). Japanese Attitude toward China, *Asian Survey*, 5(8) (Aug.): 389–398.

Ogawa, Shuko (2000). The Difficulty of Apology: Japan's Struggle with Memory and Guilt: *Harvard International Review*, 22(3): 42–46.

Public Relations Office of the Cabinet. (2017). Heisei 29 nendo gaikō ni kansuru yoson chōsa ni gaiyō: chūgoku ni taisuru shinkinkan [Outline of the 2017 Opinion Poll on Diplomatic Problems], 25 December. URL: <https://survey.gov-online.go.jp/h29/h29-gaiko/gairyaku.pdf> (accessed 10.08.2020). (In Japanese).

Seagrave S., Seagrave P. (2005). Dinastiya Yamato [The Yamato Dynasty], translation from English by Aklaev, S.A, Moscow: AST, LYUKS. (In Russian).

Sohu. (2018). Riben duihua zhengfu kaifa yuanzhu (ODA) xiangmu yu zhanzheng peikuan you guanxi ma? [Are Projects of Official Development Assistance (ODA) to China Related to Reparations?], 27 October. URL: https://www.sohu.com/a/271485243_166075 (accessed: 08.08.2020). (In Chinese).

Streltsov, D.V. (2014). Problemy istoricheskogo proshlogo v poslevoyennykh otnosheniyakh Japonii so stranami Vostochnoy Azii [Problems of Historical Past in Post-War Relations between Japan and Countries of East Asia], *Yearbook Japan*, Moscow: AIRO-XXI. (In Russian).

Sun, Naimin (ed.) (2006). Zhongri guanxi shi [History of Japan-China Relations], Beijing: Shehui kexue wenxian chubanshe, Vol. 2. (In Chinese).

Takenaka, Saeko (2018). Senso: to shazai hyōgen-ni kansuru nitchū taishō kenkyū [Comparative Study of War Apology Expressions in Japanese and Chinese Languages], *Toyo University Repository for Academic Resources. Economic Papers*, December. URL: <http://id.nii.ac.jp/1060/00010252/> (accessed: 06.08.2020). (In Japanese).

The Genron NPO. (2019). Dai 15-kai nitchū kyōdō yoron chōsa [The 15th Joint Japan-China Opinion Poll Survey], October. URL: <http://www.genron-npo.net/pdf/15th.pdf> (accessed: 07.05.2020). (In Japanese).

The Salt Lake Tribune. (2006). MacArthur aide: U.S. must learn from errors, 7 December. URL: <https://archive.sltrib.com/article.php?id=4794305&itype=NGPSID> (accessed: 22.07.2020).

United Nations Treaty Collection. Treaty of Peace with Japan (with two declarations). Signed at San Francisco, on 8 September 1951. URL: <https://treaties.un.org/doc/Publication/UNTS/Volume%20136/volume-136-I-1832-English.pdf> (accessed: 07.01.2020).

Wang, Guangtao (2016). Nihon no sensō baoshō mondai to tai chū seisaku [The Problem of Japan's War Reparations and its Policy towards China], *Hōsei Ronshū*, September, №267. (In Japanese).

Wilson, S. (2013). Film and Soldier: Japanese War Movies in the 1950s, *Journal of Contemporary History*, 48 (3): 537–555.

Xinhua. (2014). Xi Jinping zai nanjing datusha sinanzhe guojia gongjiyishi shang de jianghua [Speech of Xi Jinping at the National Mourning Ceremony Commemorating Victims of the Nanjing Massacre], 13 December. URL: http://www.xinhuanet.com/politics/2014-12/13/c_1113630100.htm (accessed: 19.07.2020). (In Chinese).

Yabuki, Susumu (2004). Tanaka Kakuei no meiwaku, Mō Takutō no meiwaku, Shōwa tennō no meiwaku [*Meiwaku* of Tanaka Kakuei, *Meiwaku* of Mao Zedong, and *Meiwaku* of the Showa Emperor], *The 21st Century China Research Institute*, February. URL: http://www.21ccs.jp/china_quarterly/China_Quarterly_01.html (accessed: 07.08.2020). (In Japanese).

Yamazaki, Jane W. (2006). *Japanese Apologies for World War II: A Rhetorical Study*, London & New York: Routledge.

Поступила в редакцию 13.09.2020

Received 13 September 2020

Для цитирования: Кульнева П.В. Японская агрессия в Китае и чувство вины // Японские исследования. 2020. № 4. С. 21–39. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10026

For citation: Kulneva P.V. (2020). Yaponskaya agressiya v Kitaye i chuvstvo viny [Japanese aggression in China and the feeling of guilt], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2020, 4: 21–39. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10026

Японские исследования. 2020. № 4. С. 40–63.

Japanese Studies in Russia, 2020, 4, pp. 40–63.

DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10027

Новая стратегия пространственного развития Японии: вызовы XXI века

И.Л. Тимонина

Аннотация. Социально-экономические последствия региональной неравномерности и в XXI веке остаются одной из серьёзных проблем развития Японии. Несмотря на определённые успехи региональной экономической политики, основные количественные показатели территориально-экономических пропорций/диспропорций мало изменились за последние 30 лет.

Вместе с тем целый ряд внутренних и внешних факторов обусловил необходимость корректировки подходов к региональному стратегическому планированию. Среди них глобализация и изменение позиционирования Японии на мировом рынке, частичная потеря конкурентных позиций на азиатских рынках, нарастание конкуренции между «интернациональными» городами за иностранные инвестиции. Среди внутренних факторов – сокращение населения Японии темпами выше ожидавшихся ранее, изменение образа жизни людей и сдвиги в их системе ценностей, возрастание значимости таких её составляющих как стабильность, безопасность, благоприятные экологические условия, привлекательные ландшафты, диверсификация стилей жизни.

В основу Новой стратегии пространственного развития XXI века положена идея создания многослойной «компактной и сетевой территориальной структуры», в рамках которой должна быть обеспечена доступность социальных услуг для жителей всех населённых пунктов на основе оптимизации социальной инфраструктуры и формирования «новых городских ядер». Экономическое развитие регионов должно концентрироваться на развитии отраслей, опирающихся на местные ресурсы и учитывающих местную специфику, а также создание «экосистем» инноваций.

Наряду с оживлением региональной и сельской экономики Новая пространственная стратегия Японии нацелена на корректировку избыточной концентрации населения и экономического потенциала крупных мегаполисов (в первую очередь Токийского) и одновременно укрепление их глобальной конкурентоспособности.

В качестве необходимых условий для достижения амбициозных целей в Стратегии называется обеспечение экономического роста, повышение производительности труда в промышленности, создание инноваций за счёт региональных ресурсов и межрегионального сотрудничества, активизация участия женщин и пожилых людей в трудовой деятельности и общественной жизни, использование современных умных (smart) технологий, форматов шеринговой экономики.

Традиционным императивом при формулировании стратегии пространственного развития Японии остаётся очевидное стремление решать проблемы территориальной неравномерности в комплексе с решением других социально-экономических проблем страны, в частности проблем экологии, демографического спада (который особенно заметен в регионах), вопросов совершенствования производственной и социальной инфраструктуры.

Ключевые слова: Япония, региональное развитие, стратегия пространственного развития, цели устойчивого развития.

Автор: Тимонина Ирина Львовна, доктор экономических наук., профессор, Институт стран Азии и Африки МГУ (адрес: 125009, г. Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 1.), МГИМО (У) МИД РФ (адрес: 119454, Москва, пр-т Вернадского, 76), Институт востоковедения РАН (адрес: 107031, Москва, ул. Рождественка, 12), Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, г. Москва, Россия. E-mail: timonina2000@yahoo.com

Japan's new spatial development strategy: challenges of the 21st century

I.L. Timonina

Abstract. The socio-economic consequences of regional unevenness remain one of the major problems of Japan's development in the 21st century. Despite some success in regional economic policy, the main quantitative indicators of territorial-economic proportions/imbances have changed little over the past 30 years.

However, a number of internal and external factors have made it necessary to adjust approaches to regional strategic planning. These include globalization and the changing positioning of Japan in the world market, the partial loss of competitive positions in Asian markets, and increased competition between “international” cities for foreign investment. Internal factors include the decline of the Japanese population at a rate higher than previously expected, changes in people's lifestyles and shifts in their value system, the increasing importance of such of its components as stability, security, favorable environmental conditions, attractive landscapes, and diversification of lifestyles.

The new national spatial strategy of the 21st century is based on the idea of creating a multi-layered “compact and networked territorial structure”, which should ensure the availability of social services for residents of all localities by optimizing the social infrastructure and forming “new urban cores”. The economic development of regions should focus on the development of industries that rely on local resources and take into account local specifics, as well as the creation of “ecosystems” of innovations.

Along with reviving the regional and rural economy, Japan's new spatial strategy also aims to adjust the concentration of population and economic potential of large megacities (primarily Tokyo) and at the same time strengthen their global competitiveness.

As necessary conditions for achieving ambitious goals, the Spatial Strategy calls for achieving economic growth, increasing industrial productivity, building innovation through regional resources and interregional cooperation, increasing the participation of women and older people in work and public life, using modern “smart” technologies and sharing economy formats.

The traditional imperative in formulating Japan's spatial development strategy remains the obvious desire to solve the problems of territorial unevenness in conjunction with solving other socio-economic problems of the country, in particular the problems of ecology and demographic decline (which is especially noticeable in the regions), issues of improving production and social infrastructure.

Keywords: Japan, regional development, spatial development strategy, sustainable development goals.

Author: Timonina Irina L., Dr.Sc. (Economics), Professor, Institute of Asian and African Studies of Moscow State University, MGIMO University (address: 76, Vernadskogo Av., Moscow, 119454, Russian Federation), Institute of Oriental Studies (address: 12, Rozhdestvenka Str., Moscow, 107031, Russian Federation), The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA). E-mail: timonina2000@yahoo.com

Региональная политика в Японии имеет давнюю историю. Она зарождалась ещё в последней трети XIX века, когда правительство начало поддерживать, а точнее – осваивать отдалённые районы страны (в первую очередь о-в Хоккайдо). После Второй мировой войны с принятием Основного закона о комплексном развитии национальной территории 1950 г. эта политика приобрела последовательный и системный характер и стала неотъемлемым направлением государственной экономической политики.

Региональные диспропорции в XXI веке

За свою более чем столетнюю историю региональная политика японского правительства обрела институциональную структуру, гибкий и эффективный инструментарий. Принимавшиеся на регулярной основе правительственные планы и программы, например получивший международную известность проект создания технополисов¹, были довольно успешными. Однако, несмотря на имеющиеся достижения в направлении выравнивания региональных дисбалансов, социально-экономические последствия региональной неравномерности и в XXI веке остаются одной из серьёзных проблем развития Японии.

Среди позитивных эффектов региональной политики можно отметить сокращение разрыва в уровне душевого дохода между самым богатым и самым бедным регионом Японии в XXI веке. Так, если в 2006 г. доход на душу населения в Токио превышал доход в префектуре Окинава в 2,9 раза, то в 2015 г. этот показатель сократился до 2,5 раз². По данному показателю Япония занимает достаточно высокое 10-е место среди стран-членов ОЭСР. Межрегиональный коэффициент Джини (по душевому доходу) в Японии один из самых низких в ОЭСР (2 место с конца). И в целом, по оценке экспертов ОЭСР, периферийные районы Японии с точки зрения благосостояния и качества жизни по стандартам организации выглядят вполне благополучно [OECD Territorial Reviews, p. 11, 195].

Вместе с тем в Японии по-прежнему сохраняется сверхконцентрация населения в крупных городах с населением свыше 500 тыс. человек (в них проживает 70 % населения против 55 % в среднем по ОЭСР) [OECD Regional Outlook, p. 42].

Аналогичная ситуация наблюдается и в отношении концентрации экономической деятельности. Так, в период 2001–2014 гг. доля префектур-лидеров в формировании ВВП страны, в том числе и по его важнейшим отраслям, практически не изменилась (табл. 1).

Если сравнивать ситуацию в Японии с положением в других странах-членах ОЭСР, то можно отметить, что крупные города Японии в 2016 г. дают 80 % прироста ВВП страны (в том числе на долю Токийского метрополиса³ приходится 37 % прироста), в то время как средний показатель по ОЭСР составляет 68 %. На столичный регион приходится около трети ВВП страны (причем этот показатель даже несколько увеличился в 2000–2016 гг.) [Regions and Cities at a Glance, p. 21, 97], здесь создаётся подавляющее число новых рабочих мест (первое место по показателю доли рабочих мест, создаваемых в столичных городах, в общестрановом показателе среди стран-членов ОЭСР в 2006–2016 гг.) [OECD Regional Outlook, p. 42].

¹ Подробнее о технополисах см. [Тимонина И.Л., 1992, 2002].

² Подсчитано по: [Ranking (Prefectural Data)].

³ В данном контексте: Токио и 3 префектуры – Сайтама, Тиба и Канагава.

Таблица 1. Динамика региональной концентрации валового префектурального внутреннего продукта (ВПВП) (2001–2014 гг., в ценах 2005 г., млн иен, %)

ВПВП	2001 г., млн иен	Доля 5 префектур- лидеров, %	ВПВП	2014 г., млн иен	Доля 5 префектур- лидеров, %
Всего по Японии	520999,4		Всего по Японии	514296,3	
1 Токио	94 986,1		1 Токио	94902,1	
2 Осака	40 371,3		2 Осака	37934,0	
3 Айти	33 508,8		3 Айти	35990,3	
4 Канагава	30 708,2		4 Канагава	30322,0	
5 Хоккайдо	20 213,4		5 Сайтама	20914,4	
Всего по 5 префектурам	219787,9	42,2	Всего по 5 префектурам	220062,8	42,7
Финансы и страхование в составе ВВП/ВПВП					
Финансы и страхование в составе ВВП/ВПВП	2001 г., млн иен	Доля 5 префектур- лидеров, %	Финансы и страхование в составе ВВП/ВПВП	2014 г., млн иен	Доля 5 префектур- лидеров, %
Всего по Японии	29345,5		Всего по Японии	23416,6	
1 Токио	10288,1		1 Токио	9021,8	
2 Осака	2481,2		2 Осака	1580,8	
3 Айти	1445,5		3 Канагава	1017,1	
4 Канагава	1235,1		4 Айти	974,9	
5 Сидзуока	922,0		5 Сайтама	731,4	
Всего по 5 префектурам	16372,0	55,7	Всего по 5 префектурам	13325,9	56,9
Обрабатывающая промышленность в составе ВВП/ВПВП					
Обрабатывающая промышленность в составе ВВП/ВПВП	2001 г., млн иен	Доля 5 префектур- лидеров, %	Обрабатывающая промышленность в составе ВВП/ВПВП	2014 г., млн иен	Доля 5 префектур- лидеров, %
Всего по Японии	97374,1		Всего по Японии	94662,2	
1 Айти	10324,9		1 Айти	12005,0	
2 Токио	7794,4		2 Токио	6540,8	
3 Канагава	6562,0		3 Осака	5394,3	
4 Осака	6108,7		4 Сидзуока	5368,7	
5 Сидзуока	5372,4		5 Канагава	4930,8	
Всего по 5 префектурам	36162,5	37,1	Всего по 5 префектурам	34239,7	36,2

Источник: Рассчитано и составлено по: [Ranking (Prefectural Data)].

По данным Банка Японии, в трёх наиболее развитых районах страны – Канто-Косинъэцу⁴, Токай и Кинки – в 2015–2018 гг. было размещено 64 % новых предприятий, что примерно соответствует показателям 20- и 30-летней давности, в то время как на долю обширного по площади района Хоккайдо пришлось лишь 2 %⁵. В создании добавленной

⁴ Косинъэцу – бывший район Тюбу.

⁵ Подсчитано по: [Тиики кэйдзай хококу].

стоимости в промышленности также лидируют районы Канто, Кинки и Тюбу: их доля в общестрановом показателе снизилась незначительно: 1995 г. – 71,5 %, 2000 г. – 68,9 %, 2005 г. – 71,8 %, 2017 г. – 66,7 %. Аналогичная ситуация наблюдается в распределении потребительских расходов, инвестиций и экспорта [Report of 2005 Inter-Regional, p. 16, 20; Ranking (Prefectural Data)].

Весьма сложной остаётся и ситуация с местными финансами. Подавляющее большинство префектур Японии являются «дотационными». В 2017–2018 гг. доля местных налогов в доходной части префектуральных бюджетов составляла 30,2 и 31,7 %. [Рэйва 2 тоси хан тихо дзайсэй хакусё, с. 16].

Весьма показательны также сохраняющиеся межрегиональные структурные различия, которые могут быть оценены по так называемому «фактору местоположения» (Location quotient), который представляет собой количественную оценку концентрации конкретной отрасли, кластера, рода занятий или демографической группы в регионе по сравнению со среднестрановыми показателями. Фактор местоположения рассчитывается по следующей формуле:

$\frac{1}{2} \times$ [доля первой отрасли в экономике страны минус доля первой отрасли в экономике региона + доля второй отрасли в экономике страны минус доля второй отрасли в экономике региона + ...доля N-ной отрасли в экономике страны минус доля N-ной отрасли в экономике региона].

Регионы с отраслевой структурой, близкой к отраслевой структуре страны, имеют коэффициенты локализации, близкие к нулю. Регионы со специфической отраслевой структурой имеют коэффициенты специализации, стремящиеся к единице.

Отраслевая структура экономики районов Кинки и Канто ближе всего к структуре национальной экономики, что на фоне их преобладающих макроэкономических показателей свидетельствует о том, что названные регионы продолжают играть роль системообразующего элемента экономики страны. В то же время наибольшие отличия от структуры национальной экономики наблюдаются в «периферийных» районах – Хоккайдо и Окинаве (табл. 2).

Таблица 2. Динамика фактора местоположения по экономическим районам Японии (1995–2005)

Экономический район	Год		
	1995	2000	2005
Хоккайдо	0,1861	0,1710	0,1720
Тохоку	0,0981	0,0901	0,0734
Канто	0,0433	0,0392	0,0468
Тюбу	0,1268	0,1457	0,1645
Кинки	0,0416	0,0379	0,0394
Тюгоку	0,0842	0,0909	0,1260
Сикоку	0,1036	0,0888	0,0911
Кюсю	0,0983	0,0781	0,0665
Окинава	0,2829	0,2680	0,2242

Источник: Составлено по: [Report of 2005 Inter-Regional, p. 39].

Таким образом, количественные показатели территориально-экономических пропорций/диспропорций мало изменились за последние 30 лет. Соответственно и проблемы, ими порождаемые – чрезмерная концентрация населения, экономических ресурсов и хозяйственных функций в центральных районах и недостаток инвестиций, отток населения, слабая экономическая активность в периферийных районах – не утратили своей актуальности. Вместе с тем качественное содержание «традиционных» проблем неравномерного территориального развития в XXI веке, конечно, трансформировалось в направлении усложнения и диверсификации.

Здесь будет уместно упомянуть о выводах касательно новых условий и содержания региональной политики, сделанных Комитетом по региональной политике ОЭСР (OECD Regional Development Policy Committee). По мнению экспертов Комитета, измерение региональных диспропорций с учётом различных показателей благосостояния людей обнаруживает большие, чем в случае измерения только по уровню дохода, региональные диспропорции. Исходя из этого, региональная политика не должна концентрироваться только на задачах выравнивания уровня доходов по территориям, экономического роста и конкурентоспособности, а учитывать все аспекты жизни граждан, вопросы устойчивости местных сообществ, принимая при этом во внимание специфику и уникальные особенности и потенциал отдельных регионов.

Поэтому, – делают вывод эксперты, – региональная политика на национальном уровне не ограничивается определённым набором направлений, она тесно связана практически со всеми другими областями государственной экономической политики – стимулирование экономического роста и инноваций, транспортной, энергетической, жилищной политикой и другими, т.е. представляет собой «политику политик».

Ещё один посыл, содержащийся в документе Комитета, состоит в необходимости привлечения к реализации региональной политики других участников помимо собственно государства – неправительственных организаций, бизнеса, международных организаций [OECD Regional Outlook, p. 23].

В целом подобные выводы и рекомендации ОЭСР актуальны и для Японии. Более того, комплексный подход к решению проблем регионального развития для Японии вполне традиционен. Тем не менее, в условиях глубоких системных перемен в глобальной экономике, международных отношениях, социально-экономической жизни самой Японии в 2000-е годы и особенно во втором десятилетии XXI века сформировался запрос на инновационные подходы к решению традиционных и вновь возникающих проблем в сфере регионального развития. И сами проблемы регионального развития остались в числе приоритетных для правительства.

В 2019 г. на 18-м заседании Совета по преодолению демографического спада и оживлению местных экономик (о нём речь пойдет ниже) премьер-министр С. Абэ прямо провозгласил, что оживление Японии невозможно без динамично развивающихся регионов, подчеркнув, что кабинет министров «высоко поднял флаг региональной активизации и рассматривал этот вопрос в качестве одного из главных приоритетов в рамках общегосударственных усилий в течение последних пяти лет» [Council on Overcoming Population, May 20, 2019].

Концепция пространственного развития Японии отражена в различных правительственных документах, планах и программах центрального правительства,

министерств (в первую очередь Министерства земель, инфраструктуры, транспорта и туризма и Министерства экономики, торговли и промышленности), а также планах, программах и стратегиях органов местного самоуправления⁶.

Поскольку в данной статье автор намерен сосредоточить внимание на концептуальных инновациях в сфере пространственного развития, то предметом анализа станут, прежде всего, основополагающие документы, в которых определены общие принципы, направления и инструменты регулирования пространственного развития и развития регионов. Это – Национальная пространственная стратегия (National Spatial Strategy, версия 2008, New National Spatial Strategy, версия 2015 г, далее – Пространственная стратегия, Новая пространственная стратегия), Видение национального пространственного развития до 2050 г. 2014 г. (Grand Design of National Spatial Development towards 2050) Министерства земель, инфраструктуры, транспорта и туризма (далее Министерство земель), а также Комплексная стратегия преодоления сокращения населения и оживления регионов кабинета С. Абэ 2014 г. (Comprehensive Strategy for Overcoming Population Decline and Vitalizing Local Economy).

Факторы, определяющие современную концепцию регионального развития Японии

В Национальной пространственной стратегии (2008), которая фактически стала очередным, шестым, планом комплексного развития национальной территории⁷, и в обновленной версии 2015 г. – Новой национальной пространственной стратегии, содержащей направления региональной политики на следующее десятилетие и «долгосрочное, всеобъемлющее видение» регионального развития до 2050 г., было отражено современное понимание целей и принципов регионального планирования и региональной политики.

Авторы стратегий выделили целый ряд разнородных факторов, обусловивших необходимость определённой корректировки подходов к региональному стратегическому планированию. Часть из них связана с глобализацией и позиционированием Японии на мировом рынке. Среди них – утрата Японией положения второй экономики мира, стремительный рост экономик Восточной Азии и частичная потеря конкурентных позиций на азиатских рынках, а также нарастание конкуренции между «интернациональными» городами за иностранные инвестиции.

Среди внутренних социально-экономических факторов первым называется фактор сокращения населения Японии темпами выше ожидавшихся ранее. Другими основополагающими факторами, предопределяющими общую направленность пространственного развития, стали изменения, связанные с образом жизни людей, сдвигами в их системе ценностей (возрастание значимости таких её составляющих, как стабильность, безопасность, благоприятные экологические условия, привлекательные ландшафты), а также

⁶ Детальный анализ институциональной структуры региональной политики и системы регионального планирования во второй половине XX века см. [Тимонина И.Л., 2002].

⁷ На основании Закона о комплексном развитии национальной территории 1950 г. в Японии последовательно были разработаны 4 плана комплексного развития национальной территории, пятый план назывался Grand Design for the 21st Century (1998).

диверсификация стилей жизни [National Spatial Strategy, p.1, 3, 4; Grand Design; National Spatial Strategy (National Plan) August 2015, p. 1–6].

Отдельную группу составили факторы, связанные с технологическими инновациями и безопасностью, которым было уделено особое внимание в варианте Стратегии 2015 г. Угроза природно-техногенных катастроф, проблемы снабжения продовольствием, водой и энергией, необходимость поддержания глобальной окружающей среды, а также технологические инновации, в первую очередь в области информационно-коммуникационных технологий – всё это обуславливает возникновение новых вызовов и одновременно создает новые возможности для решения проблем регионов [Grand Design; National Spatial Strategy (National Plan) August 2015, p. 1–6].

В совокупности все факторы, обозначенные в стратегиях регионального развития XXI века, и, безусловно, отражающие как современные реалии японской экономики и общественной жизни, так и глобальные внешние вызовы, были учтены правительственными экспертами при определении современных стратегических целей и задач региональной политики, её инструментария. Ещё одним императивом, скорее традиционным, чем новым, при формулировании стратегии пространственного развития стало очевидное стремление решать проблемы территориальной неравномерности в комплексе с решением других социально-экономических проблем страны, что, – подчеркнём ещё раз – вполне соответствует концепции Комитета по региональной политике ОЭСР.

Комплексная стратегия преодоления сокращения численности населения и оживления регионов кабинета С. Абэ

С приходом к власти С. Абэ в 2012 г. политика развития регионов стала ещё теснее координироваться с решением проблемы демографического спада, который особенно заметен в регионах, что неоднократно подчеркивалось премьер-министром в его речах и заявлениях, в том числе в выступлениях в парламенте⁸ и с трибун международных организаций.

В Японии взаимосвязь этих проблем видят в следующем: сокращение населения в периферийных районах приводит к увеличению площади и числа заброшенных и пустующих земельных участков, жилых домов, «умиранию» торговых кварталов в небольших городах. При этом, как отмечала директор по международным исследованиям и сотрудничеству Национального института исследований проблем населения и социальной защиты Р. Хаяси, выступая на заседаниях комиссии ООН по народонаселению и развитию, тенденция к абсолютному сокращению населения в регионах Японии – за пределами крупнейших городов – начала проявляться раньше, чем в целом по стране и ещё более заметно. По данным обзора по внутренней миграции, Токио по-прежнему остается приоритетом номер один для людей, которые планируют переезд в ближайшие 5 лет. По заявлению Р. Хаяси, в целях преодоления тенденции к дальнейшей концентрации населения страны в пределах Токийского метрополиса были приняты меры по оживлению периферийных районов Японии, в том числе поощрение местных инноваций с помощью

⁸ Например, большое внимание данной проблеме было уделено в речи премьер-министра на 187 сессии японского парламента 29 сентября 2014 г., где, в частности, было объявлено о создании специального органа – штаб-квартиры по преодолению демографического спада и оживлению местных экономик (в других документах именуется советом) [Policy Speech].

государственных субсидий, стимулирование возвратной миграции пенсионеров, государственное субсидирование местных университетов и отраслей промышленности. В то же время, по мнению Хаяси, несмотря на то, что остановить свободное передвижение людей внутри страны не представляется ни возможным, ни целесообразным, было бы полезно поощрять даже небольшое число людей оставаться в малонаселенных муниципалитетах или переезжать в них [Statement by Dr. Reiko Hayashi].

О значимости и взаимосвязи проблем сокращения численности населения и развития регионов, каждая из которых является комплексной и «междисциплинарной», свидетельствует факт создания японским правительством в 2014 г. специального координационного органа – Совета по преодолению демографического спада и оживлению местных экономик (Council on Overcoming Population Decline and Vitalizing Local Economy). Правительством была разработана Комплексная стратегия (Comprehensive strategy for overcoming population decline and vitalizing local economy), в рамках которой ежегодно разрабатывается политический курс (Basic Policy for Overcoming Population Decline and Vitalizing Local Economy). Местные же власти формулирует свои собственные оригинальные стратегии.

На очередном заседании Совета в мае 2019 г. премьер-министр С. Абэ сообщил о достижениях первой фазы реализации Комплексной стратегии, таких как увеличение сельскохозяйственного экспорта, развитие туризма как перспективной отрасли экономики, а также повышение доли налогов в доходной части большинства местных бюджетов. Вместе с тем премьер-министр констатировал сохранение ситуации сверхконцентрации населения и экономических функций в Токио, преодоление которой, наряду с продолжением поддержки различных местных инициатив, должно стать одной из задач второй фазы реализации стратегии (2020–2024), о которой было объявлено в 2019 г. [Council on Overcoming Population, May 20, 2019]. По заявлению премьер-министра на 21-й сессии Совета в декабре 2019 г., в течение второй фазы правительство намерено и далее активизировать инициативы в области регулирования чрезмерной концентрации населения в Токио и добиваться обеспечения сбалансированности миграционных потоков между Токийским и другими регионами. Эти цели были подтверждены в документе Совета «План динамичного вовлечения всех граждан Японии» (сентябрь 2020 г.) [The Japan's Plan for Dynamic Engagement of All Citizens].

В целях поощрения «креативных и инновационных» местных инициатив в трёх направлениях – восстановление после стихийных бедствий, преодоление риска экономического спада, инвестиции в будущее развитие – правительство выделяет гранты на содействие возрождению регионов [Forum for Consultations].

Также в качестве одной из мер по реализации обозначенных в 2019–2020 гг. целей была запущена схема, которая предлагает до 3 млн иен людям, которые переезжают из Токио в регионы и устраиваются там на работу или открывают бизнес. По заявлению С. Абэ, благодаря запуску этой схемы миграционное движение уже началось, и было зарегистрировано около 400 случаев открытия новых предприятий в регионах. Правительство намерено расширять применение этой схемы, в частности, путем смягчения критериев отбора кандидатов. Также предполагается запуск нового механизма поощрения людей, которые живут и работают в крупных городах, заниматься другой или

дополнительной работой в регионах за пределами этих городов, путём оказания им помощи в покрытии дорожных расходов.

Правительство также намерено расширять и специальную систему корпоративного налогообложения, так называемое налогообложение в пользу «родного города» (hometown tax) [Council on Overcoming Population, December 19, 2019], которую можно назвать весьма «креативным» инструментом.

Налог «в пользу родного города» – это система, запущенная в 2008 г., которая позволяет налогоплательщикам делать пожертвования своему родному городу или любому муниципалитету по своему выбору и получать налоговые льготы, в частности по подоходному налогу и налогу на проживание. Предполагается, что в качестве подарков тем, кто платит «налог родного города» в регионе, преподносятся местные продукты. Система была введена с целью уменьшения неравенства в налоговых поступлениях между городскими и сельскими районами и направлена на привлечение налоговых поступлений и пожертвований в небольшие города и сельские районы.

Надо сказать, что премьер-министр С. Абэ, высоко оценивая эту систему («Налог на родной город изменил наше будущее в лучшую сторону» – из речи С. Абэ на 187-й сессии японского парламента в 2014 г.), видит её потенциал не только в деле выравнивания финансовых потоков между большими городами и периферией, но и с точки зрения популяризации специфических и/или уникальных местных продуктов на национальном уровне. И в своём выступлении премьер-министр пообещал усиливать поддержку коммерциализации новых «родных специализированных продуктов», использующих местные ресурсы [Policy Speech].

Вместе с тем нельзя не отметить, что весьма рациональная и «справедливая» по замыслу система на практике продемонстрировала и негативные эффекты. И в сентябре 2018 г. правительство объявило о намерении её радикальной переработки, т.к. её реализация привела к ожесточённой конкуренции между местными органами власти за привлечение пожертвований с помощью дорогих подарков, в том числе таких как ваучеры и персональные компьютеры. Были высказаны опасения, что только финансово жизнеспособные муниципалитеты смогут привлечь доноров, что противоречило бы цели программы по уменьшению неравенства в налоговых поступлениях⁹.

⁹ Министр внутренних дел и коммуникаций Нода Сэйко заявила, что правительство намерено пересмотреть Закон о местных налогах, чтобы ограничить стоимость преподносимых региональными властями подарков 30 % от суммы пожертвований. Эта поправка предполагает исключение из программы органов местного самоуправления, не соблюдающих правила, что делает невозможным для доноров таких муниципалитетов получение налоговых льгот. Правительство планировало, представив законопроект на очередную сессию парламента, ввести его в действие в апреле 2020 г. Несмотря на призывы Министерства внутренних дел прекратить предлагать дорогие подарки, некоторые органы местного самоуправления не подчинились, получив несправедливые преимущества.

«Если это будет продолжаться, как есть, к сожалению, вся схема может быть подорвана», – предупредила Нода. Согласно опросу Министерства, опубликованному в сентябре 2018 г., 13,8 % из 1788 муниципалитетов Японии предлагали подарки, стоимость которых превышала 30 % пожертвований, а 9,7 % заявили, что не намерены менять свою практику. Число муниципалитетов, предоставляющих подарки, такие как фирменная говядина и вино, которые не были произведены на местном уровне, составило 190. Некоторые местные органы власти заявили, что у них нет местных продуктов, которые можно было бы отправить в качестве подарков [Japan to curb expensive gift].

Тем не менее, эта система, как заявил С. Абэ в декабре 2019 г., будет и дальше использоваться в качестве одного из финансовых инструментов реализации Комплексной стратегии.

Концепция и реализация Комплексной стратегии по преодолению демографического спада и оживлению местных экономик тесно увязана с общей стратегией социально-экономического развития Японии – абэномикой, на что прямо указал премьер-министр С. Абэ на 11 заседании Совета в 2016 г.: «...мы распространим абэномику в каждый уголок Японии, повысим доход местных экономик», «мы создадим рабочие места в регионах через местные абэномики».

Ещё одной отличительной чертой Комплексной стратегии является то, что она основывается на принципе инклюзивности. Под этим имеется в виду использование всех местных, «внутренних» ресурсов, вовлечение в развитие региональных экономик всех слоёв населения, в том числе женщин и пожилых людей, а также молодых людей, ранее уехавших в большие города. Для последних предусматриваются специальные меры поддержки в случае, если они намерены начать свой бизнес в родных местах или соседних регионах за пределами мегаполисов) [Council on Overcoming Population, December 15, 2016; Meeting of the Council on Overcoming Population, May 20, 2016].

Цели и направления Новой стратегии пространственного развития Японии (2015)

Актуальным на сегодняшний день и наиболее полным документом, содержащим общее видение стратегии регионального развития на национальном уровне, является Новая стратегия пространственного развития Японии (2015). В ней выделены три императива, определяющие будущий облик страны: безопасность, экономический рост и активное присутствие в международном сообществе.

В основу Новой стратегии положена идея создания многослойной «компактной и сетевой территориальной структуры», которая должна быть устойчива к стихийным бедствиям, способствовать аккумуляции в регионах отраслей, которые подчеркнут их местные особенности и одновременно будут содействовать созданию «экосистем» инноваций.

«Компактность» в данном контексте подразумевает консолидацию и оптимизацию необходимых для жителей близлежащих населённых пунктов, в том числе и тех, где происходит сокращение населения, разнообразного социального обслуживания – бытовых услуг, торговли, медицины. При этом все населенные пункты должны быть объединены в «сеть», т.е. обеспечены современными эффективными коммуникациями, позволяющими местным жителям добираться до «центров обслуживания», где и будет сосредоточена необходимая социально-бытовая инфраструктура, и до других населенных пунктов.

Что касается судьбы мегаполисов, то Новая стратегия, как и предыдущие, нацелена на корректировку избыточной концентрации населения и экономического потенциала в Токио и одновременно на поддержание в Токийском мегаполисе городских функций высокого уровня, в том числе и международных деловых функций, что в свою очередь должно способствовать укреплению его международного потенциала и конкурентоспособности как ведущего «космополитического» города мира [New National Spatial Strategy (National Plan). Leaflet].

Таким образом, в Новой национальной пространственной стратегии содержатся два традиционных направления и соответственно две ключевые цели региональной политики Японии: оживление региональной и сельской экономики и укрепление глобальной конкурентоспособности крупных мегаполисов, в первую очередь Токийского.

Что же предлагает Новая стратегия для реализации обозначенных задач? На практике планируется формирование территориальных образований различных типов, где должны концентрироваться высокоуровневые городские функции с тем, чтобы такие города могли быть эффективными двигателями роста для всего региона, где они расположены.

Надо сказать, что в различных стратегиях и сопутствующих документах и презентациях наименования планируемых новых территориальных образований несколько отличаются. Однако можно выделить три их основных типа – объединённые «ядерные» городские территории, устойчиво развивающиеся резидентские территории и так называемые базовые малые станции. В рамках «ядерных» городских территорий, включающих несколько муниципалитетов, упор делается на сотрудничество местных властей в деле развития всей территории (определено 60 таких территорий). Цель программы устойчиво развивающихся резидентских территорий – оживление малонаселенных городов и деревень (140 территорий). Проекты «малых базовых станций» охватывают территории школьных округов (с численностью населения примерно 20 тыс. чел.) и также нацелены на устойчивое развитие этих территорий при финансовой поддержке в форме субсидий Совета по преодолению сокращения населения и возрождению местных экономик. Во всех случаях главными драйверами развития должны стать местные власти, которым будет оказываться поддержка в виде перераспределяемых налогов и субсидий [OECD Territorial Reviews, p. 80; New National Spatial Strategy (National Plan). Leaflet; Grand Design].

Общий же замысел, – подчеркнем ещё раз, – состоит в оптимизации системы обеспечения населения городскими услугами во всех частях страны на основе более эффективного использования социальной и транспортной инфраструктуры, а также максимальной мобилизации внутренних ресурсов регионов.

При этом предполагается «ранжировать» и существующие городские поселения: города с различной численностью населения будут выполнять разные функции. По замыслу, малые города (с населением менее 100 тыс. чел.) наряду с «базовыми малыми станциями» предоставляют городские услуги более высокого уровня по сравнению с сельской местностью. Они также обеспечивают рабочие места и коммуникации друг с другом и с «малыми станциями». Роль последних, как предполагается, будет особенно заметна в небольших городах, деревнях и сельских районах, где происходит сокращение населения и где высока доля пожилых людей. Помимо предоставления услуг (торговля, здравоохранение, социальное обеспечение) они помогут поддерживать сельские общины.

Столицы префектур и города с населением в несколько сотен тысяч человек и более должны обеспечивать городские услуги более высокого уровня. На них также возлагаются надежды в плане создания новых рабочих мест, развития новых, в том числе высокотехнологичных, предприятий, способных создавать конкурентную среду [National Spatial Strategy (National Plan) August 2015, p. 19–20].

Что касается социальной инфраструктуры, то, например, крупные больницы, расположенные в городских центрах, будут обслуживать жителей близлежащих небольших населённых пунктов, в то время как небольшие клиники, учреждения по уходу за

престарелыми и уходу за детьми будут размещены в основных жилых районах. По замыслу, это позволит препятствовать разрастанию зависящих от автомобилей городов, что было бы экономически и экологически нежелательно. При этом городские центры и жилые районы должны быть соединены эффективными сетями общественного транспорта.

Таким образом, будут созданы сети, работающие в разных масштабах и использующие современные коммуникации для связи с небольшими городами и деревнями и близлежащими «узлами» обслуживания («базовыми станциями»), а также с ближайшими средними городами и мегарегионами Токио, Нагоя и Осака [Grand Design; OECD Territorial Reviews, p. 80–81].

Интересно отметить, что концепция дифференцированного развития городских поселений разного уровня и с разным функционалом, выдвинутая в 2008–2015 гг., оказалась в мейнстриме исследований проблем урбанизации и городской организации, проводимых в рамках ОЭСР совместно с Объединённым исследовательским центром Европейской комиссии (Joint Research Centre of the European Commission). Экспертами ОЭСР и ЕС была предложена концепция и определение метрополитенской территории как «функциональной урбанизированной территории» (functional urban area), включающей собственно город с высокой плотностью населения и так называемые коммутирующие зоны (районы, окружающие пригороды и города, социально-экономически интегрированные в город) [What is a metropolitan area?].

В докладе «Cities in the World. A new perspective on urbanisation», содержащем результаты упомянутых исследований, предлагается три класса поселений взамен дихотомического подхода (городские и сельские поселения): 1) города (или густонаселённые районы); 2) города и районы со средней плотностью населения; и 3) сельские районы (или малонаселённые районы). При этом отмечается, что метрополитенские территории растут быстрее, чем средние и малые города, что ставит перед политиками задачи адекватного развития транспортной и социальной инфраструктуры в густонаселённых больших городах и одновременно обеспечения качества жизни в других населённых пунктах [Cities in the World. A new perspective on urbanization].

Как мы уже отмечали выше, в Новой стратегии пространственного развития Японии большое внимание уделяется конкурентоспособности и будущему развитию крупнейших городов страны, в первую очередь Токио. Среди задач, которые намечены для мегаполисов, – стимулирование инновационной деятельности, адаптация городов к потребностям пожилых людей и семей с детьми, а также привлечение инвестиций из других стран и укрепление внешних связей японских мегаполисов, особенно со странами Восточной Азии и Евразийского континента в целом.

В Новой стратегии, как и в предыдущих, предусмотрена возможность и содержится рекомендация для органов местного самоуправления самостоятельно разрабатывать планы развития своих районов. При всём разнообразии локальных планов и стратегий общими направлениями развития регионов являются: содействие развитию привлекательных туристических курортов на основе сотрудничества между государственным и частным секторами, дальнейшее расширение въездного туризма, предотвращение и уменьшение опасности стихийных бедствий, обеспечение безопасности и формирование устойчивой к стихийным бедствиям национальной территории, поддержка региональных сообществ [New National Spatial Strategy (Regional Plans)].

Неудивительно, что после природно-техногенной катастрофы 2011 г. и с учётом особенностей местоположения, топографии и геологии Японии ещё более пристальное внимание в Национальной стратегии уделяется проблеме устойчивости к стихийным бедствиям. Как известно, страна необычайно подвержена землетрясениям, извержениям вулканов, тайфунам, наводнениям и сильным снегопадам, что делает устойчивость одной из центральных проблем пространственной политики.

В последние годы Япония стала всё более активно продвигать идеи устойчивого развития экономики и социальной сферы. И модернизация инфраструктуры, и региональное развитие, судя по правительственным заявлениям и документам (Стратегия пространственного развития 2015 г., документы Министерства земель), всё более активно увязываются с достижением Целей устойчивого развития ООН (ЦУР) и экологической политикой.

Так, в 4-й главе ежегодной Белой книги Министерства земель, инфраструктуры, транспорта и туризма (2019), посвящённой проблемам регионального развития, прямо говорится, что реализация проектов регионального развития тесно связана с инициативами по продвижению ЦУР. В 2018 г. правительство запросило от местных органов власти (префектур и муниципалитетов) инициативные проекты развития, отвечающие ЦУР. Из них были отобраны 29 городов в качестве «городов ЦУР будущего», десять из которых были дополнительно выбраны в качестве типовых проектов организации местного самоуправления, отвечающих ЦУР.

Учитывая необходимость сотрудничества между различными заинтересованными сторонами в продвижении ЦУР, в том же 2018 г. была создана «платформа» партнёрства между государством и частным сектором в интересах регионального развития в контексте достижения ЦУР, а в 2019 г. был проведён 1-й Международный форум по ЦУР для региональной активизации с целью содействия обмену инициативами городов ЦУР будущего в Японии и во всём мире [White Paper on Land, p. 52–53].

Региональная политика в Японии тесно координируется и с экологической. В Основном плане по окружающей среде, принятом в 2018 г., прямо декларируется намерение поддерживать «общинные жилые зоны» как неотъемлемую «зону повседневной жизни» в холмистых и горных районах, отмеченных резким сокращением и старением населения, а также предусматриваются меры, способствующие формированию «малых хабов» в целях создания устойчивого сообщества. При этом особое внимание уделяется использованию местных ресурсов и такому развитию местных экономик, которое будет обеспечивать устойчивый рост, сохранение природных ресурсов и местного биоразнообразия [The Basic Environment Plan, p. 43, 49].

Региональная политика и создание инфраструктуры

Как мы уже отмечали выше, в Японии, как и в других странах, региональная политика с точки зрения целей и содержания носит комплексный характер, что во многом обеспечивается её координацией с другими направлениями государственного экономического регулирования.

Политика в области создания, поддержания и модернизации национальной инфраструктуры, которая находится главным образом в сфере ответственности

Министерства земель, инфраструктуры, транспорта и туризма, традиционно и вполне естественно связана с региональной политикой наиболее тесно.

Во-первых, все стратегии и планы регионального развития, принимающиеся в Японии, всегда предусматривают обустройство территории, включая и мегаполисы, и периферийные районы с тем, чтобы обеспечить условия ведения бизнеса и сопоставимый уровень комфорта для любого гражданина страны, независимо от места проживания. При этом следует обратить внимание на то обстоятельство, что несмотря на высокие количественные показатели обеспеченности производственной и социальной инфраструктурой, в Японии есть проблема старения и износа инфраструктурных объектов, значительная часть которых была построена в период высоких темпов роста, т.е. более полувека назад. По мнению представителя Министерства земель Японии, политика страны в области инфраструктуры в XXI веке вступила в стадию «зрелости», когда основной упор делается не на количественные, а на качественные показатели. Поэтому на первый план сейчас выдвигаются такие задачи, как городское развитие с меньшей экологической нагрузкой, реализация проектов умного города, концепции «компактной сетевой структуры», утилизация и обновление жилищного фонда.

Во-вторых, проведение работ, связанных со строительством и обслуживанием инфраструктурных объектов, способствует созданию рабочих мест в регионах, и традиционно и небезосновательно рассматриваются правительством в качестве инструмента стимулирования местных экономик.

Ныне действующий 4-й план развития инфраструктуры (4th Priority Plan for Infrastructure Development), принятый правительством в сентябре 2015 г. и концептуально связанный с основной идеей Новой стратегии пространственного развития, предполагает:

- «стратегическое управление инфраструктурой в целях максимизации эффекта от вложений в инфраструктуру (Stock Effects)» на основе эффективного использования существующих мощностей и фокусирования на проектах с высоким накопительным эффектом;
- обеспечение безопасности и подготовку квалифицированных инженеров-строителей и техники;
- обеспечение стабильного финансирования [Mugishima T.].

Остановимся несколько подробнее на понятии эффекта от вложений в инфраструктуру, поскольку оно является одним из ключевых не только для стратегии развития инфраструктуры, но и для планов пространственного развития. Эффект от вложений в инфраструктуру подразделяется на эффект от инвестиций и от самих созданных объектов (см. Схему 1).

Например, открытие в 2009-2012 гг. участков скоростной автострады вокруг Токийского залива [KEN-O EXPWY] обеспечило прирост объёмов перевозок в районе 4 близлежащих городов на 120–166 %, а открытие других участков упомянутой магистрали в 2013–2015 гг. и строительство транспортного терминала Куки привело к опережающему по сравнению со средними по префектуре показателями росту цен на землю в прилегающих к этим инфраструктурным объектам территориях [Mugishima T.], что свидетельствует о повышении там деловой активности. Таким образом, понимание этих «эффектов» прямо увязывает цели региональной и инфраструктурной политики, и обновление подходов и модернизация этих политик идёт параллельно и скоординированно.

Схема 1. Ожидаемые эффекты от развития инфраструктуры

Источник: Составлено по: [Mugishima T.].

Роль Министерства экономики, торговли и промышленности в разработке и реализации региональной политики

В практической реализации региональной политики в Японии значительную роль играет главное экономическое министерство Японии – Министерство экономики, торговли и промышленности (МЭТП). Многие направления деятельности министерства связаны с региональным развитием. Это и поддержка малого бизнеса и региональных брендов, и создание кластеров, и, конечно, структурная политика.

Одним из важнейших направлений региональной политики в Японии, которое находится в сфере ответственности МЭТП, остаётся размещение производительных сил. Комитет по региональной экономической и промышленной политике (в составе Совета по производственной структуре Министерства) занимается проблемами размещения промышленных предприятий и других бизнес-единиц, при необходимости вносит предложения или проводит экспертизу предлагаемых изменений в Закон о размещении предприятий (Factory Location Act).

В стратегических документах Совета по производственной структуре МЭТП региональное развитие рассматривается в контексте совершенствования инфраструктуры, улучшения условий жизни людей с учётом диверсификации потребностей и стилей жизни, а также продвижения достижений научно-технического прогресса в условиях Четвёртой промышленной революции [New Industrial Structure Vision].

Так, в разделе «Стиль жизни» Новой производственной структуры МЭТП прямо говорится о том, что сокращение населения Японии, сопровождающееся «сжатием» потребительского рынка, особенно сильно отражается на региональных экономиках, которые страдают от нехватки рабочей силы. Малые региональные экономики не обеспечивают экономических возможностей для местных жителей, что затрудняет поддержание социальной инфраструктуры, побуждая всё больше людей переезжать в районы с большими возможностями и приводя к дальнейшей потере населения. Создаётся порочный круг. Поэтому Япония разработает новый подход к жизни местных сообществ с целью создания жизнеспособных регионов (речь идёт о небольших компактных территориях. – *ИТ*), где жители смогут «жить со спокойной душой». Умные технологии и экономика совместного использования (*sharing economy*) могут помочь этим «слабеющим» сообществам вернуть себе средства к существованию и независимость [New Industrial Structure Vision].

В практическом плане одним из шагов на этом пути стало продвижение так называемых шеринговых городов (*sharing cities*). Правительство выделило 30 таких пилотных городов, которым оказывается поддержка [New Industrial Structure Vision]. Примером может стать город Камаиси, где в 2019 г. проходил Чемпионат мира по регби. Город надеялся использовать эту возможность для продвижения себя в качестве туристического направления. Предвидя проблемы с жильём и транспортом, власти обратились к идее шерингового бизнеса. В октябре 2016 г. был подписан контракт с Airbnb с целью использования фермерского жилья для аренды, при этом Airbnb должна была выпускать путеводители для туристов на английском языке. Город также сотрудничал с TABICA – платформой, которая знакомит людей с повседневной жизнью и обычаями местных жителей через гидов и семинары, и запустил PR-кампанию Meetup Kamaishi для продвижения местного туризма. Власти привлекли и COGICOGI (службу велошеринга) и ShareNori (службу каршеринга), чтобы предложить транспорт посетителям во время мероприятия [Collaboration in Cities].

Другая инициатива связана с развитием так называемых умных городов (*smart cities*). Первоначально идея умных городов была основана на обеспечении эффективного энергообеспечения, но затем концепция приобрела комплексный характер, включая широкое использование информационных технологий, создание высокоэффективной производственной и социальной инфраструктуры на основе современных технологических решений. Показательным примером сочетания целей оживления регионов и научно-технологического развития может служить инициатива г. Аидзу Вакамацу (преф. Фукусима), регионе, восстанавливаемом после природно-техногенной катастрофы 2011 г. В условиях ускоряющегося сокращения населения города городские власти (Aizu Wakamatsu City Hall) в сотрудничестве с корпоративными партнерами – электротехнической компанией Fujitsu Limited и региональной энергетической компанией Tohoku Electric Power Co – разработали концепцию и в 2013 г. запустили проект продвижения интеллектуального сообщества Aizu Wakamatsu Area Smart Community. В проекте также участвует местный университет Аидзу, который специализируется на информационных технологиях и которому отводится важная роль в попытке создать ИТ-кластер. Всё это, по замыслу, должно привлечь новые предприятия и создать новые качественные рабочие места.

Проект скоординирован со стратегическими планами развития префектуры – «Планом оживления в префектуре Фукусима» (Plan for Revitalization in Fukushima Prefecture)

и «Инициативой, направленной на оживление местного сообщества» (Reconstruction Efforts Aimed at Local Community Revitalization) в городе Айдзу Вакамацу. Цель этих усилий состояла в том, чтобы создать экологически чистое, низкоуглеродное общество; оживить местное сообщество; создать новые предприятия и стать пионером в формировании городской среды, которая была бы высоко устойчива к стихийным бедствиям и удобна для жителей. Проект получил грантовое финансирование МЭТП Японии в рамках программы субсидирования проектов, способствующих внедрению интеллектуальных сообществ (METI's Subsidy for Projects Promoting the Introduction of Smart Communities) и повышающих эффективность использования энергии (в том числе благодаря использованию возобновляемых источников энергии) в трёх префектурах, пострадавших от Великого Восточно-Японского землетрясения в преф. Иватэ, Мияги и Фукусима [New Industrial Structure Vision; Fujitsu, Aizu Wakamatsu City and Tohoku Electric Power].

Выводы

Итак, при анализе современной стратегии региональной политики Японии, прежде всего обращает на себя внимание акцент на социальную, в том числе демографическую проблематику и позиционирование стратегии пространственного развития как неотъемлемой части общенациональной стратегии развития – абэномики. Это чётко отражено в формулировке общих целей пространственной политики и обозначении контуров будущего облика страны: это должна быть страна, «где люди могут чувствовать себя в безопасности и достатке», где будет сведён к минимуму ущерб от стихийных бедствий и аварий, обеспечены продовольствие, вода, энергия, доходы, рабочие места и бытовые услуги, где граждане будут гордиться региональными достопримечательностями при разнообразии стилей жизни.

В качестве необходимого условия для достижения амбициозных целей авторы вполне закономерно называют обеспечение экономического роста, повышение производительности труда в промышленности и создание инноваций на основе использования региональных ресурсов и межрегионального сотрудничества, активизацию женщин и пожилых людей в условиях сокращения численности населения.

Региональная политика в Японии в полном смысле является «политикой политик». При наличии общей стратегии пространственного развития, которую мы анализировали выше, различные аспекты регионального развития «встраиваются» в основные политики и стратегии, разрабатываемые и реализуемые различными исполнительными органами – министерствами и ведомствами – и «поддерживаются» их планами. Это вполне объяснимо, поскольку любые проекты в рамках практически каждого направления государственной экономической политики имеют территориальную «привязку», а, с другой стороны, сама региональная политика носит «междисциплинарный» характер. Ведь любой регион – от Токийского метрополиса до самой отдалённой префектуры и небольшого города – это целостный социально-экономический и природный комплекс, где так или иначе развивается бизнес, создаётся общественная инфраструктура, ведётся инновационная деятельность.

«Внутренняя» региональная политика Японии формулируется с учётом позиционирования страны в глобальном масштабе. В Стратегии пространственного развития декларируется стремление стать страной, активно присутствующей в международном

сообществе, стать глобальной базой роста, аккумулировать культурные, промышленные, научно-исследовательские, финансовые и другие функции, развивать транспорт и улучшать условия проживания в соответствии с международными стандартами и реализовать модель «открытой страны», поощряя людей из-за рубежа посещать, проводить исследования, вести бизнес и инвестировать в Японию [National Spatial Strategy (National Plan) August 2015].

Нельзя не отметить, что современная региональная политика во многом опирается на концепции и подходы, уже апробированные во второй половине XX века, но модернизированные с учётом новых вызовов, новых возможностей и новых потребностей, появляющихся в условиях глобализации и развёртывания четвёртой промышленной революции. В первую очередь, это касается концепции мультиполярного развития, на основе которой создавались «полюсы роста» – новые промышленные города в регионах еще в 1960-е годы, и которая претерпела существенные изменения в проекте Технополис в 1980-е годы, когда инициатива в региональном планировании в значительной мере была передана на местный уровень. И этот инновационный для своего времени тренд в сторону изменения баланса в пользу местного самоуправления и местных интересов нашел своё продолжение и в последних вариантах стратегии пространственного развития.

Ещё одним примером преемственности в проведении региональной политики может служить предлагаемая в Пространственной стратегии форма организации жилых территорий как «устойчиво развивающихся резидентских территорий» (*Sustainable residential areas, Teijyu Jiritsu Ken*). Она, на наш взгляд, имеет общие идейные основы с «зонами интегрированного расселения», предложенными в третьем плане комплексного развития национальной территории на 1976–1990 гг. «Зоны интегрированного расселения» по замыслу представляли собой конгломераты городских и сельских территорий, включающие природные комплексы (горы, реки, равнины, морское побережье), районы проживания и постоянного передвижения и общения людей. В практическом плане в качестве «полюсов роста» *тэйдзюкэн* оказались нежизнеспособными, однако концептуально они знаменовали очередной этап поисков модели территориально-производственных образований. Эта концепция появилась в неподходящий момент и опередила свое время¹⁰. Однако и теперь, анализируя стратегии XXI века, мы находим среди предлагаемых моделей развития населённых пунктов «устойчиво развивающиеся резидентские территории», «малые базовые станции», концепция которых имеет несомненное сходство с *тэйдзюкэн*.

И в заключение нельзя не отметить ещё один традиционный «японский» подход в сфере региональной (и не только) политики: новое – это проверенное на практике, модернизированное и адаптированное к новым реалиям старое.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Рэйва 2 нэмпан тихо дзайсэй хакусё : [Белая книга по местным финансам 2020]. URL: https://www.soumu.go.jp/main_content/000675973.pdf (дата обращения: 09.11.2020).

Тиики кэйдзай хококу : [Региональный экономический отчёт]. Янв. 2020, таблица 5. URL: <https://www.boj.or.jp/research/brp/rer/data/rer200115.pdf> (дата обращения: 11.09.2019).

¹⁰ Этот вывод был сделан автором в работе 2000-го года. См. [Тимонина И.Л., 2000, с.177–184]; см. также: [Тимонина И.Л., 2014, с. 260–289].

Тимонина И.Л. Региональная политика в Японии: от «колонизации» Хоккайдо до «Японии регионов» // Японское общество: изменяющееся и неизменное / рук. проекта Э.В. Молодякова. М: АИРО-XXI. 2014. С. 260–289.

Тимонина И.Л. Традиционные основы региональной политики японского государства// Япония-2000: консерватизм и традиционализм / Центр по изучению соврем. Японии и др. [отв. ред.: А. Б. Жуков, А. И. Кравцевич]. М: Вост. лит., 2000. С. 177–184.

Тимонина И.Л. Япония: опыт регионального развития. М.: Наука. 1992. 128 с.

Тимонина И.Л. Япония: региональная экономика и политика. М.: ИВ РАН, 2002. 378 с.

Cities in the World. A new perspective on urbanization. URL: <https://www.oecd.org/cfe/cities/Cities-in-the-World-Policy-Highlights.pdf> (дата обращения: 11.11.2020).

Collaboration in Cities: From Sharing to 'Sharing Economy', p. 14. URL: http://www3.weforum.org/docs/White_Paper_Collaboration_in_Cities_report_2017.pdf (дата обращения: 11.10.2019).

Council on Overcoming Population Decline and Vitalizing Local Economy December 15, 2016. URL: https://japan.kantei.go.jp/97_abe/actions/201612/14article1.html (дата обращения: 11.10.2019).

Council on Overcoming Population Decline and Vitalizing Local Economy December 19, 2019. URL: https://japan.kantei.go.jp/98_abe/actions/201912/_00030.html (дата обращения: 11.10.2019).

Council on Overcoming Population Decline and Vitalizing Local Economy June 6, 2018. URL: https://japan.kantei.go.jp/98_abe/actions/201806/_00020.html (дата обращения: 11.10.2019).

Council on Overcoming Population Decline and Vitalizing Local Economy May 20, 2019. URL: https://japan.kantei.go.jp/98_abe/actions/201905/_00028.html (дата обращения: 11.10.2019).

Forum for Consultations between the National and Local Governments. December 11, 2019. URL: https://japan.kantei.go.jp/98_abe/actions/201912/_00023.html (дата обращения: 11.10.2019).

Fujitsu, Aizu Wakamatsu City and Tohoku Electric Power Launch Smart Community Project in Japan's Aizu Wakamatsu Region Fujitsu Limited, Aizu Wakamatsu City Hall, Tohoku Electric Power Co., Inc. Tokyo, May 01, 2013. URL: <https://www.fujitsu.com/global/about/resources/news/press-releases/2013/0501-01.html> (дата обращения: 11.10.2019).

Grand Design of National Spatial Development towards 2050, Japan. URL: <http://www.mlit.go.jp/kokudokeikaku/international/spw/images/GDNSD2050.pdf> (дата обращения: 11.10.2019).

Japan to curb expensive gift incentives under 'hometown tax' program URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2018/09/11/business/japan-curb-expensive-gift-incentives-hometown-tax-program/> (дата обращения: 11.10.2019).

KEN-O EXPWY (Sakae – Totsuka). URL: <https://www.mlit.go.jp/road/sign/numbering/en/list/index.html> (дата обращения: 11.10.2019).

Meeting of the Council on Overcoming Population Decline and Vitalizing Local Economy in Japan May 20, 2016. URL: https://japan.kantei.go.jp/97_abe/actions/201605/20article1.html (дата обращения: 11.10.2019).

Mugishima T. Assistant Vice-Minister, Ministry of Land, Infrastructure, Transport and Tourism (MLIT). National Level Strategy for Infrastructure Development in Japan. URL: <http://pubdocs.worldbank.org/en/123701486602287702/20170209-National-Level-Strategy-for-Infrastructure-Development-in-Japan.pdf> (дата обращения: 11.10.2019).

National Spatial Strategy (National Plan) August 2015. URL: https://www.mlit.go.jp/kokudokeikaku/international/spw/index_e.html (дата обращения: 11.10.2019).

National Spatial Strategy. URL: <http://www.mlit.go.jp/kokudokeikaku/international/spw/images/NationalPlan2015.pdf> (дата обращения: 11.10.2019).

New Industrial Structure Vision. URL: https://www.meti.go.jp/english/publications/pdf/vision_171222.pdf (дата обращения: 11.10.2019).

New National Spatial Strategy (Regional Plans). URL: https://www.mlit.go.jp/kokudokeikaku/international/spw/images/keiseikeikaku_e.pdf (дата обращения: 11.11.2020).

OECD Regional Outlook 2019. Leveraging Megatrends for Cities and Rural Areas, p. 23, 42. URL: https://read.oecd-ilibrary.org/urban-rural-and-regional-development/oecd-regional-outlook-2019_9789264312838-en#page25 (дата обращения: 11.0.2019).

OECD Territorial Reviews: JAPAN 2016, p.11, 195. URL: <https://www.oecd.org/japan/oecd-territorial-reviews-japan-2016-9789264250543-en.htm> (дата обращения: 01.09.2020).

Policy Speech by Prime Minister to the 187th Session of the Diet Monday, September 29, 2014. URL: https://japan.kantei.go.jp/96_abe/statement/201409/policyspch.html (дата обращения: 11.10.2019).

Ranking (Prefectural Data). URL: <https://www.e-stat.go.jp/en/regional-statistics/ssdsview/prefectures/rank> (дата обращения: 09.11.2020).

Regions and Cities at a Glance 2018 – JAPAN, p.21, 97. URL: <http://www.oecd.org/cfe/JAPAN-Regions-and-Cities-2018.pdf> (дата обращения: 11.03.2020).

Report of 2005 Inter-Regional Input-Output Table, p. 16, 20 (Upload on April 7, 2011). Research and Statistics Department Minister's Secretariat Ministry of Economy, Trade and Industry (METI). URL: <https://www.meti.go.jp/english/statistics/tyo/tiikiio/pdf/2005report.pdf> (дата обращения: 11.09.2019).

Statement by Dr. Reiko Hayashi, Director of International Research and Cooperation, National Institute of Population and Social Security Research At the Forty-Eighth Session of the United Nations Commission on Population and Development April 2015. URL: https://www.un.org/en/development/desa/population/pdf/commission/2015/country/Agenda%20item%204/Japan_Item4.pdf (дата обращения: 01.10.2019).

Statement of Japan Commission on Population and Development fifty first session Agenda Item 3: General debate April 2018 delivered by Dr. Reiko Hayashi Director of International Research and Cooperation National Institute of Population and Social Security Research, Japan. URL: https://www.un.org/en/development/desa/population/pdf/commission/2018/country/AgendaItem3/en_japan.pdf (дата обращения: 11.10.2019).

The Basic Environment Plan. Cabinet decision on April 17, 2018. URL: http://www.env.go.jp/policy/kihon_keikaku/plan/plan_5/attach/ref_en-01.pdf (дата обращения: 28.09.2020).

The Japan's Plan for Dynamic Engagement of All Citizens. URL: https://japan.kantei.go.jp/content/jpnplnde_en.pdf (дата обращения: 11.11.2020).

What is a metropolitan area? URL: <http://www.oecd.org/regional/regional-statistics/metropolitan-areas.htm> (дата обращения: 11.11.2020).

White Paper on Land, Infrastructure, Transport and Tourism in Japan 2019. Chapter 4 Promoting Regional Revitalization. Section 1 Approaches to Regional Revitalization. URL: <https://www.mlit.go.jp/en/statistics/white-paper-mlit-2019.html> (дата обращения: 11.10.2019).

REFERENCES

Chiiki keizai hōkoku [Regional economic report]. January 2020, table 5. URL: <https://www.boj.or.jp/research/brp/rer/data/rer200115.pdf> (accessed: 11 September 2019). (In Japanese).

Cities in the World. A new perspective on urbanization. URL: <https://www.oecd.org/cfe/cities/Cities-in-the-World-Policy-Highlights.pdf> (accessed: 11 November 2020).

Collaboration in Cities: From Sharing to 'Sharing Economy'. URL: http://www3.weforum.org/docs/White_Paper_Collaboration_in_Cities_report_2017.pdf (accessed: 11 October 2019).

Council on Overcoming Population Decline and Vitalizing Local Economy. December 15, 2016. URL: https://japan.kantei.go.jp/97_abe/actions/201612/14article1.html (accessed: 11 October 2019).

Council on Overcoming Population Decline and Vitalizing Local Economy. December 19, 2019. URL: https://japan.kantei.go.jp/98_abe/actions/201912/_00030.html (accessed: 11 October 2019).

Council on Overcoming Population Decline and Vitalizing Local Economy. June 6, 2018. URL: https://japan.kantei.go.jp/98_abe/actions/201806/_00020.html (accessed: 11 October 2019).

Council on Overcoming Population Decline and Vitalizing Local Economy. May 20, 2019. URL: https://japan.kantei.go.jp/98_abe/actions/201905/_00028.html (accessed: 11 October 2019).

Forum for Consultations between the National and Local Governments. December 11, 2019. URL: https://japan.kantei.go.jp/98_abe/actions/201912/_00023.html (accessed: 11 October 2019).

Fujitsu, Aizu Wakamatsu City and Tohoku Electric Power Launch Smart Community Project in Japan's Aizu Wakamatsu Region Fujitsu Limited, Aizu Wakamatsu City Hall, Tohoku Electric Power Co., Inc. Tokyo, May 1, 2013. URL: <https://www.fujitsu.com/global/about/resources/news/press-releases/2013/0501-01.html> (accessed: 11 October 2019).

Grand Design of National Spatial Development towards 2050, Japan. URL: <http://www.mlit.go.jp/kokudokeikaku/international/spw/images/GDNSD2050.pdf> (accessed: 11 October 2019).

Japan Times. (2018). Japan to curb expensive gift incentives under 'hometown tax' program, 11 September. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2018/09/11/business/japan-curb-expensive-gift-incentives-hometown-tax-program/> (accessed: 11 October 2019).

KEN-O EXPWY (Sakae – Totsuka). URL: <https://www.mlit.go.jp/road/sign/numbering/en/list/index.html> (accessed: 11 October 2019).

Meeting of the Council on Overcoming Population Decline and Vitalizing Local Economy in Japan. May 20, 2016. URL: https://japan.kantei.go.jp/97_abe/actions/201605/20article1.html (accessed: 11 October 2019).

Mugishima, T. (Assistant Vice-Minister, Ministry of Land, Infrastructure, Transport and Tourism (MLIT)). National Level Strategy for Infrastructure Development in Japan. URL: <http://pubdocs.worldbank.org/en/123701486602287702/20170209-National-Level-Strategy-for-Infrastructure-Development-in-Japan.pdf> (accessed: 11 October 2019).

National Spatial Strategy (National Plan). August 2015. URL: https://www.mlit.go.jp/kokudokeikaku/international/spw/index_e.html (accessed: 11 October 2019).

National Spatial Strategy. URL: <http://www.mlit.go.jp/kokudokeikaku/international/spw/images/NationalPlan2015.pdf> (accessed: 11 October 2019).

New Industrial Structure Vision. URL: https://www.meti.go.jp/english/publications/pdf/vision_171222.pdf (accessed: 11 October 2019).

New National Spatial Strategy (Regional Plans). URL: https://www.mlit.go.jp/kokudokeikaku/international/spw/images/keiseikeikaku_e.pdf (accessed: 11 November 2020).

OECD Regional Outlook 2019. Leveraging Megatrends for Cities and Rural Areas. URL: https://read.oecd-ilibrary.org/urban-rural-and-regional-development/oecd-regional-outlook-2019_9789264312838-en#page25 (accessed: 11 October 2019).

OECD Territorial Reviews: JAPAN 2016. URL: <https://www.oecd.org/japan/oecd-territorial-reviews-japan-2016-9789264250543-en.htm> (accessed: 1 October 2019).

OECD. What is a metropolitan area? URL: <http://www.oecd.org/regional/regional-statistics/metropolitan-areas.htm> (accessed: 11 November 2020).

Policy Speech by Prime Minister to the 187th Session of the Diet Monday, September 29, 2014. URL: https://japan.kantei.go.jp/96_abe/statement/201409/policyspch.html (accessed: 11 October 2019).

Ranking (Prefectural Data). URL: <https://www.e-stat.go.jp/en/regional-statistics/ssdsview/prefectures/rank> (accessed: 9 November 2020).

Regions and Cities at a Glance 2018 – JAPAN. URL: <http://www.oecd.org/cfe/JAPAN-Regions-and-Cities-2018.pdf> (accessed: 11 March 2020).

Reiwa 2 nempun chihō zaisei hakusho [Local finance white paper 2020]. URL: https://www.soumu.go.jp/main_content/000675973.pdf (accessed: 9 November 2020).

Report of 2005 Inter-Regional Input-Output Table (Upload on April 7, 2011). Research and Statistics Department Minister's Secretariat Ministry of Economy, Trade and Industry (METI). URL: <https://www.meti.go.jp/english/statistics/tyo/tiikiio/pdf/2005report.pdf> (accessed: 11 September 2019).

Statement by Dr. Reiko Hayashi, Director of International Research and Cooperation, National Institute of Population and Social Security Research At the Forty-Eighth Session of the United Nations Commission on Population and Development. April 2015. URL: https://www.un.org/en/development/desa/population/pdf/commission/2015/country/Agenda%20item%204/Japan_Item4.pdf (accessed: 1 October 2019).

Statement of Japan Commission on Population and Development fifty first session Agenda Item 3: General debate April 2018 delivered by Dr. Reiko Hayashi Director of International Research and Cooperation National Institute of Population and Social Security Research, Japan. URL: https://www.un.org/en/development/desa/population/pdf/commission/2018/country/AgendaItem3/en_japan.pdf (accessed: 11 October 2019).

The Japan's Plan for Dynamic Engagement of All Citizens. URL: https://japan.kantei.go.jp/content/jpnplnde_en.pdf (accessed: 11 November 2020).

Timonina, I.L. (1992) *Yaponiya: opyt regional'nogo razvitiya* [Japan: The Experience of Regional Development], Moscow: Nauka. (In Russian).

Timonina, I.L. (2000) *Traditsionnyye osnovy regional'noy politiki yaponskogo gosudarstva* [Traditional Foundations of the Regional Policy of the Japanese State], in *Yaponiya-2000: konservatizm i traditsionalizm* [Japan-2000: Conservatism and Traditionalism], Moscow: Vost. lit.: 177-184. (In Russian).

Timonina, I.L. (2002) *Yaponiya: regional'naya ekonomika i politika* [Japan: Regional Economy and Politics], Moscow: IV RAN. (In Russian).

Timonina, I.L. (2014) *Regional'naya politika v Yaponii: ot «kolonizatsii» Khokkaydo do «Yaponii regionov»* [Regional Policy in Japan: From the "Colonization" of Hokkaido to the "Japan of Regions"], in *Yaponskoye obshchestvo: izmenyayushcheyesya i neizmennoye* [Japanese Society: The Changing and Unchanging], project led by E.V. Molodyakova, Moscow: AIRO-XXI: 260–289. (In Russian).

The Basic Environment Plan. Cabinet decision on April 17, 2018. URL: http://www.env.go.jp/policy/kihon_keikaku/plan/plan_5/attach/ref_en-01.pdf (accessed: 28 September 2020).

White Paper on Land, Infrastructure, Transport and Tourism in Japan 2019. Chapter 4 Promoting Regional Revitalization. Section 1 Approaches to Regional Revitalization. URL: <https://www.mlit.go.jp/en/statistics/white-paper-mlit-2019.html> (accessed: 11 October 2019).

Поступила в редакцию 28.09.2020

Received 28 September 2020

Для цитирования: Тимонина И.Л. Новая стратегия пространственного развития Японии: вызовы XXI века // Японские исследования. 2020. № 4. С. 40–63. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10027

For citation: Timonina I.L. (2020). *Novaya strategiya prostranstvennogo razvitiya Yaponii: vyzovy XXI veka* [Japan's new spatial development strategy: challenges of the 21st century], *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2020, 4: 40–63. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10027

Японские исследования. 2020. № 4. С. 64–77.

Japanese Studies in Russia, 2020, 4, pp. 64–77.

DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10028

Политика Японии в области развития водородной энергетики

К.А. Корнеев

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы развития водородной энергетики (ВЭ) в Японии, а также характеризуются различные аспекты внутренней и внешней политики страны в этом направлении. Технологии возобновляемой энергетики с каждым годом развиваются всё активнее, и водород занимает среди них одно из лидирующих мест. Особенно это актуально для стран с дефицитом ископаемых энергоресурсов (уголь, нефть, природный газ), к которым и относится Япония. Значение топливной энергетики снижается по мере роста экономической эффективности возобновляемых источников энергии (ВИЭ), но экспансия последних также сталкивается с естественно-природными (климатическими) и технологическими ограничениями. В этом смысле водород может стать основой для энергетики будущего, если удастся решить проблемы с его транспортировкой, хранением и безопасным использованием. Для успешного развития водородной энергетики Японии следует чётко ответить на несколько вопросов. Первый: каким способом предпочтительней получать водород (собственное производство традиционным либо «зелёным» способом, импорт, создание совместных производств с зарубежными партнёрами). Второй: какие отрасли наиболее предпочтительны для внедрения водородных технологий. И третий: достижима ли коммерческая эффективность (окупаемость) строительства и эксплуатации различных объектов водородной инфраструктуры. Большое значение имеет также создание международно-правового режима экспорта/импорта водорода ввиду значительной сложности и опасности таких операций. Энергетическая безопасность принципиально важна для Японии, поэтому требования к эксплуатации энергетической инфраструктуры в стране очень высоки. Несомненно, без поэтапного внедрения этих мер ущерб от аварии на АЭС «Фукусима» был бы значительно выше. Постоянная практика работы в условиях жёстких ограничений и регламентов сформировала в Японии устойчивые механизмы по противодействию нештатным ситуациям и относительно быстрой ликвидации их последствий без критического ущерба для населения. С учётом этих факторов изучение опыта Японии, первой в мире принявшей и уже частично реализовавшей целенаправленную Стратегию развития водородной энергетики, представляет большой научно-практический интерес.

Ключевые слова: энергетическая политика Японии, водородная энергетика, международное сотрудничество, регион Восточной Азии.

Автор: Корнеев Константин Анатольевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт Дальнего Востока РАН. E-mail: k_korneev@mail.ru

Благодарности: Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект «Разработка методического подхода и научного инструментария для оценки влияния водородных технологий на энергетическое сотрудничество в Северо-Восточной Азии» № 20-014-00024.

Japan's policy in the field of hydrogen energetics development

K.A. Korneev

Abstract. The article is devoted to the problems of hydrogen energetics development in Japan and various aspects of Japan's domestic and foreign policy in this direction. Renewable energy technologies are evolving increasingly actively, and hydrogen takes one of the leading places among them. This is especially important for countries with a deficit of fossil energy resources (coal, oil, and natural gas), which Japan belongs to. The significance of traditional fuel energy decreases as the economic efficiency of renewable energy sources increases, but the expansion of the latter also faces natural (climatic) and technological limitations. In this context, hydrogen will be able to be the bedrock for the future power engineering if the challenges of its transportation, storage, and safe use for energy production can be solved. For the successful development of hydrogen energy in Japan, several questions should be clearly answered. First: what is the preferable way to obtain hydrogen (national production in a traditional or "green" way, import, establishment of joint ventures with foreign partners. Second: which industries are most preferable for the introduction of hydrogen technologies? And third: is the commercial efficiency (payback) achievable for the construction and operation of various hydrogen infrastructure facilities? The establishment of the international legal regime for the export/import of hydrogen is also of great importance, given the considerable complexity and danger of such operations. Energy security is crucial for Japan, and that is why the requirements for energy infrastructure operation here are very high. Without a step-by-step implementation of these measures, the damage caused by the Fukushima nuclear power plant accident would have been much greater. A constant practice of work under the conditions of strict restrictions and regulations has formed in Japan stable mechanisms to counter emergency situations and relatively rapidly mitigate consequences while preventing critical damage to the population. Therefore, the study of the experience of Japan, the first nation in the world that adopted and started to realize a purposeful strategy for the development of hydrogen energy, constitutes a great scientific and practical interest.

Keywords: Japan's energy policy, hydrogen energetics, international cooperation, East Asian region.

Author: Korneev Konstantin A., PhD (History), senior researcher, Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. E-mail: k_korneev@mail.ru

Acknowledgements: The article was prepared with the financial support of the RFBR grant "The development of methodological approach and scientific tools for a study on the impact of hydrogen technologies on international energy cooperation in Northeast Asia" No. 20-014-00024.

Введение

Япония с 1960-х годов активно развивала атомную энергетику, чтобы снизить зависимость от импортируемых первичных энергоресурсов, и добилась в этом хороших результатов – к 2010 г. АЭС страны вырабатывали до 30% всей требуемой электроэнергии. Однако авария на АЭС «Фукусима-1» в марте 2011 г. поставила эту отрасль на грань полной ликвидации, что, в свою очередь, стимулировало новый виток интереса к технологиям ВИЭ, среди которых водород занимает не последнее место. Крупные японские корпорации и официальные представители японского Министерства экономики, торговли и промышленности (МЭТП) впоследствии неоднократно заявляли о важности развития водородной энергетики для будущего Японии.

Речь идёт не об абстрактном значении водорода как перспективного возобновляемого источника энергии, а о конкретных технических решениях, которые могли бы работать в автомобилестроении, кораблестроении, энергоснабжении коммерческих (офисных) зданий. Также нужны фундаментальные исследования с целью разработки новых технологий, благодаря которым станет возможным получение водорода из различных возобновляемых источников, его содержащих, с помощью возобновляемой же энергетики. Задача – сделать водород доступным источником энергии не только для крупных промышленных игроков и электроэнергетических компаний, но в перспективе и для широких слоёв населения путём выпуска цифровой техники, бытовой электроники и т.д. на основе компактных и долговечных водородных топливных элементов (ВТЭ) [Hydrogen Fuel from Thin Air, 2019].

В настоящий момент Япония является крупнейшим в мире импортёром сжиженного природного газа (СПГ), входит в четвёрку крупнейших импортёров угля и нефти. Неудивительно, что страна стремится к максимальной оптимизации и эффективности потребления первичных энергоресурсов. Поэтому выработка водорода из дорогостоящего импортируемого природного газа экономически не оправдана, что заставляет государственные и отраслевые научно-исследовательские центры искать альтернативные пути. Несмотря на то, что основой для последовательной «декарбонизации» японской экономики по-прежнему остаётся снижение потребления ископаемого топлива и увеличение доли «традиционных» видов возобновляемой энергетики (солнечная, ветровая, геотермальная, использование биотоплива и т.п.), роль и место водорода как практически неисчерпаемого (сообразно потребностям человечества) химического элемента сомнениям не подвергается [Tomkiewicz, 2019].

Развитие транспорта на водородных топливных элементах

Справедливости ради следует отметить, что о необходимости развития водородной энергетики (ВЭ) в Японии заговорили ещё в самом начале 2000-х, когда стало понятно, что использование водородных топливных элементов (ВТЭ) для энергоснабжения, например, коммерческих зданий и промышленных объектов, может быть вполне эффективно. В 2010–2017 гг. в таких мегаполисах, как Токио и Осака на принципах частно-государственного партнёрства были собраны несколько экспериментальных водородных мини-электростанций мощностью 10–50 кВт, которые и сейчас используются для автономного энергоснабжения малых промышленных предприятий, торговых-развлекательных и офисных центров, отдельных домохозяйств [Valovirta, 2018]. Также к 2009 г. Япония стала одним из мировых лидеров по продажам топливных элементов для бытовых нужд; но активнее всего развивался автомобильный транспорт на основе этих систем – к началу 2018 г. в стране было произведено суммарно около 3000 автомобилей на ВТЭ и построено около 100 водородных заправочных станций [Crolius, 2017].

По оценкам авторитетных научно-исследовательских и правительственных организаций (Институт экономики энергетики Японии, Агентство природных ресурсов и энергетики при Министерстве экономики, торговли и промышленности, Международный центр исследований водородной энергетики при университете Кюсю) инвестиции в строительство водородной инфраструктуры и в разработку новых технологий водородной энергетики на транспорте к 2030 г. составят 5 млрд долл. США, что укрепит позиции Японии в этой сфере. Однако для

достижения таких результатов усилий отдельных компаний недостаточно, требуется создание консорциума.

Понимая это, крупные корпорации – Toyota, Honda, Nissan, Tokyo Gas и Iwatani Corp. – совместно с некоторыми другими компаниями, работающими над созданием способов транспортировки и хранения водорода, в 2017 г. основали совместное предприятие Japan H2 Mobility. Цель – ускорение процесса практической апробации создаваемых водородных технологий в сфере автомобилестроения с привлечением государственных субсидий [Ikeda, 2018]. Обращает на себя внимание тот факт, что, например, для увеличения количества водородных заправочных станций необходимо как снижение капитальных затрат, так и повышение уровней системной надежности. Одним из наиболее важных факторов для достижения этой цели могло бы стать создание такой логистической цепочки, где на каждом этапе транспортировки водорода действовали бы единые стандарты, чего в настоящее время нет. Наличие таких стандартов также способствовало бы сокращению сроков проектирования и строительства новых водородных АЗС, и позволило бы добиться большей финансовой устойчивости бизнеса.

Японское правительство постепенно вносит изменения в действующие правила, чтобы облегчить дальнейшее строительство водородных АЗС. Например, в феврале 2018 г. Министерство экономики, торговли и промышленности начало смягчать положения регулирующих актов по пожарной безопасности, которые ранее препятствовали увеличению числа станций. Либерализация административных ограничений поможет компаниям-операторам водородных АЗС устанавливать станции в непосредственной близости от обычных АЗС, и таким образом интегрировать их в уже существующие инфраструктурные кластеры [Makino, 2020].

Вообще, по оценкам экспертов Japan H2 Mobility, к концу 2020 г. расходы на ремонт и эксплуатацию водородных заправочных станций должны быть сокращены вдвое по сравнению с 2016 г., а к 2025 г. – втрое. Что касается автомобилей и другой техники, работающей на водородных топливных элементах, то планируется довести её количество на дорогах Японии к 2030 г. до 800 000 единиц. На долю транспорта приходится до 20% всех выбросов CO₂, (45% – электроэнергетика, 35% – промышленность, сфера услуг и др.) поэтому увеличение доли водорода в цепочке производства и распределения энергии улучшит экологическую ситуацию в стране [Lida and Sakata, 2019].

Интересный проект ближайшего будущего – скоростной поезд на водородных топливных элементах, тестовая эксплуатация которого, по заявлению компании JR East, должна начаться в 2021 г. Работа двигательной установки этого поезда основана на гибридном принципе, сочетающем в себе как водородные топливные элементы, так и литий-ионные аккумуляторы. JR East потратит около 40 млн долл. на разработку двухвагонного состава и планирует добиться его коммерческой рентабельности к 2024 г. Поезд будет развивать максимальную скорость до 100 км/ч и проходить около 140 километров на одной водородной заправке [Fuel Cell Trains to Be Tested in Japan, 2019]. Пока сложно говорить, возможен ли даже частичный перевод подвижного состава, например, наземного токийского метро, на такие инновационные вагоны, однако в планах руководства Большого Токио – превращение столицы Японии в один из наиболее комфортных и дружелюбных по отношению к окружающей среде мегаполисов мира, так что перспективы у таких предложений есть.

Среди достижений японских корпораций необходимо выделить ещё одно. Весной 2020 г. на территории префектуры Фукусима, наиболее сильно пострадавшей от землетрясения и цунами в 2011 г., был официально запущен крупнейший в мире завод по производству водорода с помощью возобновляемых источников энергии номинальной мощностью 10 МВт. В число соучредителей этого проекта вошли Toshiba Energy Systems & Solutions Corporation (Toshiba ESS), New Energy and Industrial Technology Development Organization (NEDO), Tohoku Electric Power Co и корпорация Iwatani. Водород производится путем электролиза воды с использованием электрической энергии, вырабатываемой солнечными энергетическими установками, и будет преимущественно использоваться для питания стационарных батарей и двигательных установок транспортных средств, работающих на топливных элементах. Максимальная мощность завода – до 100 кг или 1200 м³ водорода в час, чего достаточно для полной заправки 560 автомобилей ежедневно [Fukushima Opened Largest Hydrogen Plant in the World, 2020].

Преимущества водородной энергетики (экологичность, высокий КПД и т.д.) в должной мере могут считаться таковыми, если используется водород, полученный с помощью возобновляемых источников энергии. Традиционные способы, такие как промышленный электролиз или каталитический риформинг, требуют больших энергозатрат, наличия сложных и дорогих установок, а также в процессе своей работы наносят вред окружающей среде. К тому же, основным потребителем водорода, выработанного традиционным способом, является химическая промышленность – и это устоявшиеся технологические принципы. Поэтому научно-исследовательские и отраслевые институты таких стран, как США, Германия и Китай активно ищут дополнительные способы недорогого производства водорода с помощью возобновляемых источников энергии, который мог бы широко использоваться для питания двигательных установок автомобилей и полноценного энергоснабжения зданий. Япония также добилась в этом направлении значительных результатов. Так, компания Eneco Holdings разработала технологию, позволяющую получать водород по цене значительно меньшей, чем традиционными способами. Речь идёт об электролизе небольших объёмов воды, для чего могут использоваться солнечные или ветроэнергетические установки малой мощности. Технология позволяет из двух литров воды получать такой объём водорода, которого будет достаточно для выработки 65 кВт·ч электроэнергии [Eneco Holdings, 2019].

Институты и механизмы развития водородной энергетики

Возрастание роли и возможностей водородной энергетики привело к необходимости систематизации и структуризации мер в этой сфере. В 2014 г., в дополнение к очередной редакции Основного энергетического плана Японии (ОЭП), была принята и Дорожная карта развития водородной энергетики и транспорта. В конце 2017 г., параллельно с разработкой новой версии ОЭП, в Дорожную карту внесли актуальные дополнения и назвали Базовой стратегией развития водородной энергетики. Следует ещё раз отметить, что Япония стала первой страной в мире, на официальном уровне принявшей подобный документ [Basic Hydrogen Strategy, 2017].

В Базовой стратегии сформулированы основные направления развития водородной энергетики и намечены количественные ориентиры использования водорода в производстве

и потреблении энергии до 2050 г. Речь идёт и о макросистемах (промышленных объектах, технопарках, крупных деловых центрах), и о бытовых потребностях населения, таких как электроснабжение/отопление жилых помещений, и о производстве доступных транспортных средств и т.д.

В рамках стратегии выделяются четыре основных направления:

1. Заметное увеличение роли водорода в энергоснабжении потребителей и производстве транспортных средств, причём не только автомобилей для личных нужд, но и грузовиков, автопогрузчиков, локомотивов и даже маломерных морских судов.

2. Развитие инфраструктуры транспортировки водорода – как морским путём, так и через систему трубопроводов на территории Японии. Строительство водородных кластеров, а именно, специальных территорий, на которых водород как энергоресурс будет иметь первостепенное значение.

3. Создание приоритетных возможностей для развития водородной энергетики и повышения её доли в энергобалансе страны до 25–30% (с учётом доли ВИЭ). Широкое внедрение систем улавливания и хранения углерода, с помощью которых по технологии парового риформинга углеродной загрузки можно получать синтез-газ, который в свою очередь будет использоваться для выделения «зелёного» водорода [Lida and Sakata, 2019].

4. Разработка механизмов международного сотрудничества в вопросах транспорта и хранения водорода, а также создание единых стандартов для образцов техники, работающей на ВТЭ.

Предполагается, что к 2050 г., при условии своевременной реализации положений Стратегии, потребность Японии в водороде будет варьироваться в диапазоне 5–10 млн тонн в год, причём собственное производство будет в состоянии покрыть не более половины этой потребности. Планируется, что к 2030 г. в Японию будет поставляться порядка 250 тыс. тонн «зелёного» водорода ежегодно, и собственное производство составит примерно столько же. Также в приложениях к Стратегии говорится о необходимости совершенствования водородных технологий; поставлена цель к 2030 г. добиться снижения стоимости 1 кВт·ч электроэнергии, выработанной на основе водорода, до 17 иен (в настоящий момент – порядка 80 иен) [Basic Hydrogen Strategy, 2017].

Базовая стратегия развития водородной энергетики – это, по сути, комплексный документ, в котором указывается на важность развития этой отрасли в сопряжении с «традиционными» ВИЭ на основе энергии солнца, ветра, геотермальных источников.

Безусловно, японская политика в области развития водородной энергетики носит последовательный и системный характер. Действие многих регулирующих актов уже расширено и распространено, в том числе, и на водород как источник энергии. Можно сказать, что в стране активно формируются институты управления ВЭ, многие из которых не имеют аналогов в других странах с развитыми секторами ВИЭ (США, ЕС, Китай и др.).

Перечислим наиболее важные из этих законов:

1) Закон о безопасности транспортировки и хранения газа под высоким давлением (High Pressure Gas Safety Act).

2) Закон о безопасности и здоровье персонала на производстве (Industrial Safety and Health Act).

3) Закон о предотвращении катастроф на нефтеперерабатывающих заводах и нефтехимических комплексах (Act on Prevention of Disasters in Petroleum Industrial Complexes and Other Petroleum Facilities).

4) Закон о пользовании морскими портами (Act on Port Regulation). Он интересен тем, что вводит специальные правила размещения на территории портов как значимых перевалочных хабов водородной инфраструктуры, например, подземных хранилищ, установок по сжижению водорода, водородных заправочных станций и др. [Arias, 2019].

Перечисленные выше документы не только формируют институциональную структуру новой энергетической отрасли, но и позволяют усовершенствовать систему работы с технологиями, которые регламентируются требованиями повышенной безопасности. Тем не менее, в настоящее время коммерческая окупаемость проектов в сфере водородной энергетики вряд ли достижима, поскольку, во-первых, нет достаточного технологического задела, а во-вторых, по факту действуют высокие нормы возврата инвестиций (более 20 лет), что не устраивает даже крупный бизнес, не говоря о среднем и мелком. Но, по мнению оптимистов, достижение коммерческой окупаемости – дело ближайших 10 лет, и у Японии есть все возможности для закрепления успехов на этом направлении и перехода к экспорту своих технологий в другие страны [Nagashima, 2018].

Несмотря на то, что водородная энергетика в Японии относится к числу перспективных отраслей, существует и немало скептиков, полагающих, что коммерчески эффективная и безопасная эксплуатация водородных электростанций, транспортных средств, не говоря уже о бытовой технике и портативных цифровых устройствах, вряд ли возможна просто исходя из свойств водорода как химического элемента. Однако правительство и компании, работающие над этой проблемой, уповают на появление новых технологических решений, способных вывести водород в число лидеров возобновляемой энергетики.

Режим международного сотрудничества в области водородной энергетики в Восточной Азии

В 2010-е годы Япония немало внимания уделяла продвижению принципов и режимов международного сотрудничества по вопросам торговли водородом и способам его транспортировки, хранения и практического применения в энергетике. Однако результаты деятельности по внедрению подобной устойчивой международной практики в регионе Восточной Азии пока достаточно скромные. Можно выделить три основные причины этого:

1. Неуверенность власти, бизнеса и экспертного сообщества в том, что водородная энергетика является полноценной альтернативой традиционной топливной энергетике, а также нежелание правительств нести большие финансовые расходы на строительство электроводородной инфраструктуры.

2. Необходимость серьезной государственной поддержки как научно-исследовательской, так и коммерческой деятельности в сфере водородной энергетики. Это в большей степени касается кадровых и материально-технических ресурсов.

3. Неоднозначное восприятие перспектив водородной энергетики общественным мнением. Авария на японской АЭС «Фукусима» показала, что потенциальный ущерб от техногенной катастрофы может превзойти те выгоды для экономики (в первую очередь, снижение тарифов на электроэнергию), которые дают «альтернативные» энергоресурсы.

На различных крупных энергетических и экономических форумах, проводимых под эгидой международных организаций (ASEAN, АПЕС) с начала 2010-х, проблемы развития водородной энергетики и создания электроэнергетической инфраструктуры, в том числе межгосударственной, неоднократно становились предметом обсуждений, но каких-либо «твёрдых» решений принято не было. Нет смысла перечислять эти встречи и саммиты, но в качестве показательного примера можно привести Совместное заявление по итогам 13-й встречи министров энергетики стран Восточной Азии в рамках энергетического саммита, прошедшего под эгидой АСЕАН в Бангкоке 5 сентября 2019 г.

Министры обсудили ход осуществления различных мероприятий по региональному энергетическому сотрудничеству и отметили расширение спектра и направлений кооперации в области развития технологий возобновляемой энергетики. Среди текущих проектов и новых инициатив были выделены: энергоэффективные технологии, интеллектуальные энергетические системы, инновационные решения для хранения энергии, выработанной на солнечных и ветроэнергетических установках, меры по улавливанию и утилизации парниковых газов, а также водородные технологии. Было отмечено, что страны-участницы саммита активизировали усилия по обмену опытом и достижениями.

Кроме того, министры подчеркнули важность увеличения инвестиций (как государственных, так и частных) в отрасли, занимающиеся энергообеспечением промышленного и коммерческого секторов, транспорта и населения. Япония выдвинула инициативу по дальнейшему поощрению инвестиций в промышленную рециркуляцию углерода. Также министры выразили надежду на сотрудничество в области разработок и внедрения «чистых» энергетических технологий для достижения устойчивого экономического роста, энергетической безопасности и охраны окружающей среды. Участники совещания высоко оценили продолжающуюся активную деятельность Японии по содействию региональному сотрудничеству и обмену информацией по всем аспектам разработки технологий использования водорода в энергетической и транспортной сферах [Joint Ministerial Statement, 2019].

Представители МЭТП уже не первый год являются постоянными участниками таких межгосударственных саммитов. Словом, японское правительство наряду с крупными национальными компаниями, быстро избавившись от иллюзий по части создания международного режима торговли водородом в ближайшем будущем, стали делать акцент на двустороннее взаимодействие с вероятными поставщиками готового водорода либо недорогого натурального (природного) сырья для его получения на территории Японии.

Примеры двустороннего сотрудничества в области водородной энергетики

В 2017 г. компания Kawasaki Heavy Industries при поддержке Mitsubishi Corporation и Statoil заключила соглашение с норвежским производителем водорода на основе гидроэнергии и энергии ветра Nel Hydrogen. В настоящий момент ведётся НИР по вероятным технологиям сжижения и транспортировки водорода в Японию. Предполагаемая цена в портах назначения может составить 24 иены за кубический метр. Благодаря импорту недорогого водорода японское правительство в лице МЭТП планирует к 2025 г. довести стоимость одного модуля типа PEMFC (твёрдополимерные топливные элементы, мощность 100 кВт) до 7000 долл., и

SOFC (твёрдоокисидные топливные элементы, мощность 1–2 МВт) – до 9000 долл. [Nagashima, 2018].

В июле 2017 г. четыре крупные компании – Chiyoda Corporation, Mitsubishi Corporation, Mitsui & Co. LTD., и Nippon Yusen Kabushiki Kaisha – основали Ассоциацию передовых водородных энергетических технологий (AHEAD) и запустили первый в мире масштабный проект по созданию межгосударственного коридора транспортировки водорода в кооперации с государством Бруней. Предполагалось инвестировать до 100 миллионов долларов США в это начинание. На первом этапе требовалось построить необходимую инфраструктуру и определить коммерческую жизнеспособность проекта. Цель проекта – производство водорода методом паровой конверсии из природного газа, который изначально доставляется в сжиженном виде на территорию Брунея из третьих стран. В водород, получаемый на заводе в Брунее, добавляется специальное вещество – толуол. Получившуюся смесь доставляют морем на завод в японском городе Кавасаки, где толуол из смеси удаляется и отправляется обратно в Бруней для повторного использования. Принципиально важно то, что такая смесь не требует сложного процесса охлаждения и сжижения, её можно транспортировать в цистернах при температуре в пределах 20–30°C и обычном давлении.

Ожидалось, что к концу 2020 г. по этой схеме будет получено 210 тонн водорода, что эквивалентно разовой полной заправке 40 тыс. транспортных средств, работающих на водородных топливных элементах [Arias, 2019]. Также планировалось, что водород будет использоваться как топливо для газотурбинных электростанций. И если такая электростанция мощностью 80 МВт при нефтеперерабатывающем заводе (НПЗ) японской компании ТАО OIL заработала в июне 2020 г., то цели по изначальному объёму производства водорода не были достигнуты, поскольку завод в Кавасаки начал полноценный производственный цикл только в апреле 2020 г. [Водородная энергетика, 2020].

Постепенно развивается сотрудничество с Австралией. В 2018 г. было подписано партнёрское соглашение между Queensland University of Technology, Griffith University, Swinburne University of Technology со стороны Австралии, University of Tokyo и Sumitomo Electric Industries – со стороны Японии. Суть соглашения – проведение совместной НИР по отработке способов получения водорода методом электролиза из морской воды с использованием в качестве энергоисточников установок ВИЭ. В настоящее время на территории австралийского штата Квинсленд успешно работают порядка 15 ГВт возобновляемых мощностей; ежегодно вводится в строй ещё 1,3–1,5 ГВт. Имеющихся и перспективных мощностей будет достаточно для производства «зелёного» водорода на экспорт [Opportunities for Queensland Business in Japan's Hydrogen Economy, 2019].

Существуют и российско-японские проекты по сотрудничеству в сфере водородной энергетики. В феврале 2020 г. Газпром объявил о намерении производить водород из природного газа не только для нужд внутреннего рынка, но и для возможного экспорта в страны с интенсивными темпами строительства электроводородной инфраструктуры. Ранее, в сентябре 2019 г., с похожим заявлением выступил Росатом – речь шла о целой программе производства водорода для национального и мирового рынков. Более того, в 2019 г. корпорация Росатом и Агентство по природным ресурсам и энергетике МЭТП Японии подписали соглашение по разработке технико-экономического обоснования проекта экспорта водорода из России в Японию. Предполагается получение водорода методом электролиза с использованием мощностей российских АЭС. Первые результаты этой НИР

должны быть представлены к 2021 г. По заявлениям официальных лиц, Росатом имеет технологии, которые способны в течение ближайших 5–10 лет обеспечить производство экологически чистого водорода для нужд японской энергетики [Russia and Japan Agree to Collaborate in Hydrogen Supply, 2019].

Также в декабре 2019 г. министр энергетики РФ Александр Новак официально объявил о создании рабочей группы, занимающейся разработкой Дорожной карты по созданию водородной энергетической отрасли в Российской Федерации. Предполагается, что Россия сможет предлагать водород зарубежным покупателям по цене 3,38 долл. за кг уже в 2020–2025 гг., а к 2030 году – конкурировать за 10–15% мирового рынка. У России есть три основных преимущества, которые теоретически позволят ей войти в число ведущих партнёров Японии по части торговли водородом: большие запасы пресной воды; избыток генерирующих мощностей, особенно гидроэнергетических; и, наконец, близость к Японии, стране, чья потребность в водороде будет только увеличиваться.

Серьёзным конкурентным преимуществом России как поставщика водорода для нужд японского рынка может стать сооружение завода по производству сжиженного водорода, который будет использовать мощности Усть-Среднеканской ГЭС, расположенной в Магаданской области. Эта ГЭС строится с 1991 г., и в настоящее время в эксплуатацию введены три гидроагрегата, четвёртый должен быть готов к 2022 г. Суммарная установленная мощность электростанции – 570 МВт, фактическая по состоянию на середину 2020 г. – 310 МВт. Тем не менее, для потребностей водородного завода этих мощностей достаточно.

Ещё в 2013 г. РАО ЕС Востока, Русгидро и японская компания Kawasaki Heavy Industries подписали соглашение о намерениях по строительству такого завода; предполагалось, что японская сторона возьмёт на себя инвестиционную составляющую проекта. Пилотный комплекс мощностью 10 т водорода в сутки должен был заработать в 2017 г., а выход на расчётную мощность – 300 т в сутки – был запланирован на 2024 г. Однако запуск пилотного комплекса впоследствии перенесли на 2019 г., и в настоящее время в открытых источниках нет информации о новых сроках строительства, хотя официально соглашение между японской и российскими компаниями не расторгнуто [Russia's Hydrogen, 2020].

Дальнейшее совершенствование механизмов международной многосторонней кооперации в сфере водородной энергетики вообще и создания электроводородной инфраструктуры в частности находится в фокусе внимания правительств ведущих мировых держав, корпораций и научно-исследовательских центров, и Япония пока сохраняет за собой уверенные лидерские позиции. В долгосрочной перспективе развитие новых технологий возобновляемой энергетики, к которым относится и водород, станет последовательным и адекватным ответом на возрастающий дефицит энергоресурсов со стороны передовых экономик.

Заключение

Хотя финансирование проектов в области водородной энергетики постоянно растёт, оно всё-таки остается довольно ограниченным и не соответствует потенциальным потребностям японского рынка. Декарбонизация энергетики и экономики Японии по-прежнему завязана на

повышении энергоэффективности использования природного газа и «традиционных» возобновляемых источников энергии (ВИЭ). Перспектива того, что водород займёт ощутимую нишу в структуре энергоснабжения в обозримом будущем, пока вызывает определённые сомнения как в Японии, так и за её пределами. В настоящее время практически все технологии производства водорода и топливных элементов на его основе сильно зависят от государственной финансовой поддержки и, по большому счёту, невыгодны частному бизнесу. Причина – значительные финансовые затраты на развитие инфраструктуры получения, транспортировки и хранения водорода при неочевидной востребованности продукции на основе таких технологий со стороны потенциальных покупателей. В то же время очевидно, что ситуация может измениться. Ведь введение в эксплуатацию даже нескольких крупных станций (мощностью от 1 МВт и выше) приведёт к снижению цен на электроэнергию для конечных потребителей и выравниванию пиковых нагрузок на региональную энергосистему за счёт технической возможности быстро запускать и останавливать водородные электростанции.

Реализация стратегии Японии в области развития водородной энергетики может привести к формированию новой области международной торговли энергоресурсами и финансово-промышленного сотрудничества. Япония активно привлекает США, Австралию, Норвегию, Германию, Саудовскую Аравию и Россию к обсуждению возможных принципов и режимов экспорта/импорта водородного топлива. Также, помимо формирования двусторонних партнерских отношений в сфере производства водорода на «зелёной» основе, Япония выступает и за принятие международных правил транспортировки и хранения водорода. В целом такая кооперация может иметь серьёзное значение для расширения масштабов водородной энергетики, совершенствования технологий, снижения издержек и создания общего положительного имиджа этой энергетической отрасли.

В заключение следует отметить, что Японии пока не удаётся достичь такого сочетания стоимостных и технологических факторов, при котором широкое использование водорода для различных энергетических нужд было бы оправданным. Однако значительный интерес японского правительства и отдельных корпораций к данной проблематике, а также некоторые успехи в производстве и распространении автомобильного транспорта, работающего на водородных топливных элементах, оставляет пространство для сдержанного оптимизма.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Водородная энергетика // Институт энергетики НИУ ВШЭ. 09.09.2020. URL: <https://energy.hse.ru/hydroenergy> (дата обращения: 22.09.2020).

Arias J. Hydrogen and Fuel Cell in Japan // EU-Japan Centre for Industrial Cooperation. Tokyo, 2019. 134 p.

Basic Hydrogen Strategy // Ministry of Economic, Trade and Industry News Releases. 26.12.2017. URL: https://www.meti.go.jp/english/press/2017/1226_003.html (дата обращения: 18.09.2020).

Crolius S. On the Ground in Japan: Residential Fuel Cells // Ammonia Energy Association. 18.05.2017. URL: <https://www.ammoniaenergy.org/articles/on-the-ground-in-japan-residential-fuel-cells/> (дата обращения: 14.09.2020).

Fuel Cell Trains to be Tested in Japan by JR East // Hydrogen Fuel News. 06.06.2019. URL: <https://www.hydrogenfuelnews.com/fuel-cell-trains-to-be-tested-in-japan-by-jr-east/8537650/> (дата обращения: 15.09.2020).

Fukushima Opened Largest Hydrogen Plant in the World // Intelligent Living. 14.03.2020. URL: <https://www.intelligentliving.co/fukushima-largest-renewable-hydrogen-plant/> (дата обращения: 17.09.2020).

Hydrogen Fuel from Thin Air // The Dutch Research Council. 15.02.2019. URL: <https://www.nwo.nl/en/news-and-events/news/2019/02/hydrogen-fuel-from-thin-air.html> (дата обращения: 11.09.2020).

Ikeda T. Status of Hydrogen Fueling Station Technologies in Japan // The Association of Hydrogen Supply and Utilization Technologies. 11.09.2018. URL: <https://www.energy.gov/sites/prod/files/2018/10/f56/fcto-infrastructure-workshop-2018-16-ikeda.pdf> (дата обращения: 21.09.2020).

Joint Ministerial Statement of the 13th East Asia Summit Energy Ministers Meeting // ASEAN Secretariat. 05.09.2019. URL: <https://www.asean2019.go.th/en/news/joint-ministerial-statement-of-the-13th-east-asia-summit-energy-ministers-meeting/> (дата обращения: 21.09.2020).

Makino H. Japan, the New Hydrogen Nation // Switzerland Global Enterprise. 23.01.2020. URL: <https://www.s-ge.com/en/article/global-opportunities/20201-c5-japan-hydrogen-market> (дата обращения: 15.09.2020).

Nagashima M. Japan's Hydrogen Strategy and Its Economic and Geopolitical Implications // IFRI Centre for Energy. Paris, 2018. 75 p.

Opportunities for Queensland Business in Japan's Hydrogen Economy // International Market Report from Trade & Investment Queensland. 02.11.2019. URL: <https://www.tiq.qld.gov.au/download/industrysector/knowledge-industries/Japan-Hydrogen-International-Market-Report-FA-1.pdf> (дата обращения: 23.09.2020).

Presentation of Hydrogen Fuel Generation Technologies with Zero CO₂ Emissions // Eneco Holdings. 25.06.2019. URL: <https://en.eneco-hd.co.jp/media/2019/06/25/12> (дата обращения: 18.09.2020).

Russia and Japan Agree to Collaborate in Hydrogen Supply // Rosatom News. 25.09.2019. URL: <https://www.rosatom.ru/en/press-centre/news/-russia-and-japan-agree-to-collaborate-in-hydrogen-supply/> (дата обращения: 24.09.2020).

Russia's Hydrogen Bet Sets up Contest with Australia for Japanese Market // S&P Global Platts Insight. 24.03.2020. URL: <https://blogs.platts.com/2020/03/24/russia-hydrogen-fuel-australia-japan/> (дата обращения: 25.09.2020).

Shigeki L. and Ko S. Hydrogen Technologies and Developments in Japan // Clean Energy. 2019. Vol. 3. № 2. P. 105–113.

Tomkiewicz M. Hydrogen Economy: Japan is the lead // ClimateChangeFork. 02.04.2019. URL: <http://climatechangefork.blog.brooklyn.edu/2019/04/02/hydrogen-economy-japan-lead/> (дата обращения: 14.09.2020).

Valovirta V. Hydrogen Society (Japan). Case Study Report // European Commission Directorate-General for Research and Innovation. Brussels, 2018. 33 p.

REFERENCES

- Arias, J. (2019). *Hydrogen and Fuel Cell in Japan*, Tokyo: EU-Japan Centre for Industrial Cooperation.
- Basic Hydrogen Strategy. (2017). Ministry of Economic, Trade and Industry News Releases. URL: https://www.meti.go.jp/english/press/2017/1226_003.html (accessed: 18 September 2020).
- Crolius, S. (2017). *On the Ground in Japan: Residential Fuel Cells*, Ammonia Energy Association. URL: <https://www.ammoniaenergy.org/articles/on-the-ground-in-japan-residential-fuel-cells/> (accessed: 14 September 2020).
- Energy Institute of Higher School of Economics. (2020). *Vodorodnaya Energetika*. [Hydrogen Energy]. URL: <https://energy.hse.ru/hydrenergy> (accessed: 22 September 2020). (In Russian).
- Fuel Cell Trains to be Tested in Japan by JR East. (2019). *Hydrogen Fuel News*. URL: <https://www.hydrogenfuelnews.com/fuel-cell-trains-to-be-tested-in-japan-by-jr-east/8537650/> (accessed 15 September 2020).
- Fukushima Opened Largest Hydrogen Plant in the World. (2020). *Intelligent Living*. URL: <https://www.intelligentliving.co/fukushima-largest-renewable-hydrogen-plant/> (accessed: 17 September 2020).
- Hydrogen Fuel from Thin Air. (2019). The Dutch Research Council. URL: <https://www.nwo.nl/en/news-and-events/news/2019/02/hydrogen-fuel-from-thin-air.html> (accessed: 11 September 2020).
- Ikeda, T. (2018). *Status of Hydrogen Fueling Station Technologies in Japan*, The Association of Hydrogen Supply and Utilization Technologies. URL: <https://www.energy.gov/sites/prod/files/2018/10/f56/fcto-infrastructure-workshop-2018-16-ikeda.pdf> (accessed: 21 September 2020).
- Joint Ministerial Statement of the 13th East Asia Summit Energy Ministers Meeting. (2019). ASEAN Secretariat. URL: <https://www.asean2019.go.th/en/news/joint-ministerial-statement-of-the-13th-east-asia-summit-energy-ministers-meeting/> (accessed: 21 September 2020).
- Makino, H. (2020). *Japan, the New Hydrogen Nation*, Switzerland Global Enterprise. URL: <https://www.s-ge.com/en/article/global-opportunities/20201-c5-japan-hydrogen-market> (accessed: 15 September 2020).
- Nagashima, M. (2018). *Japan's Hydrogen Strategy and Its Economic and Geopolitical Implications*, Paris: IFRI Centre for Energy.
- Opportunities for Queensland Business in Japan's Hydrogen Economy. (2019). *International Market Report from Trade & Investment Queensland*. URL: <https://www.tiq.qld.gov.au/download/industrysector/knowledge-industries/Japan-Hydrogen-International-Market-Report-FA-1.pdf> (accessed: 23 September 2020).
- Presentation of Hydrogen Fuel Generation Technologies with Zero CO₂ Emissions. (2019). Eneco Holdings. URL: <https://en.eneco-hd.co.jp/media/2019/06/25/12> (accessed: 18 September 2020).
- Russia and Japan Agree to Collaborate in Hydrogen Supply (2019). *Rosatom News*. URL: <https://www.rosatom.ru/en/press-centre/news/-russia-and-japan-agree-to-collaborate-in-hydrogen-supply/> (accessed: 24 September 2020).

Russia's Hydrogen Bet Sets up Contest with Australia for Japanese Market. (2020). S&P Global Platts Insight. URL: <https://blogs.platts.com/2020/03/24/russia-hydrogen-fuel-australia-japan/> (accessed: 25 September 2020).

Shigeki, L. and Ko, S. (2019). Hydrogen Technologies and Developments in Japan, *Clean Energy*, 3 (2): 105-113.

Tomkiewitz, M. (2019). Hydrogen Economy: Japan is the lead, *ClimateChangeFork*. URL: <http://climatechangefork.blog.brooklyn.edu/2019/04/02/hydrogen-economy-japan-lead/> (accessed: 14 September 2020).

Valovirta, V. (2018). Hydrogen Society (Japan), Case Study Report, Brussels: European Commission Directorate-General for Research and Innovation.

Поступила в редакцию 29.09.2020

Received 29 September 2020

Для цитирования: Корнеев К.А. Политика Японии в области развития водородной энергетики // Японские исследования. 2020. № 4. С. 64–77. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10028

For citation: Korneev K.A. (2020). Politika Yaponii v oblasti razvitiya vodorodnoy energetiki [Japan's policy in the field of hydrogen energetics development], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2020, 4: 64–77. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10028

Японские исследования. 2020. № 4. С. 78–97.

Japanese Studies in Russia, 2020, 4, pp. 78–97.

DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10029

Память о войне как самостоятельный фактор в отношениях Японии со странами-соседями: к 75-летней годовщине капитуляции Японии

Д.В. Стрельцов

Аннотация. 75-летний юбилей окончания Второй мировой войны даёт повод для осмысления всемирно-исторического значения поражения Японии в этой войне, а также оценки этого события с точки зрения современных отношений Японии с её странами-противниками. Многие десятилетия свою актуальность в этих отношениях не утрачивает целый клубок специфических проблем исторического прошлого, связанных с наследием Второй мировой войны.

По сути, в разных странах сложились собственные национально-ориентированные дискурсы вокруг войны с Японией, в которых расставлены различные акценты в интерпретации её сути, характера, основных акторов и даже хронологии. На Западе в целом считали вопрос об ответственности Японии исчерпанным условиями послевоенного урегулирования, определёнными подписанным ими Сан-Францисским мирным договором, а также вердиктами Токийского и иных трибуналов, наказавших японских военных преступников. Их позиция в период холодной войны определялась в первую очередь логикой биполярного противостояния, в которой Япония была верным проводником западных ценностей в Азии в глобальной парадигме борьбы с коммунизмом. Что касается СССР и постсоветской России, у них отсутствуют какие-либо «исторические» (не только юридические, но и морально-этические) претензии к Японии, связанные с итогами войны.

В свою очередь в Китае, а также в государствах Корейского полуострова преобладают антияпонские настроения, связанные с недостаточной степенью публичного выражения раскаянья в отношении милитаристского прошлого со стороны официального Токио, в политике которого, по их мнению, усиливается ревизионистская компонента. Их болезненную реакцию вызывают высказывания японских официальных лиц, и прежде всего главы правительства, в которых оправдывается милитаристская политика Японии в годы войны, посещение членами кабинета министров храма Ясукуни, издание «патриотических» учебников истории для средней школы и т.д. Эти страны слышат из Японии одновременно голоса признания и отрицания вины, а это усложняет двусторонний диалог на политическом уровне. В результате установление отношений доверия между Японией и странами Восточной Азии представляется в обозримой перспективе маловероятным.

Ключевые слова: Япония, память о войне, консервативная традиция, теория освобождения Азии, Токийский трибунал, Нанкинская резня, храм Ясукуни, «дипломатия извинений».

Автор: Стрельцов Дмитрий Викторович, доктор исторических наук, заведующий кафедрой востоковедения МГИМО-университета (адрес: Москва 119454, просп. Вернадского, 76). E-mail: d.streltsov@inno.mgimo.ru.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ и АНО ЭИСИ, грант № 20-011-31262 («Современное переосмысление истории Второй мировой войны в Японии в контексте меняющегося политического ландшафта в Восточной Азии и национальных интересов России»).

War memory as an independent factor in Japan's relations with neighbors: on the 75th anniversary of Japan's surrender

D.V. Streltsov

Abstract. The 75th anniversary of the end of World War II provides an opportunity for a new understanding of the global historical significance of Japan's defeat, as well as for evaluating this event from the point of view of present-day relations between Japan and its former adversaries. For many decades, a whole tangle of specific problems of the historical past related to the legacy of WWII has not lost its relevance in these relations.

In fact, different countries have developed their own national-oriented discourses around the war with Japan, in which different accents are placed in the interpretation of its essence, character, main actors, and even chronology. In the West, the question of Japan's responsibility was generally considered to be closed by the terms of the post-war settlement determined by the San Francisco Peace Treaty, as well as by the verdicts of the Tokyo and other tribunals that punished Japanese war criminals. Their position during the cold war was determined primarily by the logic of bipolar confrontation, in which Japan was a faithful proponent of Western values in Asia in the global paradigm of the fight against communism. As for the USSR and post-Soviet Russia, it does not have any “historical” (not only legal, but also moral and ethical) claims against Japan related to the results of the war.

In turn, in China, as well as the states of the Korean Peninsula, anti-Japanese sentiment prevails, due to the insufficient degree of public expression of remorse for the militaristic past on the part of official Tokyo, in whose policy, in their opinion, the revisionist component is growing. Their painful reaction is caused by statements of Japanese officials, and especially the head of government, which justify the militaristic policy of Japan during the war, by the visits of Cabinet members to the Yasukuni Shrine, by the publication of ‘patriotic’ history textbooks for secondary schools, etc. These countries hear from Japan both voices of admission and denial of guilt, and this complicates the bilateral dialogue at the political level. As a result, the establishment of a relationship of trust between Japan and East Asian countries seems unlikely in the foreseeable future.

Keywords: Japan, war memory, conservative tradition, Asia liberation view, the Tokyo Tribunal, the Nanjing massacre, Yasukuni Shrine, “the diplomacy of apologies”.

Author: *Streltsov Dmitry V.* Moscow State Institute of International Relations (MGIMO-University) (address: 76, Vernadskogo Prospect, Moscow, 119454, Russian Federation). E-mail: d.streltsov@inno.mgimo.ru

Acknowledgements: The study was funded by RFBR and EISR according to the research project No. 20-011-31262 “Contemporary Reinterpretation of WWII History in Japan in the Context of the Changing Political Landscape in East Asia and Russia’s National Interests”.

75 лет назад, 2 сентября 1945 г., на борту американского линкора Миссури, стоявшего в гавани Токийского залива, был подписан Акт о капитуляции Японии. В год юбилея окончания Второй мировой войны тема исторического наследия этого эпохального события XX века приобрела особое звучание. Юбилейная дата даёт повод для осмысления всемирно-исторического значения поражения Японии в этой войне, а также оценки этого события с точки зрения современных отношений Японии со странами-противниками в годы войны.

Разнообразие в подходах к значению и месту войны с Японией в национальной и мировой истории

В мире имеется широкий спектр разброса мнений и оценок, связанных с этой проблемой. Существенно различается в разных странах и субъективно-эмоциональная перцепция довоенного милитаристского режима в Японии, который в отдельных случаях приравнивают к нацистской Германии, а некоторых случаях – решительно отделяют. По сути, в отдельных странах сложились собственные национально-ориентированные дискурсы вокруг войны с Японией, в которых расстановлены различные акценты в интерпретации её сути, характера, основных акторов и даже хронологии.

Так, для США, которые были одной из жертв японской агрессии, главным в историческом восприятии войны с Японией является ощущение её священности и справедливости для американского народа, а также справедливости её юридических и фактических итогов. Символом коварства и агрессивности японцев стало для американцев внезапное нападение на Пёрл-Харбор 7 декабря 1941 г., которое в чём-то резонирует с нападением гитлеровской Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г. Именно с этого момента начинается «Тихоокеанская война», которая сразу же стала частью мировой. Американская историография Тихоокеанской войны делает упор на морские сражения на Тихом океане – битвы у атолла Мидуэй, Соломоновых островов, за Гуадалканал, а также сражение за Окинаву. Именно здесь, как не без оснований полагают в Америке, определялся исход войны с Японией. Американцы хорошо знают о проявленном на Тихом океане их соотечественниками (в том числе будущими президентами США Кеннеди и Бушем) массовом героизме, известно там и о жестоком обращении японцев с военнопленными армии США и других стран Запада. В то же время агрессивная политика Японии на азиатском материке занимает в американском взгляде на войну второстепенное место.

В связи с этим резонно возникает вопрос: почему, в отличие от нацистской Германии, США не пошли в оккупационный период на решительный слом японской системы государственной власти, которая была объявлена виновником милитаристской политики, и не настояли на строительстве качественно нового государства, не имеющего со старым ничего общего? Причины проявленного американцами великодушия лежат в области геополитики. После войны Япония стала для США основным политическим союзником в Восточной Азии, призванным своим примером доказать преимущества капиталистического развития и тем самым обеспечить сдерживание коммунистического влияния в других странах Азии. Благодаря помощи США Япония сумела не только быстро восстановить экономику, но и явить миру феномен «экономического чуда», позволившего стране вновь стать лидером региона, на этот раз с помощью экономических рычагов.

Свою роль играло и критическое осмысление опыта I мировой войны, когда демонстративное унижение Германии привело к психологической травме побеждённой нации и посеяло там семена мстительного реваншизма, что в конечном счёте привело мир к новой катастрофе. На этом фоне Вашингтон в своём подходе к условиям послевоенного урегулирования с побеждённой Японией, по-видимому, отчетливо понимал грань, заступив за которую, он рисковал на многие десятилетия вперед получить отнюдь не лояльного партнёра, а нового врага.

В послевоенный период США, пытаясь привлечь к себе симпатии японцев, фактически освободили довоенных политических лидеров Японии от ответственности, выпустив в период «обратного курса» уже осуждённых преступников из тюрем. После проведения Токийского трибунала и подписания Сан-Францисского мирного договора (СФМД), наложившего на Японию более чем мягкие виды наказания (Япония была приговорена к символическим репарациям), Вашингтон больше не обращался к теме военной ответственности Японии. В постбиполярный период США достаточно вяло реагировали на «ревизионистские» действия японского руководства: например, в декабре 2013 г. Вашингтон лишь выразил «разочарование» по поводу визита премьера С. Абэ в храм Ясукуни, хотя все восточноазиатские соседи Японии выступили с энергичными протестами [Japan's Shinzo Abe..., 2013].

Фактически аналогичную позицию проявляли в послевоенный период и другие западные державы, колонии которых в Юго-Восточной Азии были в годы войны объектом японской агрессивной политики: Великобритания, Голландия, а также страны Британского содружества (Австралия и Канада). Следует отметить, что у некоторых из этих стран были достаточные основания для проявления жёсткости в деле выработки условий послевоенного урегулирования с Японией. Это в первую очередь касается Австралии, территория которой непосредственно пострадала от японской агрессии, а также Голландии, многие граждане которой стали жертвами японской оккупационной политики (например, голландки работали в «станциях утешения»). Многие послевоенные годы кровоточащей раной в отношениях Японии с этими странами оставалась память о бесчеловечных условиях, в которых содержались военнопленные в японских лагерях, о «Батаанском марше смерти», о непосильном труде и огромной смертности на строительстве железной дороги между Таиландом и Бирмой в 1942–1943 гг., для которого было привлечено около 60 тыс. британских, голландских, австралийских и американских военнопленных (около 15 тыс. из них погибло).

Тем не менее эти страны в целом считали вопрос об ответственности Японии исчерпанным условиями послевоенного урегулирования, определёнными подписанным ими Сан-Францисским мирным договором, а также вердиктами Токийского и иных трибуналов, наказавших японских военных преступников. Их позиция в период холодной войны определялась в первую очередь логикой биполярного противостояния, в которой Япония была верным проводником западных ценностей в Азии в глобальной парадигме борьбы с коммунизмом.

Иная ситуация наблюдалась в СССР и странах Восточной Азии, по разным причинам не подписавших Сан-Францисский мирный договор, в результате чего Япония восстанавливала с ними отношения на двустороннем уровне. СССР в отличие от прочих стран-противников Японии не пострадал от японской агрессии, а его вступление в войну с Японией было продиктовано его союзническими обязательствами и имело юридическое обоснование в виде положений Устава ООН (ст. 107), согласно которым страны-подписанты должны были немедленно предпринять все меры против «вражеских государств», направленные на скорейшее завершение войны. Хотя Москва не присоединилась к СФМД, а нормализация отношений с Японией происходила без подписания мирного договора, она в соответствии со статьёй 6 Совместной декларации 1956 года неизменно придерживалась

позиции, согласно которой все вопросы войны между двумя странами, происходившей с 9 августа 1945 г., являются полностью урегулированными.

Следует отметить, что в исторической памяти о войне в СССР и постсоветской России на уровне массового сознания практически полностью отсутствовал эмоционально окрашенный компонент, связанный с негативным восприятием Японии как страны-агрессора, причинившей другим народам огромные страдания, подобно тому, как это сделала нацистская Германия в годы Второй мировой войны. Это связано и с тем, что Япония не напала на Советский Союз в тяжелые годы Великой Отечественной войны, оставшись верной Пакту о нейтралитете, а советско-японская война августа 1945 г. была скоротечной и, конечно, не столь кровопролитной, как война с Германией. Свою роль играл и фактор американских бомбардировок Хиросимы и Нагасаки, жертвы которых в глазах советских граждан искупили вину милитаристского руководства страны. Наконец, важным было и то обстоятельство, что в период военной оккупации Япония оказалась под контролем американцев: в глазах советских людей она фактически превратилась в страну-сателлита, не имеющую возможности проводить собственный внешнеполитический курс. «Долги» Японии перед Россией в этом смысле были погашены её капитуляцией и моральным удовлетворением от её унижительного положения в качестве «американской полуколонии».

Отсутствуют какие-либо «исторические» (не только юридические, но и морально-этические) претензии к Японии, связанные с итогами войны, и у постсоветской России. Что касается проблемы пограничного размежевания, именно Япония является источником территориальных претензий к России, а потому выступает в глазах многих россиян в качестве «ревизионистской» державы, не желающей признавать очевидные итоги Второй мировой войны.

Несколько по-другому выглядит коллективная память о войне с Японией в материковых странах-соседях. В Китае война с Японией воспринималась и продолжает восприниматься как справедливая война против иностранных агрессоров, которые совершили страшные и бесчеловечные военные преступления, в том числе в отношении мирного населения. Особую важность для Китая при современной оценке исторического значения капитуляции Японии приобретает не всемирно-исторический, а национальный аспект этого события: на первый план выходит не столько завершение Второй мировой войны, сколько освобождение страны от японских оккупантов.

Точно так же и в странах Корейского полуострова военное поражение Японии воспринимается в первую очередь как судьбоносный момент национальной истории, в который корейский народ смог освободиться от иностранного порабощения, нежели как завершающий аккорд мировой войны. В колониальный период 1910–1945 гг. народ Кореи подвергался насильственной трудовой и военной мобилизации для нужд японской императорской армии, а многие корейцы пострадали от навязанного стране Японией участия в войне. На японских военных заводах работали корейские рабочие, насильственно завезённые в метрополию, в японских военных борделях работали присланные туда против своей воли кореянки, а от атомных бомбардировок Японии пострадали корейцы, оказавшиеся в Хиросиме и Нагасаки опять-таки в результате насильственной трудовой мобилизации. Условия послевоенного урегулирования 1965 года между Японией и РК, в соответствии с которыми Токио брал на себя обязательство предоставить Сеулу 500 млн долл. США в виде грантов и низкопроцентных кредитов на нужды экономического развития

Южной Кореи, считают на Юге недостаточно справедливыми, так как сами корейские жертвы японского колониализма ничего для себя лично от японской помощи не получили. Кроме того, имеется принципиальное различие в позициях сторон по поводу легитимности договора 1910 года, передавшего суверенные права на Корею в руки японского императора: Сеул считает его незаконным с момента подписания, в Токио же полагают, что он утратил силу только в момент капитуляции Японии в 1945 г. С Севером же Токио так и не нормализовал межгосударственные отношения, соответственно, на межгосударственном уровне не произошло и урегулирования вопросов минувшей войны и колониального прошлого.

На этом фоне как на Юге, так и на Севере Кореи преобладают антияпонские настроения, связанные с недовольством условиями послевоенного урегулирования (в случае с РК), а также с недостаточной степенью публичного выражения раскаянья в отношении милитаристского прошлого со стороны официального Токио, в политике которого усиливается ревизионистская компонента.

В мире наблюдается разнობой и в названии войны с Японией как одного из событий Второй мировой войны, а также в её датировке. В США, как было отмечено выше, она называется «Тихоокеанской войной» (Pacific War), продолжавшейся с 7 декабря 1941 г. по 15 августа 1945 г. (день выступления японского императора по радио о принятии условий Потсдамской декларации). В СССР она ассоциируется с «Советско-японской войной», которая началась в момент вступления СССР в войну с Японией 8 августа 1945 г. и закончилась подписанием Токио Акта о капитуляции 2 сентября. При этом, в отличие от войны с Японией стран Запада, которая нашла фронты Тихого океана в 1941–1945 гг., для СССР значительная часть «горячей стадии» этой войны проходила в Китае, Корее, на Курильских островах и Сахалине уже после 15 августа 1945 г., т.е. пришлась на период после объявления японским императором поражения в войне.

В свою очередь, в Китае изначально (т.е. ещё в период войны) конфликт с Японией не воспринимался как событие всемирно-исторического масштаба, закрепившись в коллективной памяти народа как «война сопротивления против Японии», или «антияпонская война». В послевоенный период в национальной историографии и системе исторического образования установилось название, привязанное к её временным рамкам – «восемилетняя война сопротивления японской агрессии». Речь шла о войне с 1937 по 1945 г., известной среди многих историков как «вторая китайско-японская война», началом которой считается инцидент на мосту Марко Поло 7 июля 1937 года. Во многом такая периодизация была связана с тем, что именно с 1937 г., когда между коммунистами и Гоминьданом было заключено соответствующее соглашение и создан Второй объединённый фронт, главным врагом КПК становятся японские оккупанты (тогда как ранее коммунисты своим основным противником считали Гоминьдан).

Вместе с тем с начала 2000-х годов в Китае стал шире использоваться термин «четырнадцатилетняя война», которая началась Мукденским инцидентом 18 сентября 1931 г. и завершилась капитуляцией Японии 2 сентября 1945 г. Сверху было спущено указание переписать учебники истории с тем, чтобы позиционировать эти события как «14-летнюю войну сопротивления японской агрессии». Решение о «продлении» войны на шесть лет, очевидно, ставило своей целью содействовать патриотическому воспитанию и подчеркнуть

ключевую роль Коммунистической партии в сопротивлении «японскому фашизму» в преддверии Второй мировой войны [Jing Yu, 2017].

В ходе церемонии в памятную дату окончания войны китайские лидеры используют термин не «Вторая мировая война», а «Мировая антифашистская война». На церемонии 2015 г. Председатель Госсовета КНР Си Цзиньпин заявил: «Семьдесят лет назад китайский народ, упорно сражаясь в течение 14 лет, одержал великую победу в своей войне сопротивления японской агрессии, что означало и полную победу в Мировой антифашистской войне. Китайская народная война сопротивления японской агрессии и Мировая антифашистская война были решающей битвой между справедливостью и злом, между светом и тьмой, между прогрессом и реакцией. В этой разрушительной войне Китайская народная война сопротивления японской агрессии началась раньше всех и продолжалась дольше всех. Во время войны китайский народ с огромными жертвами нёс основную тяжесть Мировой антифашистской войны на Востоке, тем самым внеся большой вклад в победу» [An 2018]. Через пять лет, 3 сентября 2020 г. Си Цзиньпин в своём выступлении особенно отметил решающую роль Китая и России, которые понесли огромные жертвы ради победы в Мировой антифашистской войне [China's Xi..., 2020].

Исторически появление этого определения связано с тем, что ещё во время войны Мао Цзэдун нередко говорил о ведении китайским народом «антифашистской войны». По мнению австралийского исследователя Дж. Фитцджеральда, Мао тем самым стремился доказать свою преданность Сталину, который вёл войну с германским фашизмом в Европе [Fitzgerald, 2015]. Другая цель Мао, использовавшего этот термин, состояла в том, чтобы позиционировать войну с Японией в качестве одного из локальных фронтов войны с мировым капитализмом. «Мировая антифашистская война» рассматривается в Китае как один из этапов борьбы между социализмом и капитализмом, марксизмом-ленинизмом и либеральным плюрализмом, суверенными народами и империалистическими нациями. Вторжение Японии и оккупация Китая с 1931 по 1945 г. в рамках этого видения истории занимает место одного из эпизодов столкновения Китая с капиталистическим Западом, который начался ещё с периода буржуазно-демократических революций, потрясших Европу и Северную Америку в XVII и XVIII веках. На современном же этапе этой борьбы Китай, согласно этому взгляду, сопротивляется долгосрочным империалистическим замыслам США и «возрождению фашизма» в Японии [Fitzgerald, 2015].

Что касается Кореи, там периодизация Второй мировой войны воспринимается через призму национально-освободительной борьбы с японскими колонизаторами, которая непрерывно продолжалась с момента закабаления страны в 1910 г. вплоть до поражения Японии в 1945 г.

Как завершение японской оккупации, начавшейся в 1941–1942 гг., воспринимается поражение Японии и в странах Юго-Восточной и Южной Азии. Однако поскольку все они, за исключением Таиланда, изначально находились под колониальным правлением европейских держав, приход японцев ассоциируется там с новым колониальным порабощением. Следует отметить, что японская оккупационная политика в регионе проводилась Токио под лозунгом «освобождения Азии от белых колонизаторов», а японские власти, особенно на завершающих этапах войны, заигрывали с лидерами национально-освободительного движения оккупированных стран (Субхас Чандра Бос, Бо Мо, Хосе Лаурель и др.), включая тех, кто был после войны возведён в этих странах в ранг

национальных героев. Окончание войны с Японией имеет для этих стран большое значение не только как освобождение от японской оккупации, но и как повод к пробуждению национального самосознания и разворачиванию освободительной борьбы против колониализма как такового.

В самой же Японии имеется несколько названий, которые используются представителями различных социальных групп и политических взглядов в отношении различных видов и этапов боевых действий японской императорской армии в ходе Второй мировой войны. Консерваторы склонны употреблять термин *дайтоа сэнсо* («Великая восточноазиатская война»), который содержит намёк на великую миссию, которую Япония стремилась выполнить в Восточной Азии, а именно – построить «Восточноазиатскую сферу процветания». Применительно к войне в Китае в ходу словосочетание *дзюгонэн сэнсо* («Пятнадцатилетняя война»), под которым понимается конфликт с Китаем в период с 1931 по 1945 гг., или *ниттю сэнсо* («Японо-китайская война»). Широкое употребление получил и термин «Тихоокеанская война» (*тайхэйё сэнсо*) – боевые действия Японии против США и их союзников на Тихом океане, которые отделяются от действий императорской армии в Китае и странах ЮВА. В отношении всей минувшей войны (включая как материковую, так и тихоокеанскую её части) в академических кругах широко используется также термин *адзиа тайхэйё сэнсо* («Азиатско-тихоокеанская война») [Сёдзи, 2011, с.79]. В отношении боевых действий против Красной армии после вступления СССР в войну используется и термин «Японо-советская война» (*ниссо сэнсо*). Следует подчеркнуть, что во всех этих названиях упор делается на субъектность Японии как одной из сторон военного конфликта. Использование же термина «Вторая мировая война», как подчеркивает японский исследователь Дз. Сёдзи, в отношении войны с участием Японии, в самой Японии вызывает ощущение «неестественности», как в силу географического и временного факторов, так и по причине субъективных ощущений среди японцев [Сёдзи, 2011, с. 78].

Страновые различия в отношении к историческому наследию минувшей войны проявляются также в том, что в мире по-разному отмечают день её окончания. Например, в Японии дата окончания войны, которая официально считается «днём траура по погибшим и мольбы за мир», отмечается 15 августа: именно в этот день в 1945 г. по радио с соответствующим заявлением выступил император страны. Ежегодно 15 августа в Японии проходят траурные церемонии, а премьер-министр выступает с речью, в которой вспоминает о погибших и даёт оценку историческому наследию Второй мировой войны. Этот же день отмечают как памятную дату окончания войны в Великобритании, Австралии, Канаде и странах британского содружества, так как армии этих стран в этот день прекратили боевые действия с японскими войсками. 15 августа считают датой окончания войны и в странах Корейского полуострова, для которых особенно важно, что с декларацией в этот день выступил японский император, от имени которого проводилось колониальное порабощение страны.

В свою очередь, в США памятной датой окончания войны считается 2 сентября – день, когда Японией был подписан Акт о капитуляции. Для США, таким образом, важнее статусно-символический смысл этой даты, а именно – то, что прошедшая в этот день церемония подписания капитуляции продемонстрировала миру мощь Америки и унижение её военного противника.

Наконец, в Китае, а также ряде стран Азии (Филиппины, Тайвань) и современной России отмечают 3 сентября – первый день после окончания Второй мировой войны. За этим стоит нежелание придерживаться западного взгляда на историю и присоединяться к празднованию даты, которую на Западе представляют прежде всего как американский триумф. Например, в Китае считается, что именно 3 сентября японская императорская армия капитулировала перед Китаем. 3 сентября отмечается в Китае как «День победы в войне китайского народа против японской агрессии и в мировой войне против фашизма».

Различия в подходах к дате празднования окончания войны с Японией имели и продолжают иметь конкретные политические последствия. Например, эти различия служат причиной разногласий в советско-японских отношениях по проблеме военнопленных. В японской интерпретации сдача оружия военнослужащими японской императорской армии после 15 августа, считающегося днём окончания войны, не является пленением, а, следовательно, разоруженные японцы были не военнопленными, а интернированными. Однако в реальности приказ о сдаче поступил к ним с сильным запозданием, в результате чего они продолжали оказывать ожесточенное сопротивление Красной армии. Поэтому в послевоенном СССР перемещённые туда бывшие японские военнослужащие считались именно военнопленными, а не «интернированными лицами».

Разными были у каждой страны и условия послевоенного урегулирования с Японией. В отличие от США и их западных союзников, многие страны – участницы войны не подписали Сан-Францисский мирный договор и встали перед необходимостью самостоятельно проводить нормализацию отношений с Японией. Так, страны ЮВА завершили процесс нормализации во второй половине 1950-х годов, СССР – в 1956 г., Республика Корея – в 1965 г., Китай в – 1972 г. С КНДР такого урегулирования нет и сегодня. В каждом отдельном случае находилась и отдельная формула примирения. От Японии требовались в основном формальные извинения, в то время как репарации там, где они требовались, обретали форму «экономической помощи». Общим знаменателем этой формулы становилось взаимное подтверждение отсутствия у сторон каких-либо претензий друг к другу.

Историческая оценка Второй мировой войны в Японии

Оценка наследия Второй мировой войны остаётся крайне противоречивой и неоднозначной и в самой Японии. В стране продолжают дискуссии о том, насколько эта война была справедливой для Японии, какую политику Япония проводила на материке и как следует относиться к довоенному милитаристскому режиму и отдельным его представителям.

В дискурсе послевоенной Японии вокруг милитаристского прошлого сформировалось две традиции – «консервативная» и «прогрессистская» [Dian, 2015]. Имеет смысл подробнее остановиться на консервативной традиции, которая стала преобладающей в идеологическом обеспечении политики кабинетов Абэ в 2012–2020 гг. Премьер-министр С. Абэ призывал к проведению более решительной внешней политики, особенно в отношении тех стран, которые, по его мнению, получают преимущества от склонной к историческому «мазохизму» и «самоуничжительной» Японии. Консерваторы склонны отрицать или, по крайней мере, преуменьшать агрессивный характер войны. Они исходят из того, что война не была спланированным и сознательным актом агрессии, а Япония была скорее принуждена

к ведению войны внешними силами. Например, депутат ЛДП и бывший министр обороны Т. Инада, отражая эти взгляды, доказывала, что Япония вела войну «за собственное выживание и в интересах самообороны». Она открыто призвала премьера Абэ «избавиться от взгляда на историю, привнесённого Токийским трибуналом» [Коно данва..., 2014].

Широкое распространение получил тезис о том, что империалистическая Япония действовала в условиях того времени точно так же, как и все прочие западные страны, а все её действия были направлены на выход из кризиса. Япония весь период новейшей истории с момента выхода на траекторию вестернизации действовала по сложившимся тогда правилам и была ничуть не хуже других империалистических держав, включая победивших её США и Великобританию. По мнению М. Цудзита, хотя период военного времени характеризовался тем, что в стране сложилась крайняя форма тоталитаризма, ничего экстраординарного в политике Японии не было: она была последовательной в своём стремлении стать равной мировым державам и повысить свой статус в глазах других народов мира [Tsujita, 2009, p. 189].

Во многих научных трудах, документах и выступлениях официальных лиц подчёркивается, что на путь войны Японию подтолкнули экономический кризис, а также рост протекционизма и преференциального подхода Запада к мировой торговле. Японские консерваторы утверждают, что действия Японии во Второй мировой войне были законной и необходимой формой самообороны, навязанной Японии западным колониализмом и нефтяным эмбарго США [Pollman, 2016, p. 311]. Например, С. Абэ, выступая на церемонии по поводу 70-летия окончания войны, заявлял о том, что Япония прибегла к силе, «предприняв попытку выйти из экономического и дипломатического тупика, спровоцированного политикой Запада» [Prime Minister of Japan, 2015].

Более того, часть радикально настроенных консерваторов правой ориентации настаивает, что Япония проводила в Юго-Восточной Азии политику национального освобождения от белых колонизаторов. Сторонники «теории освобождения Азии» склонны рассматривать начатую в 1910 г. колонизацию Кореи не как её порабощение, а как «мирное заключение международного договора». Война против Китая, как и экспансия Японии в страны Юго-Восточной Азии, считались оправданными, поскольку конечной их целью было освобождение от господства белой расы и возвращение Азии азиатам. Япония, по их мнению, косвенно достигла одной из своих главных целей, даже проиграв войну, поскольку в послевоенный период большинство бывших колоний европейских империй достигли политической независимости. Один из консервативных политиков от правящей партии Итагаки Тадаси следующим образом дал свою положительную оценку тому, что Япония сделала в Азии: «Вы неоднократно говорили, что Япония вторглась в Азию, но на самом деле Япония освободила Азию. Разве можно было бы освободить Азию от колониального господства [Запада] без Великой восточноазиатской войны»? [Saito, 2017, p. 84].

Важный для консерваторов вопрос касается зверств, совершённых императорской армией во время войны. Консерваторы оспаривают многие обвинения, выдвинутые против Японии азиатскими странами, заявляя о том, что масштабы «Нанкинской резни» были сильно преувеличены, а реальное число её жертв не превышает нескольких тысяч человек, что «женщины для утешения» были наёмными проститутками, что система «станций для утешения» была обычной практикой в армиях того времени, и что военные преступления, в том числе в отношении мирного населения, совершались армиями других стран (в том

числе американской), а не только японской. Это выразилось, в частности, в публичном выражении японским премьер-министром сомнений по поводу самого существования проблемы «женщин для утешения»: 1 марта 2007 г. С. Абэ, выступая в парламенте, заявил об отсутствии каких-либо доказательств их принуждения.

Консервативную традицию характеризует также критическое отношение к Токийскому трибуналу, который многие называют «правосудием победителей», который так и не обрёл морального авторитета среди японцев и не стал уроком для Японии [Jansen, 2000, p. 673]. Наибольшее неприятие вызывает обозначенная судом оценка действий Японии с момента начала её экспансии в Китай в 1931 г. (т.н. взгляд Токийского трибунала на историю *Токио сайбан сикан*, или Взгляд Дальневосточного трибунала на историю *Кёкуто сайбан сикан*). По мнению консерваторов, этот взгляд отличает предвзятое отношение к действиям Японии в период между 1931 и 1945 г., которые подлежат безоговорочному и бездоказательному осуждению как «акты агрессии», тогда как всё, что делали враги Японии, объявляется высокоморальным и оправданным [Dian, 2017, p.43]. Консерваторы считают, что Токийский процесс не был попыткой расследовать военные преступления, а его главная цель заключалась в демонстрации превосходства над побеждённым соперником.

Сомнения выражаются и в отношении юридической обоснованности вердикта. Например, утверждается, что «преступления против мира» или «преступления против человечества», в котором обвинялись японские военные лидеры, были концептами, специально придуманными победившими державами, чтобы наказать побеждённую нацию, и что применялись эти обвинения задним числом, поскольку такие преступления не были установлены в международном праве. Это мнение разделял и премьер-министр Японии С. Абэ, который в своей книге «В направлении «красивой страны» [Абэ, 2006], опубликованной в 2006 году, отмечал, что действия трибунала нарушают принцип международного права о неприменимости обратного действия закона [Индо хомон..., 2007]. В той же книге Абэ утверждал, что японские военные, которых Токийский военный трибунал признал военными преступниками, не нарушали действовавшие в период войны японские законы, а, следовательно, с точки зрения японской правовой системы, эти лица не были военными преступниками [Кэнсё..., 2006]. Абэ, кроме того, выражал сомнения по поводу определения «агрессивной войны», заявив о том, что научных доказательств такого определения не существует. Выступая 16 февраля 2006 г. в парламенте, японский премьер заявил о том, что дача определения минувшей войны – это дело не правительства, а историков [Кэнсё..., 2006].

Затрагивая тему Токийского трибунала, консерваторы часто приводят тот факт, что против обвинительного вердикта выступили трое из его одиннадцати судей. Большую известность в Японии получило особое мнение индийского судьи Радхабинода Пала, который хотя и не отрицал военных преступлений Японии, не согласился с большинством выводов трибунала. Неудивительно, что консерваторы считают тех японцев, кто придерживается «взгляда Токийского трибунала на историю», «мазохистами» и «манихеями» [Dian, 2017, p.44].

Консерваторы также подчеркивают, что японцы, отдавшие свои жизни, являются отцами и дедами нынешнего поколения, а порицать их – значит осквернять память собственных предков. По их мнению, послевоенный пацифизм Японии означает необходимость «жить в тени собственного поражения», а сейчас уже настало время

избавиться от комплекса неполноценности с достоинством и гордостью и восстановить национальную идентичность. Консервативные позиции в значительной степени основаны на «чистоте духа» и идеализированной «японскости» военного поколения, поэтому вся война не может быть признана агрессивной: это делегитимизировало бы благородство военного поколения и сделало бы их смерть бессмысленной [Dian, 2017, p. 43]. Например, в музее Юсюкан при храме Ясукуни имеется специальный зал «Дух самурая», где через самурайский меч, символ «японскости» и чистоты японского духа, проводится идея «благородства и трансцендентальности войны» [Hong Kal, 2008, p. 15].

Бывший премьер-министр Р. Хасимото, который в начале 1990-х годов занимал должность президента Ассоциации семей погибших в войне, отмечал в своей книге «Как вернуть себе место у власти» (*Сэйкэн даккайрон*): «Как бы чувствовали себя те, кто живет сегодня и дорожит памятью своих умерших родственников, если бы им сказали, что это всё-таки была агрессивная война?» [Haffner, 2009, p. 44].

Консерваторы предлагают строить внешнеполитическую линию на идее преодоления послевоенного «недуга» пацифизма и отмены антимилицаристских ограничений. Их представления о преемственности нынешней Японии с довоенным государством, о благородных мотивах и миссионерской роли Японии в Восточной Азии, о виктимности японской нации и о романтизации жертв военного времени находят своё отражение не только в публичном дискурсе вокруг интерпретации исторического прошлого, но и в концептуальных основах внешней политики страны [Ort, 2001, p. 14–35].

Высказывания политиков консервативной ориентации, общественных деятелей и учёных и подтверждают вывод о том, что основной упор в политике памяти, направленной на консолидацию нации, делается «на событиях и символах прошлого, укрепляющих положительные представления нации о себе» [Малинова, 2016, с. 144].

Проблемы в современных отношениях Японии и стран Восточной Азии

После окончания холодной войны во многих странах Восточной Азии произошло переосмысление роли и места Японии в шкале их внешнеполитических приоритетов. Эти страны стали существенно сильнее экономически, им уже перестали требоваться японские инвестиции и технологии в том объёме, как это было в период 1970–1980-х годов.

Особенно сильно изменился подход к Японии в Китае. По мере усиления экономических и политических позиций КНР в стране наблюдался рост национализма, в котором отчётливо проявлялась антияпонская направленность. Свою роль играло и то обстоятельство, что политика исторической памяти имеет в Китае внутривнутриполитическое измерение. Легитимность власти КПК в стране в числе прочего основывается на успешном формировании на уровне массового сознания представлений о главной роли партии в истории страны XX в., в том числе в контексте сопротивления японской агрессии.

Практически все виды массового исторического образования были скорректированы на предмет соответствия утверждённым свыше национальным нарративам и конкретным пропагандистским задачам. Направленность этих нарративов заметно сместилась за несколько десятилетий: от революционной классовой борьбы к эре «китайской мечты», в которой страна утверждает своё превосходство над соседями и добивается возвращения

Китаю того глобального положения, которое он занимал в своей истории на вершине своего могущества. Перед «официальной историей» была поставлена задача не только показать сознательный выбор народа в пользу коммунистической идеологии, но и продемонстрировать историческую подоплеку этого выбора: унижение Китая со стороны западных стран и Японии, национальное освобождение и, наконец, возрождение нации в период власти КПК.

Нарратив, связанный с особой ролью КПК в борьбе с японским вторжением, предполагает постоянное поддержание на массовом уровне в актуальном состоянии «антияпонской» исторической памяти, которая воспроизводится во всё новых поколениях китайцев. В китайских пропагандистских изданиях подчёркивается решающее значение китайского фронта в войне против Японии. Например, на одном из китайских сайтов приводятся такие цифры: до начала войны на Тихом океане (1941–1943) Япония разместила в Китае от 80 до 94 % своих войск, а после 1941 г. Япония держала там более 50 % своих военнослужащих. Когда Япония капитулировала, в Китае было развёрнуто в общей сложности 1,86 млн японских военнослужащих, что составляло почти 52 % от общего числа военных, отправленных ею за границу. Во время войны в Китае погибло более 1,5 млн японских солдат, в то время как китайских военных и гражданских лиц погибло более 35 млн, что составило почти 8 % от общей численности населения Китая в 1928 г. [Why China..., 2020].

В ходе проводимой государством кампании исторического просвещения масс в государственных музеях проводятся выставки, посвящённые зверствам японцев, а китайской общественности настойчиво напоминают о «столетии унижения» страны со стороны Японии и других империалистических держав. Антияпонские настроения наглядно проявились в китайских социальных сетях: на страницах молодых китайцев нередко можно видеть лозунги типа «уничтожить японских собак» [Zhao Suisheng, 2016, p. 339].

Этим же целям служат и музейные экспозиции, в том числе экспозиции Мемориала жертв Нанкинской резни и музея, увековечившего память жертв печально известного Отряда 731, который вёл подготовку бактериологической войны и осуществлял эксперименты на живых людях. Например, одним из самых посещаемых музеев мира (8 млн посетителей в 2014 г.) является Мемориал жертв Нанкинской резни. Главная идея выставки заключается в огромном значении памяти о прошлом. Она гласит: «забвение истории – это акт предательства» [Gustafsson, 2020].

Хотя в Пекине и сегодня не ставят под сомнение условия нормализации отношений с Японией 1972 г., там считают, что Япония недостаточно покаялась за содеянное, что в стране полным ходом возрождается милитаризм, оправдываются военные преступники и проводится масштабная ревизия итогов Второй мировой войны. Особенно подогревает антияпонские настроения в Китае приход к власти в Японии политиков правого толка, которые своими заявлениями и действиями демонстрируют намерение, отказавшись от пацифистского наследия, «подвести черту под послевоенным прошлым» и стать «нормальной», т.е. не связанной никакими антимилитаристскими ограничениями, страной.

В качестве примеров приводятся некоторые японские учебники по истории для средней школы, где отсутствует однозначное определение политики Японии на материке в качестве агрессивной; визиты японских официальных лиц в храм Ясукуни, где по официальной версии «покоятся души» японских военных преступников; недостаточное покаяние

и неудовлетворительный уровень извинительной лексики в выступлениях японских официальных лиц в связи с годовщинами окончания войны и т.д. Комментарии СМИ напоминают о страданиях китайского народа и об унижениях, которые китайцы терпели от японских империалистов в годы войны.

В 1990-е – 2010-е годы в заявлениях официального Пекина по поводу этих проблем неизменно звучал мотив о неискупленной вине Японии. В первой половине 1990-х годов японское правительство неоднократно выступало с заявлениями с признанием ответственности Японии за милитаристскую политику в отношении стран Восточной Азии, среди которых наиболее известными стали Заявление Коно 1993 г. и Заявление Мураяма 1995 г. Принимая в Токио в 1998 г. председателя КНР Цзян Цзэминя, японская сторона согласилась на включение в совместное заявление положения о своём «глубоком раскаянии» в связи с агрессивной политикой Японии против Китая в период войны. Тем не менее, Цзян Цзэминь отстаивал точку зрения, в соответствии с которой по вопросам исторического прошлого никакого «последнего слова» быть не может [Green, 2001, p. 97]. При этом эффект от проводившейся Токио на протяжении многих лет «дипломатии извинений», равно как и от многомиллиардной японской помощи Китаю, сводится на нет эмоциональной реакцией китайцев на факты отрицания японцами своих военных преступлений [Manning, 2013]. Нельзя не согласиться с выводом проф. Денверского университета Чжао Суйшена о том, что Китай и Япония в сознании многих китайцев так по-настоящему не урегулировали свой конфликт по вопросам исторического прошлого, связанный с наследием войны [Zhao Suisheng, 2016, p. 338]. Отказ Китая признать новую послевоенную идентичность Японии стал фундаментальной проблемой двусторонних отношений [Gustafsson, 2015, p. 129].

В свою очередь, в Республике Корея «исторические обиды» в отношении Японии давно уже стали одной из главных причин периодического ухудшения двусторонних отношений. Разногласия по вопросам исторического прошлого явно вышли за рамки чисто академических споров, выплёскиваясь на политический уровень. 75-я годовщина капитуляции Японии пришлась на тот момент, когда напряжённость в японо-южнокорейских отношениях, уже и так высокая из-за проблемы «женщин для утешения», резко обострилась из-за нерешённой проблемы компенсаций. Корейский суд принял решение об изъятии активов у японской корпорации Nippon Steel с целью их использования для выплаты компенсации корейцам, которые были вынуждены против своей воли работать на заводах компании во время войны. Япония же утверждает, что этот вопрос был решён соглашением об экономическом сотрудничестве 1965 г., который нормализовал дипломатические отношения с Южной Кореей. В результате двусторонние отношения оказались на самой низкой точке за последние два десятилетия.

В Японии юбилейная годовщина окончания войны не вызвала большого общественного резонанса. Поколение помнивших войну японцев практически полностью ушло, а потому в исторической памяти нации данная тема фактически утратила свою актуальность как нечто, связанное с личным опытом ныне живущего поколения, и переместились в категорию «истории». Новые поколения уже не отягощены «комплексом вины». Уловив этот поворот в общественных настроениях, премьер-министр С. Абэ ещё в 2015 г. заявил в ходе памятной церемонии окончания войны, что новые поколения не должны извиняться, подчеркнув, однако, что придерживается основных постулатов Заявления Мураяма [Prime Minister of Japan, 2015]. На 75-ю годовщину окончания войны,

Абэ уже не стал извиняться за агрессивную политику Японии и лишь пообещал никогда не допустить повторения войны [Japan marks..., 2020]. «Глубокое раскаяние» по поводу действий страны в военное время выразил только японский император Нарухито. Он заявил, в частности: «Вместе со всем народом я хотел бы отдать сердечную дань уважения всем тем, кто погиб во время войны... и молиться за мир во всем мире и за дальнейшее развитие нашей страны» [Japan marks..., 2020].

Хотя С. Абэ воздержался в 2020 г. от посещения храма Ясукуни, паломничество в храм совершили четыре члена его кабинета – министр окружающей среды Коидзуми Синдзиро, министр внутренних дел и коммуникаций Такаити Санаэ, министр образования Хагиуда Коити и государственный министр по делам Окинавы и «северных территорий» Это Сэйити. Визит в храм официальных лиц столь высокого уровня состоялся впервые за четыре года. В китайских и южнокорейских СМИ пассивность японского премьера в вопросах осуждения неудобного исторического прошлого и визиты официальных лиц в храм Ясукуни ожидаемо вызвали критическую реакцию в Китае и Республике Корея [Iram Khan, 2020]

Заключение

Вторая мировая война оставила свой глубокий след в отношениях Японии со странами-соседами. Многие десятилетия свою актуальность в этих отношениях не утрачивает целый клубок специфических проблем исторического прошлого, связанных с наследием Второй мировой войны. Китай и страны Корейского полуострова по-прежнему питают чувство глубокого недоверия в отношении Японии, которая так и не смогла убедить их в искренности своих извинений за прошлые грехи [Choi, 2010, p. 76].

Высказывания японских официальных лиц, и прежде всего главы правительства, в которых оправдывалась милитаристская политика Японии в годы войны, посещение членами кабинета храма Ясукуни, издание «патриотических» учебников истории для средней школы и т.д. – все это стало вызывать болезненную реакцию стран-соседей, пострадавших от японской милитаристской политики, и прежде всего со стороны КНР и стран Корейского полуострова. По мнению китайского исследователя Пин Бу, «отрицание некоторыми японскими политиками ответственности за войну и настойчивое отстаивание исторической точки зрения, оправдывающей войну, оказали крайне негативное влияние на положение Японии в международном сообществе» [Ping Bu 2015, p. 122]. Бывший премьер-министр Сингапура Ли Куан Ю отмечал, что «хотя японские премьер-министры неоднократно приносили глубокие извинения, азиатские страны всё ещё с трудом могут устранить своё недоверие в отношении Японии, и причиной этого являются высказывания и действия правых японских политиков» [Ping Bu 2015, p. 122]. Эти страны слышат из Японии одновременно голоса признания и отрицания вины, а потому чувствуют, что послевоенное японское общество не сильно изменилось в направлении коллективного раскаяния, а это усложняет двусторонний диалог на политическом уровне. В результате установление отношений доверия между Японией и странами Восточной Азии представляется в обозримой перспективе маловероятным.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Абэ С. Уцукусий куни-э : [В направлении «красивой страны»]. Токио: Бунсюн синсё, 2006.

Индо хомон-но Абэ сюсё. Пару хандзи идзоку-то-но мэнкай. Надзэ : [Почему премьер Абэ встретился во время визита в Индию с семьёй судьи Пала] // Акахата. 22.08.2007. URL: https://www.jcr.or.jp/akahata/aik07/2007-08-22/2007082202_05_0.html (дата обращения: 25.09.2020).

Коно данва хитэйха-но кэйфу (тю) : [Откуда появились противники Заявления Коно? Ч. 2] // Акахата. 15.10.2014 URL: https://www.jcr.or.jp/akahata/aik14/2014-10-15/2014101502_04_0.html (дата обращения: 25.09.2020).

Кэнсё. Абэ Синдзо гороку. Рэкисикан. Синряку сэнсо-э-но хансэй кайму : [Словесные свидетельства взглядов Абэ Синдзо на историю. Никакого раскаянья за агрессивные войны] // Акахата. 29.08.2006. URL: https://www.jcr.or.jp/akahata/aik4/2006-08-29/2006082902_04_0.html (дата обращения: 25.09.2020).

Малинова О.Ю. Официальный исторический нарратив как элемент политики идентичности в России: от 1990-х к 2010-м годам // Полис. Политические исследования. 2016. № 6. С. 139-158. DOI: 10.17976/jpps/2016.06.10

Сёдзи Дзюнъитиро. Нихон-ни окэру сэнсо косё-ни кансуру мондай-но иккосоцу : [Взгляд на проблему названия в Японии войны] // Кокубо кэнкюдзё киё. 2011. № 13(3). С. 43–80 (на яп.). URL: http://www.nids.mod.go.jp/publication/kiyo/pdf/bulletin_j13-3_3.pdf (дата обращения: 25.09.2020).

An Zhaozhen. The Historical Contribution and Loss of China in the War of Resistance against the Japanese Aggression // Global Media Journal. 2018. Volume 16, Issue 31. URL: <https://www.globalmediajournal.com/open-access/the-historical-contribution-and-loss-of-china-in-the-war-of-resistance-against-the-japanese-aggression.php?aid=87124#1> (дата обращения: 25.09.2020).

China's Xi Jinping marks WWII victory, slams those who 'vilify Communist Party' // South China Morning Post. 3 Sep., 2020. URL: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3100148/chinas-xi-jinping-marks-wwii-victory-slams-those-who-vilify> (дата обращения: 25.09. 2020).

Choi Eun-Mi. Memory Politics and International Relations in East Asia – Focusing on “Past Problem” between South Korea and Japan // International Area Review. 2010. Vol. 13. Number 2. P. 63–79.

Dian M. Contested Memories in Chinese and Japanese Foreign Policy. Amsterdam: Elsevier, 2017.

Dian M. Interpreting Japan's contested memory: Conservative and progressive traditions // International Relations. 2015. Vol. 29(3). P. 363–377.

Fitzgerald J. China's Anti-Fascist War Narrative: Seventy Years On and the War with Japan is Not Over Yet // The ASAN Forum. November 17, 2015. URL: <http://www.theasanforum.org/chinas-anti-fascist-war-narrative-seventy-years-on-and-the-war-with-japan-is-not-over-yet/> (дата обращения: 25.09. 2020).

Green M. Japan's Reluctant Realism: Foreign Policy Challenges in an Era of Uncertain Power. N-Y.: Palgrave Macmillan, 2001.

Gustafsson K. Identity and recognition: remembering and forgetting the post-war in Sino-Japanese relations // *The Pacific Review*. 2015. Vol. 28. Issue 1. P. 117–138. DOI: 10.1080/09512748.2014.970053

Gustafsson K. Understanding the persistence of history-related issues in Sino–Japanese relations: from memory to forgetting // *International Politics*. 30 January, 2020. URL: <https://doi.org/10.1057/s41311-020-00219-7> (дата обращения: 25.09. 2020).

Haffner J., Casas i Klett T., & Lehmann J. Facing History: Getting Past the Nation-state // *Japan's Open Future: An Agenda for Global Citizenship*. London and New York: Anthem Press, 2009. P. 17–54. DOI: 10.7135/UPO9780857288127.003

Hong Kal. Commemoration and the Construction of Nationalism: War Memorial Museums in Korea and Japan // *The Asia-Pacific Journal: Japan Focus*. Sep. 2008. Volume 6. Issue 9. P. 1–25. URL: <https://apjif.org/-Hong-KAL/2880/article.pdf> (дата обращения: 25.09. 2020).

Iram Khan. Surrender anniversary great time for Japan to spurn its past mistakes. *China Global Television Network*. 15 Aug., 2020. URL: <https://news.cgtn.com/news/2020-08-15/Surrender-anniversary-great-time-for-Japan-to-spurn-its-past-mistakes-SYq80T64b6/index.html> (дата обращения: 25.09. 2020).

Jansen M. *The Making of Modern Japan*. Cambridge: Harvard University Press, 2000. DOI: 10.2307/j.ctvjf9vr7

Japan marks 75th surrender anniversary in solemn ceremony thinned by pandemic // *The Japan Times*. 15 August, 2020. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2020/08/15/national/75th-anniversary-wwii-surrender/> (дата обращения: 25.09. 2020).

Japan's Shinzo Abe angers neighbours and US by visiting war dead shrine // *The Guardian*. Dec, 26, 2013. URL: <https://www.theguardian.com/world/2013/dec/26/japan-shinzo-abe-tension-neighbours-shrine> (дата обращения: 25.09. 2020).

Jing Yu. Why Did China Add 6 Years to the Second Sino-Japanese War? // *The Diplomat*. Jan. 20, 2017. URL: <https://thediplomat.com/2017/01/why-did-china-add-6-years-to-the-second-sino-japanese-war/> (дата обращения: 25.09. 2020).

Manning R. China and the US-Japan alliance//*East Asia Forum*. 28 October, 2013. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2013/10/28/china-and-the-us-japan-alliance/> (дата обращения: 25.09. 2020).

Orr J. J. *The victim as hero: ideologies of peace and national identity in postwar Japan*. Honolulu, HI: University of Hawaii Press, 2001.

Ping Bu. Dialogues on historical issues concerning East Asia // *Journal of Modern Chinese History*. 2015. Vol. 9. Issue 1. P. 117–129. DOI: 10.1080/17535654.2015.1030819

Pollmann M. Erika. Japan's Security and Historical Revisionism: Explaining the Variation in Responses to and Impact of Textbook Controversies // *Journal of Asian Security and International Affairs*. 2016. Vol. 3. Issue 3. P. 307–336. DOI: 10.1177/2347797016670704

Prime Minister of Japan. Statement by Prime Minister Shinzo Abe. August 14, 2015. URL: https://japan.kantei.go.jp/97_abe/statement/201508/0814statement.html (дата обращения: 25.09. 2020).

Saito H. *Apologies and Denunciations, 1989–1996* // *The History Problem: The Politics of War Commemoration in East Asia*. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2017. P. 74–101.

Zhao Suisheng. China's difficult relations with Japan: Pragmatism, superficial friendship, and historical memories // *Asian Journal of Comparative Politics*. 2016. Vol. 1. Issue 4. P. 335–353. DOI: 10.1177/2057891116672605

Tsujita, M. A Fragile Balance between 'Normalization' and the Revival of Nationalistic Sentiments//War and Militarism//Modern Japan: Issues of History and Identity (ed. by Guy Podoler). Folkestone, UK: Global Oriental, 2009. P. 187–198. DOI: 10.1163/ej.9781905246854.i-242.90

Why China hasn't forgotten about the war against Japanese aggression // China Global Television Network. 4 Sep., 2020. URL: <https://news.cgtn.com/news/2020-09-03/Xi-delivers-speech-at-symposium-to-mark-WWII-victory-anniversary-Tud3lrn8Y0/index.html> (дата обращения: 25.09. 2020).

REFERENCES

- Abe, S. (2006). *Utsukushii kune-e [Towards a Beautiful Country]*. Tokyo: Bunshun shinsho.
- An Z. (2018). The Historical Contribution and Loss of China in the War of Resistance against the Japanese Aggression, *Global Media Journal*, 16:31. URL: <https://www.globalmediajournal.com/open-access/the-historical-contribution-and-loss-of-china-in-the-war-of-resistance-against-the-japanese-aggression.php?aid=87124#1> (accessed: 25 September 2020).
- China's Xi Jinping marks WWII victory, slams those who 'vilify Communist Party' (2020). *South China Morning Post*, 3 September. URL: <https://www.scmp.com/news/china/diplomacy/article/3100148/chinas-xi-jinping-marks-wwii-victory-slams-those-who-vilify> (accessed: 25 September, 2020).
- Choi Eun-Mi (2010). Memory Politics and International Relations in East Asia - Focusing on "Past Problem" between South Korea and Japan, *International Area Review*, 2010, 13(2): 63–79.
- Dian, M. (2015). Interpreting Japan's contested memory: Conservative and progressive traditions, *International Relations*, 29(3): 363–377. URL: <https://doi.org/10.1177/0047117815600932> (accessed: 5 August 2019).
- Dian, M. (2017). *Contested memories in Chinese and Japanese foreign policy*, Amsterdam: Elsevier.
- Fitzgerald, J. (2015). China's Anti-Fascist War Narrative: Seventy Years On and the War with Japan is Not Over Yet, *The ASAN Forum*, November 17. URL: <http://www.theasanforum.org/chinas-anti-fascist-war-narrative-seventy-years-on-and-the-war-with-japan-is-not-over-yet/> (accessed: 25 September, 2020).
- Green, M. (2001). *Japan's Reluctant Realism: Foreign Policy Challenges in an Era of Uncertain Power*, New York: Palgrave Macmillan.
- Gustafsson, K. (2015) Identity and recognition: remembering and forgetting the post-war in Sino-Japanese relations, *The Pacific Review*, 28(1): 117–138. URL: <https://doi.org/10.1080/09512748.2014.970053> (accessed: 25 September, 2020).
- Gustafsson, K. (2020, January 30). Understanding the persistence of history-related issues in Sino–Japanese relations: from memory to forgetting, *International Politics*, 57: 1047–1062. URL: <https://doi.org/10.1057/s41311-020-00219-7> (accessed: 25 September, 2020).

Haffner, J., Casas i Klett, T., & Lehmann, J. (2009). Facing History: Getting Past the Nation-state, *Japan's Open Future: An Agenda for Global Citizenship*, Anthem Press: 17–54. URL: <https://doi.org/10.7135/UPO9780857288127.003> (accessed: 25 September, 2020).

Hong Kal (2008). Commemoration and the Construction of Nationalism: War Memorial Museums in Korea and Japan, *the Asia-Pacific Journal: Japan Focus*, 6 (9): 1–25. URL: <https://apjif.org/-Hong-KAL/2880/article.pdf> (accessed: 25 September, 2020).

Indo homon-no Abe shusho. Paru hanji izoku-to-no menkai. Naze. [Why Has Premier Abe Met the Family of the Judge Pal during His Visit to India] (2007). *Akahata*, August 22. URL: https://www.jcp.or.jp/akahata/aik07/2007-08-22/2007082202_05_0.html (accessed: 25 September, 2020). (In Japanese).

Iram Khan (2020). Surrender anniversary great time for Japan to spurn its past mistakes, *China Global Television Network*, 15 August. URL: <https://news.cgtn.com/news/2020-08-15/Surrender-anniversary-great-time-for-Japan-to-spurn-its-past-mistakes-SYq80T64b6/index.html> (accessed: 25 September, 2020).

Jansen, M. (2000). *The Making of Modern Japan*, Cambridge: Harvard University Press. URL: <https://doi.org/10.2307/j.ctvjf9vr7> (accessed: 25 September, 2020).

Japan marks 75th surrender anniversary in solemn ceremony thinned by pandemic (2020). *The Japan Times*, 15 August. URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2020/08/15/national/75th-anniversary-wwii-surrender/> (accessed: 25 September, 2020).

Japan's Shinzo Abe angers neighbours and US by visiting war dead shrine (2013). *The Guardian*, 26 December. URL: <https://www.theguardian.com/world/2013/dec/26/japan-shinzo-abe-tension-neighbours-shrine> (accessed: 25 September, 2020).

Jing Yu (2017). Why Did China Add 6 Years to the Second Sino-Japanese War? *The Diplomat*, 20 January. URL: <https://thediplomat.com/2017/01/why-did-china-add-6-years-to-the-second-sino-japanese-war/> (accessed: 25 September, 2020).

Kensho. Abe Shinzo goroku. Rekishikan. Shinryaku senso-he-no hansei kaimu. [The Oral Testimony of Abe Shinzo's History Views. Absence of Contrition for the Aggressive War] (2006). *Akahata*, 29 August. URL: https://www.jcp.or.jp/akahata/aik4/2006-08-29/2006082902_04_0.html (accessed: 25 September, 2020). (In Japanese).

Kono danwa hiteiha-no keifu (chu). [Where Have the Opponents of Kono Statement Originate from? Part 2] (2014). *Akahata*, 15 October. URL: https://www.jcp.or.jp/akahata/aik14/2014-10-15/2014101502_04_0.html (accessed: 25 September, 2020). (In Japanese).

Malinova, O. (2016). Ofitsial'nyy istoricheskiy narrativ kak element politiki identichnosti v Rossii: ot 1990-kh k 2010-m godam [Official Historical Narrative as an Element of Identity Politics in Russia: From the 1990s to the 2010s], *Polis. Political Studies*, 6: 139–158. URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2016.06.10> (In Russian).

Manning, R. (2013). China and the US-Japan alliance, *East Asia Forum*, 28 October. URL: <https://www.eastasiaforum.org/2013/10/28/china-and-the-us-japan-alliance/> (accessed: 25 September, 2020).

Orr, J. J. (2001). *The victim as hero: ideologies of peace and national identity in postwar Japan*. Honolulu, HI: University of Hawaii Press.

Ping Bu (2015). Dialogues on historical issues concerning East Asia, *Journal of Modern Chinese History*, 9:1, 117–129. URL: <https://doi.org/10.1080/17535654.2015.1030819> (accessed: 25 September, 2020).

Pollmann, M. E. (2016). Japan's Security and Historical Revisionism: Explaining the Variation in Responses to and Impact of Textbook Controversies, *Journal of Asian Security and International Affairs*, 3(3): 307–336. URL: <https://doi.org/10.1177/2347797016670704> (accessed: 25 September, 2020).

Prime Minister of Japan (2015). Statement by Prime Minister Shinzo Abe, August 14. URL: https://japan.kantei.go.jp/97_abe/statement/201508/0814statement.html (accessed: 25 September, 2020).

Saito, H. (2017). Apologies and Denunciations, 1989–1996, in *The History Problem: The Politics of War Commemoration in East Asia*, Honolulu: University of Hawai'i Press: 74–101.

Shoji, J. (2011). Nihon-ni okeru senso kosho-ni kansuru mondai-no ikkousatsu [What Should the "Pacific War" be Named? A Study of the Debate in Japan], *Kokubo kenkyujo kiyo*, 13(3): 43–80. URL: http://www.nids.mod.go.jp/publication/kiyo/pdf/bulletin_j13-3_3.pdf (accessed: 25 September, 2020). (In Japanese).

Zhao Suisheng (2016). USA China's difficult relations with Japan: Pragmatism, superficial friendship, and historical memories, *Asian Journal of Comparative Politics*, 1(4): 335–353. URL: <https://doi.org/10.1177/2057891116672605> (accessed: 25 September, 2020).

Tsujita, M. (2009). A fragile balance between 'normalization' and the revival of nationalistic sentiments, *Modern Japan: Issues of History and Identity*, Folkestone: Global Oriental: 187–198. URL: <https://doi.org/10.1163/ej.9781905246854.i-242.90> (accessed: 25 September, 2020).

Why China hasn't forgotten about the war against Japanese aggression (2020). *China Global Television Network*, 4 September, 2020. URL: <https://news.cgtn.com/news/2020-09-03/Xi-delivers-speech-at-symposium-to-mark-WWII-victory-anniversary-Tud3lrn8Y0/index.html> (accessed: 25 September, 2020).

Поступила в редакцию 02.10.2020

Received 2 October 2020

Для цитирования: Стрельцов Д.В. Память о войне как самостоятельный фактор в отношениях Японии со странами-соседями: к 75-летней годовщине капитуляции Японии // Японские исследования. 2020. № 4. С. 78–97. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10029

For citation: Streltsov D.V. (2020). Pamyat' o voyne kak samostoyatel'nyy faktor v otnosheniyakh Yaponii so stranami-sosedyami: k 75-letney godovshchine kapitulyatsii Yaponii [War memory as an independent factor in Japan's relations with neighbors: on the 75th anniversary of Japan's surrender], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2020, 4: 78–97. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10029

Японские исследования. 2020. № 4. С. 98–118.

Japanese Studies in Russia, 2020, 4, pp. 98–118.

DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10030

Японо-корейское урегулирование в политике США, 1953–1965 гг.

В.Т. Юнгблюд, Д.А. Садаков

Аннотация. Статья посвящена процессу нормализации японо-корейских отношений в 1953–1965 гг. США были деятельными его участниками на протяжении всей его истории. Американская сторона содействовала старту переговоров в 1953 г., но длительное время уклонялась от прямого участия в них. Двусторонний формат процесса при равноудалённом дистанцировании от него Вашингтона не привёл к быстрым результатам. Однако, на фоне эскалации войны во Вьетнаме США стали нуждаться в нормализации обстановки в северо-восточной части своего дальневосточного стратегического периметра. В этих условиях одним из рычагов давления на обе стороны стал американо-японский Договор о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности, согласно которому готовность США защищать Японские острова становилась главным элементом оборонной политики Токио. В Сеуле он пробуждал чувство уязвимости, ущемлял самолюбие националистов и стимулировал попытки официальных властей сбалансировать его уравновешивающими жестами со стороны США и уступками Токио. Формально Вашингтон продолжал быть поставщиком «добрых услуг», однако на деле усилил нажим на обе стороны. В итоге правительство Пак Чон Хи пошло на соглашение с Японией на условиях, которые в той обстановке были выгодны Корее, но не могли устроить корейских националистов, продолжавших подозревать США в прояпонском характере внешней политики. Японо-корейский конфликт был несколько ослаблен, но не разрешён, а наибольшую пользу из ситуации извлекли США, которые не только временно стабилизировали отношения между двумя своими важнейшими региональными союзниками, но и сумели частично переложить бремя содержания вооружённых сил Кореи на Японию.

Ключевые слова: Япония, Республика Корея, США, Лианкур, Э. Сато, Пак Чон Хи, Л. Джонсон.

Авторы:

Юнгблюд Валерий Теодорович, доктор исторических наук, профессор, президент Вятского государственного университета (адрес: 610000, г. Киров, ул. Московская, д. 36). ORCID: 0000-0002-2706-3904; E-mail: yungblud@vyatsu.ru

Садаков Денис Андреевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политических наук, Вятский государственный университет (адрес: 610000, г. Киров, ул. Московская, д. 36). ORCID: 0000-0003-4308-7276; E-mail: rstk2005@gmail.com

Благодарности: Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00501).

Japan-Korea settlement in US policy, 1953-1965

V.T. Yungblud, D.A. Sadakov

Abstract. The article is devoted to the process of normalization of Japanese-Korean relations in 1953–1965. The USA were an active participant throughout all of this process. The American side, which contributed to the start of the negotiations in 1953, evaded direct participation in them for a long time. The bilateral format of the process with an equidistant distance from it did not lead to quick results. However, in the face of escalation of the war in Vietnam, the U.S. began to need to normalize the situation in the north-eastern part of its Far Eastern strategic perimeter. Under these circumstances, one of the levers of pressure on both sides were the U.S.-Japan Treaty on Mutual Cooperation and Security guarantees, according to which U.S. readiness to defend the Japanese islands became the main element of Tokyo's defense policy. In Seoul, it awakened a sense of vulnerability, infringed on nationalist self-esteem and stimulated official attempts to balance it with countervailing gestures from the U.S. and concessions from Tokyo. Formally, Washington continued to be a “good offices” provider, but in fact increased pressure on both sides. As a result, Park Chung-hee government agreed with Japan on terms that were advantageous to Korea in that environment, but unable to accommodate Korean nationalists who continued to suspect the U.S. of displaying pro-Japanese foreign policy. The Japan-Korea conflict was somewhat eased, but not resolved, and the U.S. benefited most from the situation. Not only did it temporarily stabilize relations between its two major regional allies, but it also succeeded in shifting the burden of maintaining Korean armed forces to Japan.

Keywords: Japan, Republic of Korea, USA, Liancourt, E. Sato, Park Chung-hee, L. Johnson.

Authors:

Yungblud Valery T., Doctor of Sciences (History), Professor, President of Vyatka State University (address: 36 Moskovskaya St., Kirov, 610000, Russian Federation). ORCID: 0000-0002-2706-3904; E-mail: yungblud@vyatsu.ru .

Sadakov Denis A., PhD (History), Associate Professor of the Department of History and Political Sciences of Vyatka State University (address: 36, Moskovskaya St., Kirov, 610000, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-4308-7276; E-mail: rstk2005@gmail.com

Acknowledgements: The research was funded by a grant from the Russian Science Foundation (project No 19-18-00501).

Разногласия между Японией и Республикой Корея имеют давнюю историю. Они проявились уже в 1948 г., сразу после создания на юге Корейского полуострова независимого государства и приобрели особенную остроту 8 сентября 1951 г., когда на международной конференции в Сан-Франциско 49 государств подписали мирный договор с Японией. Представители Республики Корея не были допущены на эту конференцию. Существовавшие в тот момент спорные вопросы двусторонних японо-южнокорейских отношений разрешены не были. Данная ситуация создавала почву для конфликтов и беспокоила руководство США, испытывавшее тревогу в связи с угрозой создания коммунистического монолита в Северо-Восточной Азии и распространения «красной угрозы» на Японию.

На стадии становления японо-южнокорейских отношений (1948–1953 гг.) американские дипломаты и военные, как правило, играли роль посредников в поддержании

диалога между Токио и Сеулом, однако проблема устранения разногласий между ними для Вашингтона тогда не была приоритетной. Уже на ранних этапах переговоров американцы отказались от заключения трёхстороннего военного блока и взяли курс на развитие «особых отношений» с каждым из союзников¹. Успеху тактики создания американско-центристской системы двусторонних альянсов в тот момент способствовали оборонные интересы Японии и Южной Кореи, которые учитывались Вашингтоном и включались в собственные геополитические планы [Reinventing the Alliance, p. 25, 28].

Отсутствие дипломатических отношений между важнейшими союзниками было чревато возникновением брешы в региональной системе безопасности США. Американская дипломатия прилагала определённые усилия для того, чтобы за столом переговоров добиться компромисса. Однако запущенный осенью 1951 г. процесс двусторонних консультаций к 1953 г. зашёл в тупик. Япония отказывалась принести официальные извинения Корее за колониальное прошлое. Дискуссионная повестка была обширной. Верхние строчки в ней занимали проблемы репараций, статуса проживавших на Японских островах корейцев, разграничения территориальных вод и прав рыболовства, принадлежности островов Лианкур [Tae-Ryong Yoon, p. 66; Кистанов, с. 33–48].

Цель статьи – определить масштабы и результаты влияния Соединённых Штатов Америки на переговоры о нормализации отношений между Японией и Республикой Корея начиная с осени 1953 г. до заключения соглашения в 1965 г. По данной проблеме имеется ряд зарубежных исследований. Реже она становилась объектом внимания отечественных историков [Cha, p. 123–160; Jackson, p. 238–259; Mobius, p. 241–248; Oda, Normalization..., p. 35–56; Tae-Ryong Yoon, p. 59–91; Севастьянов, Кравчук, с. 25–34; Торкунов, Денисов, Ли, гл. 3, §2]. В основу настоящей статьи положены документы государственного департамента США, а также недавно опубликованные в электронном формате документы американских дипломатических и разведывательных ведомств.

Первый раунд японо-корейских переговоров состоялся в октябре 1953 г. Тогда они не только не достигли какого-либо результата, но и закончились скандалом. 21 октября глава японской делегации, К. Кубота высказался в том духе, что японское колониальное правление имело свои выгоды для Кореи. Это заявление вызвало негодование корейцев, в знак протеста отказавшихся продолжать диалог. 1954–1957 гг. были отмечены стагнацией в процессе нормализации японо-корейских отношений. Предусмотренные совершенно секретными документами СНБ США попытки поддержать развитие сотрудничества и сформировать в обеих странах сообщества людей, заинтересованных в нормализации отношений, [Draft operations..., p. 12] не приносили значимого эффекта. Японцы, как правило, утверждали, что с нетерпением ждут налаживания отношений, но корейцы отказываются идти навстречу. Посол США в Японии Дж. Эллисон, неоднократно беседовавший на эту тему в 1954–1956 гг. с министром иностранных дел Японии М. Сигэмицу, отмечал, что тот выглядел искренним и готовым к сотрудничеству [FRUS. 1955–1957. Vol. XXIII. Part 1, p. 130–131]. Сходные заявления делал и премьер-министр Японии И. Хатояма [FRUS. 1955–1957. Vol. XXIII. Part 1, p. 165]. Кроме того, в переговорах с американцами японцы объясняли факт провала переговоров нежеланием корейцев принять американскую трактовку мирного договора

¹ 8 сентября 1951 г. был подписан Договор безопасности между Соединёнными Штатами Америки и Японией. Сотрудничество между США и Южной Кореей в военно-политической сфере было закреплено также двусторонним Договором о взаимной обороне, подписанным 1 октября 1953 г.

с Японией по вопросу о репарациях² и обвиняли американцев в бездействии и потворстве (путём поставок оружия) незаконным действиям Южной Кореи на море [FRUS. 1955–1957. Vol. XXIII. Part 1, p. 169, 501]. Речь шла об искусственных ограничениях, которые Сеул ввёл в отношении японских рыболовецких судов, пересекавших так называемую линию мира (провозглашена 18 января 1952 г.), которую японцы называли «линией Ли Сын Мана» [Young-Joo Cho, p. 55]. Она пролегла примерно в 60 морских милях от побережья полуострова и, среди прочего, относила острова Лианкур к южнокорейской территории [bin Ismail A., p. 84]. Международной поддержки данная акция не получила, а развитие событий вокруг неё вызвало беспокойство в госдепартаменте США [FRUS. 1952–1954. Vol. XIV. Part 2, p. 1257, 1344]. «Линия мира» подкреплялась силовыми действиями на море. Ещё 4 февраля 1953 г. южнокорейская канонерка атаковала японское рыболовецкое судно, один рыбак был убит, а остальные задержаны [Oda, Fifty..., p. 61–62]. В дальнейшем атаки продолжились [FRUS. 1952–1954. Vol. XV. Part 2, p. 1590].

В отношении Токио политика южнокорейского президента была непримиримой – почти на каждой пресс-конференции он упоминал в негативном свете Японию. В 1955 г. в Сеуле прошли массовые антияпонские демонстрации [FRUS. 1955–1957. Vol. XXIII. Part 2, p. 53, 113]. В ЦРУ отмечали, что урегулирование двусторонних отношений невозможно, пока Ли Сын Ман находится у власти. В своих выступлениях тот говорил о якобы существовавших у японцев планах политически и экономически подчинить Корею, а также об их стремлении развивать отношения с коммунистическими странами [Current Intelligence Bulletin - 1955/07/01, p. 5].

Со временем действия Сеула становились всё более практичными. Японцы отмечали, что корейцы позволяют нарушать «линию мира» японским рыбакам на старых судах, однако арестовывают новые корабли в хорошем состоянии. Власти Южной Кореи продолжали удерживать японцев в заключении даже после того, как те отбывали установленные судом сроки [FRUS. 1955–1957. Vol. XXIII. Part 1, p. 165, 483.]. Параллельно Ли неустанно критиковал США за предоставление помощи Японии и заявлял, что позиция Вашингтона в вопросе о морской японо-корейской границе продемонстрировала, что американцы не справляются с ролью нейтральных посредников между Кореей и Японией [FRUS. 1955–1957. Vol. XXIII. Part 2, p. 107–108]. На этом фоне репутация американцев страдала и в глазах японцев, которые считали, что США должны нести ответственность за действия Ли Сын Мана. К концу 1955 г. корейцы удерживали уже около 650 японских рыбаков, снятых с 300 рыболовецких судов [Current Intelligence Bulletin - 1955/12/09, p. 3].

Американцы не снимали с повестки задачу нормализации японо-корейских отношений. Необходимость поддержки этого процесса неизменно прописывалась в разрабатываемых Советом национальной безопасности (СНБ) директивах [См. например: FRUS. 1958–1960. Vol. XVIII, p. 344, p. 702-703; Outline Plan..., p. 6]. Американская тактика заключалась в мягком, но непрерывном давлении на южнокорейские власти с целью сделать их более сговорчивыми и убедить во взаимовыгодном характере потенциального сотрудничества с Японией. В 1955 г. президент Д. Эйзенхауэр писал Ли Сын Ману о критической важности того, чтобы Япония не поддавалась влиянию коммунизма и оставалась в лагере «свободного

² Согласно официальной позиции госдепартамента, Япония по этому договору не несла обязательств в отношении Кореи, поскольку та не входила в состав коалиции государств, воевавших против неё. Взаимные претензии предстояло урегулировать в двустороннем порядке [Мирный договор ..., ст. 4, 21].

мира», поскольку от этого будет зависеть, в том числе, и безопасность Кореи [FRUS. 1955–1957. Vol. XXIII. Part 2, p. 12]. Способствующим сближению фактором стало избрание в 1956 г. на пост вице-президента Республики Корея оппозиционного политика Чан Мёна, который намеревался добиваться нормализации отношений с Японией [FRUS. 1955–1957. Vol. XXIII. Part 2, p. 303].

В итоге весной 1957 г. японо-корейские переговоры были возобновлены, а 31 декабря того же года в них наметился определённый прогресс. Япония отзывала заявление Кубота и отказывалась от своих претензий относительно утраченной собственности на полуострове. В обмен корейцы освобождали задержанных рыбаков, отбывших срок заключения [Korean Reports..., p. 2–3]. Условия этой сделки спровоцировали дебаты в японском парламенте. В частности, правительству пришлось доказывать законность конфискации японской собственности американскими властями в Корее после окончания Второй мировой войны [Oda, Normalization..., p. 45].

Это соглашение не могло служить индикатором реального потепления отношений. Весь декабрь Ли Сын Ман и министр иностранных дел Чхве Док Син в переписке делились опасениями в связи с ростом международного влияния Японии. Ли подозревал госсекретаря США Дж. Даллеса в потворстве японцам и продолжал воспринимать Японию как угрозу, равную по значению коммунизму [Draft Letter...; Letter No. 104].

Японцы, со своей стороны, говоря о безопасности в регионе, продолжали подчёркивать приоритетную важность защиты юга Корейского полуострова от натиска коммунистов. Однако, этого было недостаточно для того, чтобы преодолеть подозрительность Ли Сын Мана [Probable..., p. 4]. Поэтому, хотя в 1958 г. переговоры продолжились, в США с пессимизмом оценивали их перспективы [United States. Embassy (Japan). (1964). Sato visit...]. Весной 1959 г. диалог прервался по причине достижения договорённостей между Японией и КНДР о репатриации 80 000 проживавших в Японии этнических корейцев на Север [Cha, p. 131; United States Central, I. A. (1961)..., p. 7–8]. Характерно, что и в этом случае Вашингтон первоначально занял нейтральную позицию, придерживаясь принципа добровольности репатриации в любую часть Кореи. Однако вскоре американцы попытались оказать давление на Японию и ограничить продолжительность действия соглашения о возвращении корейцев на Север. Впрочем, японцы пожелания Вашингтона проигнорировали, сославшись на сложность внутренней ситуации в стране [FRUS. 1958–1960. Vol. XVIII, p. 276, 393–394].

Важным событием, повлиявшим на отношения в треугольнике Вашингтон – Токио – Сеул, стал подписанный 19 января 1960 г. Договор о сотрудничестве и гарантиях безопасности между США и Японией, существенно обновивший договорённости 1953 г. и укрепивший региональные позиции Токио [Сафронов, с. 373–383].

Захваты японских рыбаков тем временем продолжились. В марте 1960 г. в Южной Корее под стражей находилось 214 японцев. Из них 167 рыбаков отбыли назначенный судом срок, но оставались в заключении. Японское общественное мнение требовало возмездия. Положение затруднялось непомерными требованиями Ли Сын Мана. В СНБ США говорили о том, что при его жизни решить эту проблему не удастся [NSC Briefing...].

26 апреля 1960 г. Ли Сын Ман был свергнут и вскоре покинул страну. Однако ситуация радикально не изменилась. Его сторонники во главе с премьер-министром Хо Чоном продолжали удерживать власть до августа 1960 г. [Син Се Ра, с. 51]. 20 июня во время

встречи с Эйзенхауэром в рамках рабочей поездки американского президента на Дальний Восток Хо выступал в духе риторики Ли Сын Мана. В ответ Эйзенхауэр предложил наладить сотрудничество по принципиальным вопросам, отложив решение самых спорных проблем до лучших времён. Лидеры двух стран согласились, что вне зависимости от обстоятельств, недопустимо превращение Японии не то что в прокоммунистическую, а даже в нейтральную страну [FRUS. 1958–1960. Vol. XVIII, p. 668–672].

Надежды на прогресс в деле урегулирования американцы связывали с избранием Чан Мёна на пост премьер-министра в августе 1960 г. ЦРУ и разведывательные отделы военных и дипломатических ведомств США были уверены, что новое правительство будет исповедовать позитивный подход к международным отношениям, и в первую очередь к взаимодействию с Японией. Антияпонские настроения в Южной Корее по-прежнему сохранялись, однако американцы были убеждены, что стороны смогут договориться по самым неотложным вопросам. Оптимистичные ожидания были и у японских властей. В сентябре 1960 г. министр иностранных дел Японии Д. Косака посетил Корею, что способствовало улучшению двусторонних отношений. Д. Макартур II, посол США в Японии, указывал на высылку Ли Сын Мана как на фактор, благоприятствующий этому процессу [FRUS. 1958–1960. Vol. XVIII, p. 408–409, 698].

Однако следующие полгода оптимистичных прогнозов не оправдали. Посольство в Японии сообщало, что, несмотря на первоначальные ожидания, японо-корейский диалог принёс крайне мало реальных результатов [United States. Embassy (Japan). (1961). Relations..., p. 1]. Посол США в Корее У. Макконахи также отмечал обескураживающе низкие темпы продвижения переговоров, объясняя это тормозящим влиянием устойчиво-антияпонского общественного мнения. Посол полагал, что если прогресса в переговорах не удастся достичь в ближайшее время, США придётся смириться с издержками прямого вмешательства в переговоры и начать играть в них активную роль. Макконахи также допускал возможность привлечения нейтрального посредника вроде Международного суда ООН, однако сомневался в эффективности этого варианта [FRUS. 1961–1963. Vol. XXII, p. 446].

В итоге осязаемые результаты были достигнуты уже после очередной смены власти в Республике Корея. Пак Чон Хи, организовавший переворот в мае 1961 г., практически сразу стал предпринимать осторожные шаги навстречу Японии. Этому способствовала и дипломатическая деятельность США. 5 июня 1961 г. созданная Кеннеди Президентская специальная группа по внешнеэкономической политике проанализировала ситуацию в Корее и обратила внимание на важность участия Японии в экономическом развитии этой страны. Члены группы предлагали обсудить с японским премьер-министром возможности преодоления разногласий и разработки программ финансовой помощи Корее. Эксперты отметили целесообразность закупки Японией корейской продукции, в частности угля. Вновь была сформулирована рекомендация Вашингтону воздержаться от непосредственного участия в процессе урегулирования [Korea: General..., p. 8–9, 27, 30].

В июне 1961 г. состоялось заседание СНБ, на котором рассматривались перспективы развития экономики Кореи. Президент Дж. Кеннеди оценивал ситуацию как безнадёжную, однако, заместитель помощника президента по национальной безопасности У. Ростоу не согласился с этим выводом. Он предложил радикально изменить подходы к планированию; привлечь в правительство «молодых и агрессивных» людей и улучшить отношения Сеула с Токио. Наиболее достижимым, по мнению собравшихся, был именно

последний пункт. В итоге Кеннеди поручил новому послу США в Корее С. Бергеру сконцентрироваться на этой задаче [FRUS. 1961–1963. Vol. XXII, p. 481, 485]. Сам же он включил этот вопрос в повестку своей переписки с руководством Японии.

В 1961 г. у американцев появились новые аргументы в пользу японо-корейского сближения. В частности, всё более реальной становилась угроза появления в КНР ядерного оружия. В связи с этим в Вашингтоне стали обсуждать целесообразность создания единой системы ПВО Японии и Кореи [FRUS. 1961–1963. Vol. XXII, p. 165]. Кроме того, к концу 1950-х годов существенно укрепились позиции Северной Кореи, обладавшей значительным военным потенциалом и в июле 1961 г. «уравновесившей <...> угрозу американо-южнокорейской атаки союзами с Пекином и с Москвой» [Pardo, p. 18]. Другой головной болью для американцев была ситуация в Юго-Восточной Азии. Осенью 1961 г. на встрече с Пак Чон Хи, президент Кеннеди откровенно заявил, что Вьетнам становится всё большим бременем для США, и страны «свободного мира» должны стараться уменьшить его, самостоятельно укрепляя свои позиции в регионе. В контексте обстановки в Северо-Восточной Азии для Кеннеди первоочередное значение приобрела нормализация японо-корейских отношений.

Встреча лидеров США и Японии состоялась 20 июня. Премьер-министр Х. Икэда не скрывал своего разочарования военным переворотом в Корее, но выражал готовность продолжать диалог с любым политическим режимом на юге полуострова, кроме коммунистического [FRUS. 1961–1963. Vol. XXII, p. 489–490]. Незадолго до этого на уровне посольства США в Японии были обсуждены и примерные контуры будущей японской помощи Корее [United States. Embassy (Japan). (1961). Japan...].

К августу 1961 г. американцы начали испытывать сдержанный оптимизм, наблюдая признаки того, что корейцы готовятся к конструктивному разговору с Японией [FRUS. 1961–1963. Vol. XXII, p. 519]. Представители Пака впервые посетили Японию в сентябре 1961 г. [Cha, p. 131]. В ноябре при посредничестве госсекретаря Д. Раска был организован визит Пак Чон Хи на Японские острова [FRUS. 1961–1963. Vol. XXII, p. 528]. Как отмечает Ким Гён А, этому событию не помешала даже критика Пака со стороны корейских националистов (к этому времени у него уже была репутация японофила). В ходе поездки южнокорейский лидер встретился с Икэда и представителями бизнес-сообщества Японии – для реализации первого пятилетнего плана требовались инвестиции [Kim Hyung-A, Ch. 4]. Сообщая американцам о ходе переговоров, директор Национального агентства разведки Республики Корея, правая рука Пак Чон Хи, Ким Джон Пхиль признавал заинтересованность японцев в переговорах и подчёркивал, что Корея нуждается не только в японских деньгах, но и в технической и технологической помощи [United States. Pacific...].

Однако на этот раз переговоры натолкнулись на препятствия с японской стороны. Правительство Икэда испытывало определённые финансовые трудности; японский премьер проявлял нерешительность, предвидя критические выпады в свой адрес со стороны оппонентов в преддверии выборов в парламент; к тому же он опасался, что США возложат на Токио бремя поддержки южнокорейского режима. Корейская сторона, в свою очередь, пригрозила предпринять некие «иные действия», если соглашения не удастся достичь в течение года. Эта ситуация беспокоила Кеннеди. В апреле 1962 г. он поручил госсекретарю принять все необходимые меры для того, чтобы переговоры увенчались успехом [FRUS. 1961–1963. Vol. XXII, p. 555–556].

По мнению Раска, основная проблема заключалась в «непомерно высоких претензиях корейцев и нереалистично низких предложениях японцев». Госсекретарь полагал, что США следует в первую очередь надавить на вторых. Кроме того, достижению компромисса могло способствовать удовлетворение части корейских финансовых претензий путём предоставления японских ссуд. Однако на тот момент возможности Вашингтона влиять на Токио были ограниченными в связи с намеченными на лето выборами. Раск предлагал дождаться их результатов, и лишь затем перейти к решительным мерам. Пока же можно было постараться убедить японцев в том, что им не придётся брать на себя расходы по экономической поддержке Кореи [FRUS. 1961–1963. Vol. XXII, p. 565–566].

17 мая 1962 г. в СНБ США был подготовлен специальный меморандум, посвящённый японо-корейским противоречиям, препятствовавшим торжеству «единства и силы свободного мира в Азии». Авторы документа пришли к выводу, что, несмотря на большое влияние Вашингтона в Японии и огромное значение помощи США для Кореи, необдуманное давление на любую из сторон может затормозить процесс урегулирования. К началу 1960-х годов японцев уже трудно было заставить действовать вопреки собственным национальным интересам. Корейцы, в свою очередь, опасались роста влияния Японии в регионе и не простили бы американцам, если бы те вынудили их в рамках торга о компенсациях принять невыгодные условия. Предлагалось всячески избегать роли посредника и использовать весь свой политический вес для поддержания диалога. Американским послам в обеих странах рекомендовалось «проявлять гибкость» и готовить почву для продолжения переговоров после выборов в Японии». Роль США в процессе урегулирования, таким образом, должна была ограничиться «добрыми услугами». План действий, разосланный в посольства США в начале июля 1962 г., включал конкретные меры, такие как содействие импорту отдельных категорий японских товаров и стимулирование европейских инвестиций в экономику Южной Кореи [FRUS. 1961–1963. Vol. XXII, p. 568–570, 580–581]. Параллельно американцы старались убедить обе стороны в том, что их страхи и подозрения не имеют оснований [Letter from Park..., p. 194].

В октябре 1962 г. корейская делегация совершила новый визит в Японию. Его итоги обсуждались во время встречи Раска с Ким Джон Пхилем. Ким лично вёл торг о размере компенсационных выплат с японским министром иностранных дел М. Охира. Японская сторона предлагала выплатить корейцам 300 млн долл. в течение 12 лет – по 25 млн долл. в год. Корейская делегация желала получить «несколько больше трёхсот миллионов долларов», а также кредиты – всё вместе в размере 600 млн долл. [FRUS. 1961–1963. Vol. XXII, p. 610–612]. Компромисс был достигнут в ноябре 1962 г. Япония предварительно соглашалась на выделение 800 млн долл. в течение 10 лет. Из них 200 млн составляли компенсационные выплаты, 300 млн Южная Корея получала в виде правительственной ссуды под низкий процент, оставшиеся 300 млн покрывались ссудами японских коммерческих организаций [Hearings ..., p. 102]. Попытки урегулировать остальные спорные вопросы до конца 1962 г. к успеху не привели.

В январе 1963 г. подробности договорённостей Кима и Охира были преданы гласности. В Японии Икэда и Охира сумели защитить свою позицию, подчеркнув, что прочие значимые вопросы, включая проблему рыболовства и островов Лианкур, будут решаться позднее [United States. Embassy (Japan). (1963). Ikeda..., p. 1–2]. В Корею же разразился скандал. Ким Джон Пхиль был обвинён в коррупции и отправился в восьмимесячную ссылку. Переговоры

вновь были приостановлены [Investigation..., p. 131]. Посол Бергер в мрачных тонах характеризовал политическую ситуацию на юге Кореи и считал, что шансы на урегулирование в ближайшем будущем упущены. В СНБ в то момент думали иначе. Один из ключевых сотрудников аппарата советника президента США по национальной безопасности Майкл Форрестол полагал, что шансы добиться многомиллионных японских финансовых вливаний в экономику Южной Кореи высоки, поэтому Вашингтон должен использовать все имеющиеся рычаги для того, чтобы получить желаемый результат. Корейская экономика в тот момент переживала спад, который усугублялся огромными военными расходами, в стране были сложности с продовольствием, после неурожая 1962 г. подорожал рис, росла инфляция. Углублялся кризис власти, с которым без немедленной финансовой поддержки руководство Южной Кореи могло не справиться [FRUS. 1961–1963. Vol. XXII, p. 620–621, 644, 650, 655]. Решить возникшую проблему за счёт американских денег на этот раз не представлялось возможным. Администрация Кеннеди с первых дней пребывания у власти была вынуждена ввести режим экономии в отношении расходов на поддержку своих зарубежных союзников и содержание воинских контингентов на их территориях [Kaplan, p. 284–287]. Кроме того, к середине 1963 г. существенно выросла цена американского вмешательства в дела Индокитая, и в Вашингтоне опасались, что отсутствие успехов в войне во Вьетнаме будет иметь тяжёлые последствия для репутации и ослабит геополитические позиции США на всём Дальнем Востоке [Goldstein, p. 110]. В Вашингтоне осознавали, что японо-корейская грань оборонного периметра в АТР становится всё более уязвимой и подходящим ресурсом для её укрепления сочли японские финансы.

На этом фоне произошло резкое сокращение экономической помощи США Кореи. В 1964 г. её объём снизился с 216 до 149 млн долл. Как отмечает Ким Гён А, реализация пятилетнего плана и политическое будущее Пак Чон Хи оказались в зависимости от доброй воли Японии [Kim Hyung-A, Ch. 4]. Характерно, что меры по ограничению общего объёма финансовой поддержки сочетались с поставками критически важных товаров, в том числе риса, к которым привлекались японцы [FRUS. 1961–1963. Vol. XXII, p. 644, 651].

22 ноября 1963 г. был убит президент Кеннеди. На его похоронах присутствовали и победивший на октябрьских выборах Пак Чон Хи, и премьер-министр Икэда. Встречаясь с каждым из них, президент Л. Джонсон выразил надежду на скорую нормализацию японо-корейских отношений. Благоприятный для Пака результат парламентских выборов 26 ноября повысил шансы на успех этого процесса [FRUS. 1961–1963. Vol. XXII, p. 670–671, 806]. В начале декабря 1963 г. госсекретарь Раск лично встретился Икэда и обсуждал перспективы нормализации отношений Японии и Южной Кореи [United States Department of State Bureau of Far Eastern Affairs Office of East Asian Affairs Officer in Charge of Japanese Affairs. (1963). U.S.-japan..., p. 3]. Вследствие этих событий в том же месяце японо-корейские переговоры о заключении договора о дружбе были возобновлены [Cha, p. 131].

В 1964 г. заинтересованность американцев в японо-корейском урегулировании существенно возросла. В значительной степени это было вызвано успехами ядерной программы КНР, поддержкой Пекином коммунистов в Юго-Восточной Азии и его агрессивной пропагандистской кампанией в адрес Китайской республики. В расчёт принимались также дипломатическое признание КНР Францией и укрепление китайско-японских экономических связей. В. Ча обоснованно отмечает, что в этих условиях нормализация отношений между двумя главными союзниками США в регионе стало

неотложным приоритетом [Cha, p. 131–132]. В январе 1964 г. сотрудник аппарата СНБ Р. Комер посоветовал президенту Джонсону усилить нажим на Японию и Корею: «Этот пожар длится уже десять лет. <...> Урегулирование стало бы большим плюсом для нашей внешней политики в 1964 г.» [FRUS. 1964–1968. Vol. XXIX. Part 1, p. 749].

У американцев были и иные причины форсировать урегулирование. В начале года посол США в Японии Э. Райшауэр писал в Вашингтон, что способность нового корейского правительства продвигать нужные решения со временем будет снижаться, а во второй половине года Японию захлестнёт олимпийская лихорадка в связи с подготовкой летних игр в Токио. По мнению посла, главным камнем преткновения на переговорах на этот раз мог стать вопрос о морской границе. Корея по-прежнему пыталась избежать ограничения своих территориальных вод предусмотренными Конвенцией ООН по морскому праву 12 милями. Райшауэр рекомендовал разъяснить корейцам, что попытка затянуть переговоры для получения лучших условий не принесёт результатов и лишь отсрочит предоставление им уже согласованных преференций [FRUS. 1964–1968. Vol. XXIX. Part 1, p. 745–746]. Чтобы ускорить процесс госсекретарь Раск регулярно контактировал то с японцами, то с корейцами, и напоминал о крайней заинтересованности США в достижении результата [FRUS. 1964–1968. Vol. XXIX. Part 1, p. 5–7; 754–756; United States Department, o. S. (1964). Japan-Korea...].

К середине февраля 1964 г. руководство Республики Корея стало выражать готовность к определённым уступкам в вопросах рыболовства и морской границы. В частности, речь шла о признании 12-мильной зоны в обмен на ограничение японского промысла в спорных районах на несколько лет – пока не наберёт силу южнокорейский рыболовный флот. Однако правительство Японии считало не обоснованными предложенные корейцами ограничения. Против достижения соглашения на таких условиях резко выступал министр сельского, лесного и рыболовного хозяйства М. Акаги. Японцы подчёркивали, что их страна не может спонсировать развитие корейской рыбной ловли сверх ранее согласованных программ помощи. Сами корейцы, постоянно повышая требования, усложняли ситуацию [FRUS. 1964–1968. Vol. XXIX. Part 1, p. 754–756].

В марте 1964 г. по Корее прокатилась волна студенческих демонстраций в знак протеста против предстоящего урегулирования. Ким Джон Пхилия обвиняли в получении финансовых выгод от соглашения с Японией. Посольство США в Сеуле сообщало в Вашингтон, что опасения «относительно восстановления господства Японии» действительно носят массовый характер. При таких обстоятельствах едва начавшиеся переговоры вновь зашли в тупик [FRUS. 1964–1968. Vol. XXIX. Part 1, p. 756].

В государственном департаменте США также были недовольны Ким Джон Пхилем и считали, что его репутация вредит делу нормализации. В июне 1964 г. Ким Джон Пхиль был вынужден отправиться в новую ссылку. Это произошло после того, как американцы прямо дали понять Паку, что присутствие Кима в стране до завершения процесса урегулирования отношений с Японией нежелательно [Investigation..., p. 229; Cha, p. 136].

В мае 1964 г. Кормер писал Банди о неотложной необходимости снять с США большую часть бремени по содержанию Кореи и предположил, что очередной срыв переговоров приведёт к тому, что привлечь к решению этой задачи Японию будет невозможно. Переговорам был необходим дополнительный импульс. Наживкой для корейцев должна была стать очередная программа помощи объёмом в 100 млн долл. Посол

США в Сеуле сомневался в эффективности такого подхода и указывал, что новая программа не сможет изменить негативный настрой общества и сделать устойчивым положение правительства [FRUS. 1964–1968. Vol. XXIX. Part 1, p. 759–760].

Сами корейцы тем временем раздумывали об «ограниченной нормализации», которая включила бы обмен дипломатическими миссиями и соглашение о либерализации импорта из Кореи в Японию. Премьер-министр Чон Иль Гвон, полагал, что после этого можно было бы вернуться к переговорам о спорных вопросах. По данным посольства США в Токио японцы были готовы пойти на это, однако либерализация импорта могла быть затруднена противодействием промышленных кругов страны. Идею ограниченной нормализации поддержал и игравший всю большую роль в процессе урегулирования Кормер [FRUS. 1964–1968. Vol. XXIX. Part 1, p. 761–762].

В руководстве Республики Корея, тем не менее, единства не было. В частности, министр иностранных дел Ли Дон Вон ратовал за стратегию полной нормализации. Пак Чон Хи занимал компромиссную позицию и, желая достичь полноценного урегулирования, был готов ограничить амбиции в случае неблагоприятных обстоятельств. В этих условиях новый посол США в Корее У. Браун призвал прислушаться к Паку и придерживаться курса на полную нормализацию японо-корейских отношений. Он предлагал организовать визит в Сеул бывшего японского премьер-министра Ёсида, принять новые программы помощи Корее и содействовать возобновлению прямых двусторонних переговоров. Браун и его коллега в Токио Райшауэр были единодушны в том, что США не стоит брать на себя роль посредника [FRUS. 1964–1968. Vol. XXIX. Part 1, p. 766–767].

Ситуация продолжала оставаться сложной. В сентябре 1964 г. Райшауэр сообщал в Вашингтон, что японцы готовы продолжить переговоры, однако не пойдут на такие серьёзные меры как визит Ёсида или либерализация импорта. Он предлагал ещё раз попытаться «убедить корейцев в том, что нормализация абсолютно необходима самой Корее», но её можно осуществить без совершения политического самоубийства и подчёркивал, что позитивный настрой японцев может скоро измениться на фоне роста национализма в стране. Этому немало способствовали продолжавшиеся захваты корейцами рыболовецких судов из Японии. Корее, по его мнению, необходим был внешний импульс, и им мог стать визит высокопоставленного американского политика в Сеул [FRUS. 1964–1968. Vol. XXIX. Part 1, p. 769–770].

Тем не менее, Вашингтон по-прежнему придерживался выжидательной тактики [United States. Embassy (Japan). (1964). Efforts..., p. 2]. К октябрю 1964 г. это начало приносить определённые плоды. Браун обратил внимание, что южнокорейское правительство стало делать публичные заявления о готовности продолжить переговоры, и подчёркивал, что правительство Кореи уже не считает, что возобновление диалога с японцами само по себе вызовет негативную реакцию в обществе. Однако в Японии хладнокровно воспринимали эти новости, не видя в поведении корейцев ничего принципиально нового. Также в Токио опасались, что слабость корейского правительства может привести к его падению или выдвижению новых требований сразу после завершения урегулирования. Наконец, японцы считали неприемлемым требование извинений за колониальное прошлое Кореи. Ситуация усугубилась в конце октября 1964 г., когда смертельно больной Икэда подал в отставку. Корейцы считали, что новое правительство Японии во главе с Э. Сато слишком слабо для того, чтобы добиться прогресса в урегулировании. В США вновь началось обсуждение

перспектив частичной нормализации отношений [FRUS. 1964–1968. Vol. XXIX. Part 1, p. 774–775, 778, 781].

Однако в практической плоскости американцы лишь усилили давление на договаривающиеся стороны. В том же октябре Банди совершил поездку в Токио и «с беспрецедентным нажимом» призвал министра иностранных дел Японии Э. Сиина разделить, наконец, бремя содержания Кореи с США и оказать тем самым «огромную помощь делу мира в Азии» [Cha, p. 137].

3 декабря 1964 г. переговоры были возобновлены. Президент Джонсон сразу заявил о нормализации японо-корейских отношений как о высшем приоритете. В. Ча отмечает, что именно публичная поддержка со стороны американского президента и госсекретаря придала Паку смелости успешно противостоять внутрикорейской оппозиции [Cha, p. 137–138]. В документах госдепартамента за этот период чётко прослеживается стремление использовать любые возможности для того, чтобы придать переговорам динамичный и необратимый характер. Одной из них, например, стала рабочая поездка премьера Сато в Вашингтон в январе 1965 г. [United States Department of State Bureau of Far Eastern Affairs Office of East, Asian Affairs. (1965). Japan ...] В перспективе планировалась поездка в США Пак Чжон Хи [United States Department of State Bureau of Far Eastern Affairs Office of East, Asian Affairs. (1965). 1). Sato..., p. 2].

Прорыв произошёл 17–20 февраля 1965 г., когда во время официального визита в Сеул министр иностранных дел Японии Э. Сиина публично выразил сожаление «в связи с печальными отношениями, существовавшими между нашими странами в течение определённого периода <...>, в контексте которого Япония сейчас занята серьёзным самоанализом» [Cha, p. 137–138]. В аппарате СНБ отмечали, что Сиина насколько возможно близко подошёл к извинению за «прошлые грехи» Японии [FRUS. 1964–1968. Vol. XXIX. Part 1, p. 784]. В этом успехе главную роль сыграли американцы, в первую очередь посол Райшауэр, подготовивший почву для визита и, при поддержке Банди, настоявший на принесении подобия извинений за колониальное прошлое [Cha, p. 139]. В то же время попытка Сиина добиться решения проблемы островов Лианкур успехом не увенчалась [bin Ismail, p. 85].

В итоге стороны сумели договориться по проекту Базового соглашения, который предусматривал обмен послами, а также признание Японией статуса Кореи и аннулирования всех двусторонних договоров доколониального периода [FRUS. 1964–1968. Vol. XXIX. Part 1, p. 784]. Весной работа продолжилась. Участники переговоров активно демонстрировали заинтересованность в урегулировании, акцентируя главным образом экономический и морской пункты повестки [Tae-Ryong Yoon, p. 68]. В марте 1965 г. министр иностранных дел Республики Корея Тон Вон И в шутку предложил японскому коллеге взять на следующую встречу пистолет и пристрелить его, если переговоры завершатся безрезультатно, ибо подобная потеря лица будет для него невыносима. Госсекретарь США, узнав об этой истории, выразил опасения, что подобные методы могут стать опасным прецедентом в среде министров иностранных дел. В начале апреля контуры соглашения были определены и зафиксированы в совместном коммюнике [FRUS. 1964–1968. Vol. XXIX. Part 1, p. 786, 788–789].

В начале мая наметилась задержка переговоров о рыболовстве. Камнем преткновения вновь стал вопрос о принадлежности островов Лианкур. Сато неоднократно заявлял перед

японским парламентом о том, что соглашение по спорным островам будет частью итогового документа о нормализации отношений, а корейцы твёрдо выступали против любых упоминаний этих территорий. 17 мая 1965 г. в ходе визита Пака в Вашингтон между ним и Джонсоном состоялся обмен мнениями на эту тему. На идею президента США построить на островах совместный японо-корейский маяк, дабы разделить власть над территорией, кореец сухо заметил: «Это просто не сработает» [FRUS. 1964–1968. Vol. XXIX. Part 1, p. 791, 792, 793–794].

К этому времени американцы опасались уже не столько срыва переговоров, сколько их затягивания – на горизонте были выборы в Японии, Вторая Афро-Азиатская конференция, очередные американо-японские межправительственные переговоры. Кроме того, промедление дорого обошлось американскому бюджету. Браун и Райшауэр находились в постоянном контакте с корейскими и японскими властями и старались максимально ускорить переговорный процесс. Историческое событие состоялось 22 июня, когда Базовый договор об отношениях между Японией и Кореей был подписан министрами обеих стран. Параллельно было заключено пять дополнительных соглашений об урегулировании взаимных претензий, экономическом и культурном сотрудничестве. Среди них был и договор о рыболовстве, отменявший действие «линии мира» [Sakamoto, p. 258–300]. В то же время, сторонами так и не был согласован правовой статус островов Лианкур, и эти скалы остались под фактическим контролем Республики Корея [Oda, p. 55–56].

Пока в Конгрессе США звучали поздравления в адрес правительств обеих стран [Congressional Record, p. 14761], по Корее прокатилась волна студенческих демонстраций. До 20 августа практически все высшие учебные заведения страны были закрыты. Оппозиционеры также вывели людей на улицы, полиция применяла слезоточивый газ. Против демонстрантов использовались армейские подразделения. Но, как отмечали в госдепартаменте, студентам и оппозиции так и не удалось заручиться полной поддержкой общественного мнения. В Японии оппозиционные выступления подогревались социалистической партией. Однако критика была в основном направлена не против содержания договора, а в адрес избранной правительством тактики продавливания ратификации соглашения [FRUS. 1964–1968. Vol. XXIX. Part 1, p. 793; 795]. 15 августа 1965 г. соглашение было ратифицировано парламентом Республики Корея. Японские парламентарии предприняли аналогичный шаг 11 декабря. 18 декабря 1965 г. договор о нормализации японо-корейских отношений вступил в силу [Treaties..., p. 45].

В первую годовщину подписания этого документа американское посольство в Токио отмечало, что между двумя странами существенно расширились и углубились частные и неофициальные контакты, укрепилось взаимопонимание. Проблемы, возникшие в связи с процессом имплементации договора, в основном, были решены. При этом, между странами сохранялся огромный разрыв по уровню развития, резко в сторону Японии был смещён торговый баланс. Меры по смягчению этих различий имели ограниченный эффект, но власти обеих стран продолжали вести совместную работу по изменению ситуации. Разведывательный отдел государственного департамента охарактеризовал отношения Японии и Кореи как «относительно дружественные» [FRUS. 1964–1968. Vol. XXIX. Part 1, p. 801–802].

Японо-корейские договорённости, подписанные в июне 1965 г. стали важным, но не завершающим этапом длительного процесса двустороннего урегулирования [Кистанов,

с. 41–42, 45]. США были деятельными участниками этого процесса на протяжении всей его истории. Преодоление многолетнего японо-корейского конфликта в 1950-х – начале 1960-х годов в американской внешнеполитической повестке постепенно заняло одно из первых мест. Американская сторона, содействовавшая старту переговоров в 1953 г., от прямого участия в них длительное время уклонялась.

Двусторонний формат процесса при равноудалённом дистанцировании от него Вашингтона не привёл к быстрым результатам. Стремление корейцев получить максимальную компенсацию за колониальное прошлое быстро натолкнулось на отсутствие у этих претензий достаточной юридической базы, а также на японское нежелание нести необоснованные материальные потери и извиняться. В итоге переговоры быстро зашли в тупик и были возобновлены лишь во второй половине 1950-х годов. При этом цели США оставались прежними. Но сейчас на фоне эскалации войны во Вьетнаме они остро нуждались в нормализации обстановки в северо-восточной части своего дальневосточного стратегического периметра. Геополитические соображения дополнялись финансовыми трудностями, побуждавшими проявлять настойчивость в достижении японо-корейского компромисса.

При таких обстоятельствах одним из рычагов давления на обе стороны стал американо-японский Договор о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности, согласно которому готовность США защищать Японские острова становилась главным элементом оборонной политики Токио [The US-Japan security alliance..., p. 33]. В Сеуле он пробуждал чувство уязвимости, ущемлял самолюбие националистов и стимулировал попытки официальных властей сбалансировать его уравновешивающими жестами со стороны США и уступками Токио. Вашингтон же с момента подписания договора получил возможность регулярно напоминать Токио о том, что устранение разногласий с Южной Кореей не является чрезмерной платой за право быть главным союзником США в АТР.

Формально Вашингтон продолжал быть поставщиком «добрых услуг», однако на деле усилил нажим на обе стороны. В итоге правительство Пак Чон Хи пошло на соглашение с Японией на условиях, которые в той обстановке были выгодны Корее, но не могли устроить корейских националистов, продолжавших подозревать США в прояпонском характере внешней политики [Mobius, p. 245–248]. Японо-корейский конфликт был несколько ослаблен, но не разрешён, а наибольшую пользу из ситуации извлекли США, которые не только временно стабилизировали отношения между двумя своими важнейшими региональными союзниками, но и сумели частично переложить бремя содержания вооружённых сил Кореи на Японию.

Направляя процесс переговоров, США последовательно проводили курс на чёткое разграничение ролей своих главных союзников на Дальнем Востоке. Япония окончательно утвердилась в качестве центра оборонного периметра и главного стратегического партнёра США, Южной Корее была уготована роль континентального плацдарма и передового оборонительного рубежа против коммунизма.

По выражению В. Ча, роль США в японо-корейском урегулировании была «тонкой, но незаменимой», поскольку именно Вашингтон дал «координирующий толчок», позволивший быстро достичь нормализации отношений после тринадцати лет жёстких, но безуспешных переговоров [Cha, p. 143]. Анализ документов позволяет внести коррективы в этот вывод: Вашингтон учитывал остроту японо-корейского антагонизма и состояние двусторонних

отношений на всём протяжении переговорной дистанции, но «незаменимой» координирующей силой он стал только в тот момент, когда синхронизировались его собственные геополитические, финансовые и репутационные мотивы, определявшиеся логикой холодной войны на Дальнем Востоке.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Кистанов В.О. Отношения между Японией и Южной Кореей: проблемы, тенденции, перспективы // Японские исследования. 2019, № 3. С. 33–48. DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10019.

Мирный договор с Японией, подписанный в Сан-Франциско 8 сентября 1951 года. Ст. 4, 21. URL: https://rgavmf.ru/sites/default/files/lib/sf_dogovor_1951_text.pdf (дата обращения: 06.10.2020).

Сафронов В.П. СССР-США-Япония в годы «холодной войны». 1945–1960 гг. М., 2003.

Севастьянов С.В., Кравчук А.А. Территориальный спор между Японией и Республикой Корея: аргументы сторон и перспективы разрешения // Известия Восточного института. 2017. № 4. С. 25–34. DOI: 10.24866/2542-1611/2017-4/25-34.

Син Се Ра. Апрельская революция 1960 г. в Южной Корее и проблема объединения страны // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2013. № 4. С. 50–61.

Торкунов А.В., Денисов В.И., Ли В.Ф. Корейский полуостров. Метаморфозы послевоенной истории. М., 2008.

bin Ismail A. The Dokdo/Takeshima dispute: responses and approaches // International Journal of East Asian Studies. 2017. Vol. VI. № 1. P. 82–99.

Cha V. Bridging the Gap: The Strategic Context of the 1965 Korea—Japan Normalization Treaty // Korean Studies. 1996. Vol. 20. P. 123–160. DOI:10.1353/ks.1996.0009

Congressional Record: Proceedings and Debates of the 89th Congress. First session. Vol. 111. Part 11. Wash., 1965.

Current Intelligence Bulletin - 1955/07/01 | CIA FOIA (foia.cia.gov). URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/03448312> (дата обращения: 06.10.2020).

Current Intelligence Bulletin - 1955/08/19. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/03448352> (дата обращения: 06.10.2020).

Current Intelligence Bulletin - 1955/12/09. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/03020458> (дата обращения: 06.10.2020).

Draft Letter from Choi Duk Shin to the President (Syngman Rhee), December, 1957 // History and Public Policy Program Digital Archive, B-334-002, The Korean Legation in Vietnam, Reports from the Korean Mission to the United Nations and Republic of Korea Embassies and Legations, Syngman Rhee Institute, Yonsei University. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/121036> (дата обращения: 06.10.2020).

Draft Operations Plan, NSC 5514 (Korea), May 20, 1955 [NSC Staff Papers, OCB Central Files, Box 49, OCB 091 Korea (File #1) (2)]. URL: <https://www.eisenhowerlibrary.gov/sites/default/files/research/online-documents/declassified/fy-2011/1955-05-20.pdf> (дата обращения: 06.10.2020).

Foreign Relations of the United States (Далее – FRUS). 1952–1954. Vol. XIV. Part 2. Wash., 1985.

FRUS. 1952–1954. Vol. XV. Part 2. Wash., 1984.

FRUS. 1955–1957. Vol. XXIII. Part 1. Wash., 1991.

FRUS. 1955–1957. Vol. XXIII. Part 2. Wash., 1993.

FRUS. 1958–1960. Vol. XVIII. Wash., 1994.

FRUS. 1961–1963. Vol. XXII. Wash., 1996.

FRUS. 1964–1968. Vol. XXIX. Part 1. Wash., 2000.

Goldstein G.M. Lessons in disaster: McGeorge Bundy and the path to war in Vietnam. N.Y., A Holt Paperback, 2008.

Hearings before the subcommittee on State Department organization and Foreign Operations of the Committee on Foreign Affairs. House of Representatives. ninetieth congress. Second session. HR 14701. March 14 and 19, 1968. Wash, 1968.

Investigation of Korean-American Relations. Report of the Subcommittee on International Relations. US House of Representatives. October 31, 1978. Wash., 1978.

Jackson V. Getting Past the Past: Korea's Transcendence of the Anti-Japan Policy Frontier // Asian Security. 2011. Vol. 7. № 3. P. 238–259. doi:10.1080/14799855.2011.615083.

Kaplan L. History of the Office of the Secretary of Defense. Vol 5. The McNamara Ascendancy 1961–1965. Washington, Office of the Secretary of Defense, 2006.

Kim Hyung-A. Korea's development under Park Chung Hee. Rapid industrialization, 1961–79. L., 2004.

Korea: General, 5 June 1961, Task Force Report. URL: <https://www.jfklibrary.org/asset-viewer/archives/JFKNSF/127/JFKNSF-127-011> (дата обращения: 06.10.2020).

Korean Reports. Vol. V. Reports from the Cabinet Ministries of the Republic of Korea for 1957. Wash., 1957.

Letter from Park Chung Hee to John F. Kennedy. URL: <https://www.jfklibrary.org/asset-viewer/archives/JFKPOF/121/JFKPOF-121-004> (дата обращения: 06.10.2020).

Letter No. 104 from the President (Syngman Rhee) to Minister Duk Shin Choi, December 26, 1957 // History and Public Policy Program Digital Archive, B-334-001, The Korean Legation in Vietnam, Reports from the Korean Mission to the United Nations and Republic of Korea Embassies and Legations, Syngman Rhee Institute, Yonsei University. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/121035> (дата обращения: 06.10.2020).

Mobius M. The Japan-Korea Normalization Process and Korean Anti-Americanism // Asian Survey. 1966. Vol. 6. № 4. P. 241–248.

NSC Briefing 9 March 1960 Japan-South Korea. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp79r00890a001200030006-5> (дата обращения: 06.10.2020).

Oda S. Fifty Years of the law of the Sea. Hague; L.; N.Y., 2003.

Oda S. The Normalization of Relations between Japan and the Republic of Korea // The American Journal of International Law. 1967. Vol. 61. №. 1. P. 35–56. DOI: 10.2307/2196830.

Outline Plan of Operations with Respect to Japan, February 8, 1956 [NSC Staff Papers, OCB Central Files, Box 48, OCB 091 Japan (File #4) (6)]. URL: <https://www.eisenhowerlibrary.gov/sites/default/files/research/online-documents/declassified/fy-2011/1956-02-08.pdf> (дата обращения: 06.10.2020).

Pardo R.P. North Korea-US relations from Kim Jong Il to Kim Jong Un. Routledge, L. & N.Y., 2020. P. 18.

Probable Developments In Japan's International Orientation. URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp79r01012a011900010001-0> (дата обращения: 06.10.2020).

Reinventing the Alliance: US-Japan security partnership in an era of change / ed. by G.J. Ikenberry and T. Inoguchi. N.Y., Palgrave Macmillan, 2003.

Sakamoto S. International Symposium in Korea on the Takeshima Dispute. URL: <https://www.spf.org/islandstudies/readings/b00001.html#anc1> (дата обращения: 06.10.2020).

Tae-Ryong Yoon. Learning to Cooperate not to Cooperate: Bargaining for the 1965 Korea-Japan Normalization // Asian Perspective. 2008. Vol. 32. № 2. P. 59–91.

The US-Japan security alliance: regional multilateralism / ed. by T. Inoguchi, G.J. Ikenberry and Y. Sato. N.Y., Palgrave Macmillan. 2011. P. 33.

Treaties and international agreements registered or filed and recorded with the Secretariat of The United Nations. Vol. 583. N.Y., 1966.

United States Central, I. A. (1961). [North Korean agreement to resume repatriation of Koreans in japan]. URL: <https://search-proquest-com.ezproxy.usr.shpl.ru/dnsa/docview/1679114957/DB00BE2D990044F3PQ/12> (дата обращения: 06.10.2020).

United States Department of State Bureau of Far Eastern Affairs Office of East Asian Affairs Officer in Charge of Japanese Affairs. (1963). U.S.-japan relations; japan-ROK settlement prospects. URL: <https://search-proquest-com.ezproxy.usr.shpl.ru/docview/1679116604> (дата обращения: 06.10.2020).

United States Department of State Bureau of Far Eastern Affairs Office of East, Asian Affairs. (1965). Japan-Korea relations [visit of prime minister Sato, January 11–14, 1965]. URL: <https://search-proquest-com.ezproxy.usr.shpl.ru/docview/1679105117> (дата обращения: 06.10.2020).

United States Department of State Bureau of Far Eastern Affairs Office of East, Asian Affairs. (1965). 1). Sato visit and Korea-Japan relations, and 2) Pak visit to the U.S. URL: <https://search-proquest-com.ezproxy.usr.shpl.ru/docview/1679105644> (дата обращения: 06.10.2020).

United States Department, o. S. (1964). Japan-Korea relations; secretary's press conference/ communist china; joint economic committee [parts I and II of three parts; part III not included]. URL: <https://search-proquest-com.ezproxy.usr.shpl.ru/docview/1679116063> (дата обращения: 06.10.2020).

United States. Embassy (Japan). (1961). [Japan-korea relations]. URL: <https://search-proquest-com.ezproxy.usr.shpl.ru/docview/1679143226> (дата обращения: 06.10.2020).

United States. Embassy (Japan). (1961). [Relations between japan and south korea; includes corrected page]. URL: <https://search-proquest-com.ezproxy.usr.shpl.ru/docview/1679143592?accountid=108701> (дата обращения: 06.10.2020).

United States. Embassy (Japan). (1963). Ikeda outlines themes and policies of administration for coming months. URL: <https://search-proquest-com.ezproxy.usr.shpl.ru/docview/1679144175> (дата обращения: 06.10.2020).

United States. Embassy (Japan). (1964). [Efforts to normalize Japan-South Korea relations]. URL: <https://search-proquest-com.ezproxy.usr.shpl.ru/docview/1679116829?accountid=108701> (дата обращения: 06.10.2020).

United States. Embassy (Japan). (1964). Sato visit [japan-south korea relations]. URL: <https://search-proquest-com.ezproxy.usr.shpl.ru/docview/1679116277> (дата обращения: 06.10.2020).

United States. Pacific Command. Eighth U.S. Army. (1961). [Report on conversation with south korean official regarding normalization of japan-korea relations]. URL: <https://search-proquest-com.ezproxy.usr.shpl.ru/docview/1679152970> (дата обращения: 06.10.2020).

Young-Joo Cho. The Naval Policy of the Republic of Korea: from the beginnings to the twenty-first century. PhD dissertation. Hull, 2003.

REFERENCES

bin Ismail, A. (2017). The Dokdo/Takeshima dispute: responses and approaches, *International Journal of East Asian Studies*, 6(1): 82–99.

Cha V. (1996) Bridging the Gap: The Strategic Context of the 1965 Korea—Japan Normalization Treaty, *Korean Studies*, Vol. 20: 123–160. DOI:10.1353/ks.1996.0009.

Congressional Record: Proceedings and Debates of the 89th Congress. First session. (1965) Vol. 111. Part 11. Washington: GPO.

Current Intelligence Bulletin - 1955/07/01. (1955). URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/03448312> (accessed: 6 October 2020).

Current Intelligence Bulletin - 1955/08/19. (1955). URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/03448352> (accessed: 6 October 2020).

Current Intelligence Bulletin - 1955/12/09. (1955). URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/03020458> (accessed: 6 October 2020).

Draft Letter from Choi Duk Shin to the President (Syngman Rhee), December, 1957. (1957). History and Public Policy Program Digital Archive, B-334-002, The Korean Legation in Vietnam, Reports from the Korean Mission to the United Nations and Republic of Korea Embassies and Legations, Syngman Rhee Institute, Yonsei University. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/121036> (accessed: 6 October 2020).

Draft Operations Plan, NSC 5514 (Korea), May 20, 1955. (1955). NSC Staff Papers, OCB Central Files, Box 49, OCB 091 Korea (File #1) (2). URL: <https://www.eisenhowerlibrary.gov/sites/default/files/research/online-documents/declassified/fy-2011/1955-05-20.pdf> (accessed: 6 October 2020).

Foreign Relations of the United States (FRUS). 1952–1954. (1985). Vol. XIV. Part 2. Washington: GPO.

FRUS. 1952–1954. (1984). Vol. XV. Part 2. Washington: GPO.

FRUS. 1955–1957. (1991). Vol. XXIII. Part 1. Washington: GPO.

FRUS. 1955–1957. (1993). Vol. XXIII. Part 2. Washington: GPO.

FRUS. 1958–1960. (1994). Vol. XVIII. Washington: GPO.

FRUS. 1961–1963. (1996). Vol. XXII. Washington: GPO.

FRUS. 1964–1968. (2000). Vol. XXIX. Part 1. Washington: GPO.

Goldstein, G.M. (2008). Lessons in disaster: McGeorge Bundy and the path to war in Vietnam. New York: A Holt Paperback.

Hearings before the subcommittee on State Department organization and Foreign Operations of the Committee on Foreign Affairs. House of Representatives. ninetieth congress. Second session. HR 14701. March 14 and 19, 1968. (1968). Washington: GPO.

Ikenberry, G. J. and Inoguchi, T. (eds.) (2003). *Reinventing the Alliance: US-Japan security partnership in an era of change*, New York: Palgrave Macmillan.

Ikenberry, G. J. and Inoguchi, T. (eds.) (2011). *The US-Japan security alliance: regional multilateralism*, New York: Palgrave Macmillan.

Investigation of Korean-American Relations. Report of the Subcommittee on International Relations. US House of Representatives. October 31, 1978. (1978). Washington: GPO.

Jackson, V. (2011). Getting Past the Past: Korea's Transcendence of the Anti-Japan Policy Frontier, *Asian Security*. 7(3): 238–259. DOI:10.1080/14799855.2011.615083.

Kaplan, L. (2006). *History of the Office of the Secretary of Defense, Vol 5: The McNamara Ascendancy 1961-1965*, Washington: Office of the Secretary of Defense.

Kim Hyung-A (2004). *Korea's development under Park Chung Hee. Rapid industrialization, 1961–79*, London: Routledge.

Kistanov, V.O. (2019) Otnosheniya mezhdru Yaponiyey i Yuzhnoy Koreyey: problemy, tendentsii, perspektivy [Relations between Japan and South Korea: problems, trends, perspectives], *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 3: 33–48. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2019-10019.

Korea: General, 5 June 1961, Task Force Report. (1961). URL: <https://www.jfklibrary.org/asset-viewer/archives/JFKNSF/127/JFKNSF-127-011> (accessed: 6 October 2020).

Korean Reports. (1957). Vol. V. Reports from the Cabinet Ministries of the Republic of Korea for 1957, Washington: GPO.

Letter from Park Chung Hee to John F. Kennedy (1962). URL: <https://www.jfklibrary.org/asset-viewer/archives/JFKPOF/121/JFKPOF-121-004> (accessed: 6 October 2020).

Letter No. 104 from the President (Syngman Rhee) to Minister Duk Shin Choi, December 26, 1957 (1957). History and Public Policy Program Digital Archive, B-334-001, The Korean Legation in Vietnam, Reports from the Korean Mission to the United Nations and Republic of Korea Embassies and Legations, Syngman Rhee Institute, Yonsei University. URL: <https://digitalarchive.wilsoncenter.org/document/121035> (accessed: 6 October 2020).

Mirnyy dogovor s Yaponiyey, podpisanny v San-Frantsisko 8 sentyabrya 1951 goda. St. 4, 21 [Treaty of San Francisco, Sep. 8, 1951. Art. 4, 21]. URL: https://rgavmf.ru/sites/default/files/lib/sf_dogovor_1951_text.pdf (accessed: 6 October 2020). (In Russian).

Mobius, M. (1966). The Japan-Korea Normalization Process and Korean Anti-Americanism, *Asian Survey*, 6(4): 241–248.

NSC Briefing 9 March 1960 Japan-South Korea (1960). URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp79r00890a001200030006-5> (accessed: 6 October 2020).

Oda, S. (1967). The Normalization of Relations between Japan and the Republic of Korea, *The American Journal of International Law*, 61(1): 35–56. DOI: 10.2307/2196830.

Oda, S. (2003). *Fifty Years of the law of the Sea*, Hague; London: Kluwer Law International.

Outline Plan of Operations with Respect to Japan, February 8, 1956 (1956). NSC Staff Papers, OCB Central Files, Box 48, OCB 091 Japan (File #4) (6). URL:

<https://www.eisenhowerlibrary.gov/sites/default/files/research/online-documents/declassified/fy-2011/1956-02-08.pdf> (accessed: 6 October 2020).

Pardo, R.P. (2020) *North Korea-US relations from Kim Jong Il to Kim Jong Un*, London, New York: Routledge.

Probable Developments In Japan's International Orientation. (1959). URL: <https://www.cia.gov/library/readingroom/document/cia-rdp79r01012a011900010001-0> (accessed: 6 October 2020).

Safronov, V. P. (2003) *SSSR-SSHA-Yaponiya v gody «kholodnoy voyny». 1945–1960 gg.* [USSR-USA-Japan during the Cold War. 1945–1960], Moscow: IRI RAN. (In Russian).

Sakamoto, S. (2013). *International Symposium in Korea on the Takeshima Dispute*. URL: <https://www.spf.org/islandstudies/readings/b00001.html#anc1> (accessed: 6 October 2020).

Sevast'yanov, S.V., Kravchuk A.A. (2017) *Territorial'nyy spor mezhdru Yaponiyey i Respublikoy Koreya: argumenty storon i perspektivy razresheniya* [Territorial dispute between Japan and Republic of Korea: arguments of the parties and prospects of settlement], *Izvestiya Vostochnogo instituta*, 4: 25–34. (In Russian). DOI: 10.24866/2542-1611/2017-4/25-34

Sin Se Ra (2013). *Aprel'skaya revolyutsiya 1960 g. v Yuzhnoy Koreye i problema ob'yedineniya strany* [April 1960 Revolution in South Korea and the problem of unification of the country], *Vostok. Afro-aziatskiye obshchestva: istoriya i sovremennost'*, 4: 50–61. (In Russian).

Tae-Ryong Yoon (2008). *Learning to Cooperate not to Cooperate: Bargaining for the 1965 Korea-Japan Normalization*, *Asian Perspective*, 32(2): 59–91.

Torkunov, A.V., Denisov, V.I., Li, V.F. (2008). *Koreyskiy poluostrov. Metamorfozy poslevoyennoy istorii* [Korean Peninsula. Metamorphoses of Post-War History], Moscow: OLMA media. (In Russian).

Treaties and international agreements registered or filed and recorded with the Secretariat of The United Nations. (1966). Vol. 583, New York: UN.

United States Central Intelligence Agency. (1961). *North Korean agreement to resume repatriation of Koreans in Japan*. URL: <https://search-proquest-com.ezproxy.usr.shpl.ru/dnsa/docview/1679114957/DB00BE2D990044F3PQ/12> (accessed: 6 October 2020).

United States Department of State Bureau of Far Eastern Affairs Office of East Asian Affairs Officer in Charge of Japanese Affairs. (1963). *U.S.-Japan relations; Japan-ROK settlement prospects*. URL: <https://search-proquest-com.ezproxy.usr.shpl.ru/docview/1679116604> (accessed: 6 October 2020).

United States Department of State Bureau of Far Eastern Affairs Office of East Asian Affairs. (1965). *Japan-Korea relations. Visit of Prime Minister Sato, January 11-14, 1965*. URL: <https://search-proquest-com.ezproxy.usr.shpl.ru/docview/1679105117> (accessed: 6 October 2020).

United States Department of State Bureau of Far Eastern Affairs Office of East, Asian Affairs. (1965). 1) *Sato visit and Korea-Japan relations*, and 2) *Pak visit to the U.S.* URL: <https://search-proquest-com.ezproxy.usr.shpl.ru/docview/1679105644> (accessed: 6 October 2020).

United States Department of State. (1964). *Japan-Korea relations; secretary's press conference/communist China; joint economic committee [parts I and II of three parts; part III not included]*. URL: <https://search-proquest-com.ezproxy.usr.shpl.ru/docview/1679116063> (accessed: 6 October 2020).

United States Embassy (Japan). (1961). Japan-Korea relations. URL: <https://search-proquest-com.ezproxy.usr.shpl.ru/docview/1679143226> (accessed: 6 October 2020).

United States Embassy (Japan). (1961). Relations between Japan and South Korea; includes corrected page. URL: <https://search-proquest-com.ezproxy.usr.shpl.ru/docview/1679143592?accountid=108701> (accessed: 6 October 2020).

United States Embassy (Japan). (1963). Ikeda outlines themes and policies of administration for coming months. URL: <https://search-proquest-com.ezproxy.usr.shpl.ru/docview/1679144175> (accessed: 6 October 2020).

United States Embassy (Japan). (1964). Efforts to normalize Japan-South Korea relations. URL: <https://search-proquest-com.ezproxy.usr.shpl.ru/docview/1679116829?accountid=108701> (accessed: 6 October 2020).

United States Embassy (Japan). (1964). Sato visit [Japan-South Korea relations]. URL: <https://search-proquest-com.ezproxy.usr.shpl.ru/docview/1679116277> (accessed: 6 October 2020).

United States Pacific Command. Eighth U.S. Army. (1961). Report on conversation with South Korean official regarding normalization of Japan-Korea relations. URL: <https://search-proquest-com.ezproxy.usr.shpl.ru/docview/1679152970> (accessed: 6 October 2020).

Young-Joo Cho (2003). The Naval Policy of the Republic of Korea: from the beginnings to the twenty-first century. PhD dissertation. Hull.

Поступила в редакцию 06.10.2020

Received 6 October 2020

Для цитирования: Юнгблюд В.Т., Садаков Д.А. Японо-корейское урегулирование в политике США, 1953–1965 гг. // Японские исследования. 2020. № 4. С. 98–118. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10030

For citation: Yungblud V.T., Sadakov D.A. (2020). Yaponno-koreyskoye uregulirovaniye v politike SShA, 1953–1965 gg. [Japan-Korea settlement in US policy, 1953-1965], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2020, 4: 98–118. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10030

Японские исследования. 2020. № 4. С. 119–136.

Japanese Studies in Russia, 2020, 4, pp. 119–136.

DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10031

Новая неопределённость в российско-японских отношениях

В.В. Нелидов

Аннотация. В 2020 г. двусторонний трек российско-японских отношений вступил в период новой неопределённости. Этому способствовал ряд факторов как внутреннего по отношению к обеим странам, так и внешнего характера. Во-первых, окончательно стала ясна бесперспективность стратегии правительства С. Абэ, нацеленной на то, чтобы, опираясь на экономическое сотрудничество и личные контакты между лидерами, склонить российскую сторону к территориальным уступкам. Этому, в свою очередь, способствовали как скромность результатов проектов экономического сотрудничества, оказавшихся не в состоянии привести к качественной трансформации структуры российско-японских экономических связей, так и недооценка японской стороной значимости спорных территорий для российского общественного мнения. Во-вторых, после отставки правительства С. Абэ к власти в Японии приходит правительство Ё. Суга, которое, по всей видимости, намерено более жёстко артикулировать территориальные претензии Японии. В-третьих, пандемия COVID-19 нанесла удар по экономическим связям двух стран и вынудила их лидеров сосредоточиться на внутренних проблемах. Ожидать прорывных шагов в российско-японских связях в этих условиях не представляется возможным. В-четвёртых, противоречия между США и Китаем, которые, насколько можно судить, не будут решены даже в случае прихода к власти в США демократов, означают, что Россия и Япония, пусть и невольно, но оказываются «по разные стороны баррикад» в этом разворачивающемся глобальном противостоянии. Поэтому, хотя Москва и Токио не имеют серьёзных оснований, чтобы считать друг друга потенциальными противниками, нарастание международной напряжённости ведёт к тому, что предпринимаемые одной стороной шаги в сфере укрепления собственной военной мощи будут всё с большим подозрением восприниматься другой стороной. Наиболее рациональной стратегией в этих условиях и для Москвы, и для Токио будет попытаться, во-первых, сохранить те достижения, которые уже есть, а во-вторых, стараться проявлять сдержанность и понимание в отношении шагов своего партнёра в сфере национальной безопасности.

Ключевые слова: российско-японские отношения, внешняя политика, дипломатия, Абэ Синдзо, Суга Ёсихидэ, Северо-Восточная Азия.

Автор: Нелидов Владимир Владимирович, кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры востоковедения, МГИМО МИД России (адрес: 119454, Москва, проспект Вернадского, д. 76), научный сотрудник Центра японских исследований, Институт востоковедения РАН (адрес: 107031, Москва, ул. Рождественка, д. 12). ORCID: 0000-0003-0173-0438; E-mail: vladimir.nelidov@gmail.com

Благодарности: Исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00142).

New uncertainty in Russo-Japanese relations

V.V. Nelidov

Abstract. In 2020, the bilateral track of Russo-Japanese relations entered a period of new uncertainty. This was caused by several factors, both internal and external relative to the two nations. First, the futility of the policy of the Abe government aimed at using economic cooperation and personal contacts between leaders to induce territorial concessions on the part of Russia became obvious. This, in turn, was caused by the meagerness of results of economic cooperation, which was unable to produce a qualitative shift in the structure of Russo-Japanese economic ties, as well as the Japanese side's underestimation of the degree to which the disputed territories were important for Russian public opinion. Second, after the resignation of the Abe government, the Suga administration took its place, and, seemingly, it is intent on emphasizing Japan's territorial claims in a more direct fashion. Third, the COVID-19 pandemic dealt a blow to the economic ties of the two nations and forced their leaders to focus on domestic problems. Fourth, the contradictions between the US and China, which will probably not be resolved even after a Democratic administration takes over, mean that Russia and Japan unwillingly find themselves on the opposite sides of the barricades in this developing global confrontation. Therefore, even if Moscow and Tokyo have no substantial reasons to consider each other potential enemies, the growing international tension means that steps to strengthen its military power taken by one side will be met with increasing suspicion by the other. What would be the most rational strategy under these conditions for both Moscow and Tokyo is to attempt to, first, preserve the achievements that have already been made, and second, to show restraint and understanding towards the national security policies of the opposite party.

Keywords: Russo-Japanese relations, foreign policy, diplomacy, Abe Shinzō, Suga Yoshihide, North East Asia.

Author: *Nelidov Vladimir V.*, PhD (History), Senior Lecturer, Department of Asian and African Studies, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) (address: 76, Prospekt Vernadskogo, Moscow, 119454, Russian Federation), Research Fellow, Center for Japanese Studies, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (address: 12, Rozhdestvenka Street, Moscow, 107031, Russian Federation). ORCID: 0000-0003-0173-0438; E-mail: vladimir.nelidov@gmail.com

Acknowledgements: This research was supported by the Russian Science Foundation (grant number 19-18-00142).

Введение

Идея «поворота на Восток», игравшая значительную роль в российском внешнеполитическом дискурсе 2010-х годов и ставшая в особенности актуальной после событий 2014 г., связанных с воссоединением с Крымом, конфликтом на востоке Украины и последовавшими за этим санкционными мерами стран Запада, изначально была нацелена на диверсификацию связей России со странами Азии, установление тесных связей с целым рядом ключевых держав региона. Это, с одной стороны, могло бы уравновесить те потери, которые Россия понесла из-за ухудшения отношений с США и европейскими странами, а с другой, служило бы важной внутренней цели – развитию Дальнего Востока, что, по словам В.В. Путина, является для России приоритетом XXI века [Статья Владимира Путина..., 2017].

Логично, что одним из важнейших направлений реализации этой стратегической цели могло бы стать развитие связей с Японией – одной из наиболее развитых стран мира

и ключевым игроком Азиатско-Тихоокеанского региона. В самом деле, начиная с середины 2010-х годов, отношения Москвы и Токио были на подъёме, о чём свидетельствовали и многочисленные встречи на высшем уровне, и широко освещавшиеся инициативы экономического сотрудничества. Однако уже к 2019 г. стало понятно, что это количественное развитие российско-японских связей не приводит к их качественной трансформации. Проблемы отсутствия мирного договора и территориального размежевания между странами – Япония по-прежнему претендует на принадлежащие России острова Южной Курильской гряды: Кунашир, Итуруп, Шикотан и гряду Хабомаи – остаются непреодолимым камнем преткновения [Нелидов, 2019].

В 2020 г. тенденция затухания динамики двусторонних связей продолжилась. В настоящей статье будут проанализированы приведшие к этому факторы, как связанные, собственно, с ситуацией в Японии и России (их можно условно назвать «внутренними» по отношению к рассматриваемой ситуации), так и вызванные внешними по отношению к двум странам условиями. Исходя из этих факторов, в заключении будет дана оценка перспективам развития двусторонних отношений в ближайшей перспективе.

Актуальность настоящего исследования заключается в том, что, несмотря на разносторонний анализ актуальных вопросов российско-японских отношений в работах как отечественных (Д.В. Стрельцов [Стрельцов, 2016; Стрельцов, 2017], А.Н. Панов [Панов, 2019], В.О. Кистанов [Кистанов, 2015; Кистанов, 2017], О.И. Казаков [Казаков, 2016; Казаков, 2019], В.В. Нелидов [Нелидов, 2019]), так и зарубежных (А. Ивасита [Iwashita, 2019], Д. Браун [Brown, 2016], Т. Абиру [Abiru, 2019]) авторов, целый ряд событий, произошедших в 2020 г. (прежде всего, смена правительства в Японии, а также глобальная пандемия COVID-19) требуют переосмысления и актуализации прогнозов развития связей двух стран с учётом новых условий.

Внутренние факторы

В конце 2020 г. отношения России и Японии по-прежнему в значительной степени определяются инерцией сближения, наметившегося с приходом к власти правительства Абэ Синдзо в 2012 г. О приоритетности российского направления С. Абэ заявлял ещё в начале своего второго премьерского срока (первое его пребывание на посту премьера продлилось всего год, с сентября 2006 по сентябрь 2007 г.). Так, выступая с программной речью в парламенте 28 февраля 2013 г., он заявлял: «Отношения с Россией <...> являются одним из самых перспективных двусторонних направлений для Японии. Я намерен использовать запланированный на этот год визит (состоялся в апреле 2013 г. – *В.Н.*), чтобы придать новый импульс развитию японо-российских отношений» [Дай хяку хати дзю: сан кай коккай ..., 2013].

События в Крыму и на востоке Украины, а также последовавшее за этим введение странами Запада санкций против России (к которым Япония хотя и присоединилась, но в крайне ограниченном масштабе [Панов А.Н., Стрельцов Д.В., Киреева А.А., Нелидов В.В., 2019, с. 5]), привели к паузе в развитии контактов между двумя странами, и сближение возобновилось лишь спустя некоторое время. В мае 2016 г. С. Абэ посетил Россию с неофициальным визитом и встретился с В. Путиным, что, с российской точки зрения, стало важной вехой в деле преодоления дипломатической изоляции, в которой оказалась Россия

после событий 2014 г. В ходе встречи С. Абэ выступил с инициативой «Плана экономического развития из восьми пунктов», включающего в себя сотрудничество в области развития здравоохранения, городской среды, обменов между предприятиями малого и среднего бизнеса, энергетики, диверсификации промышленной структуры России и развития промышленности на Дальнем Востоке, инновационного развития и гуманитарных обменов. В качестве концептуальной схемы развития экономических отношений двух стран «План из восьми пунктов» используется японской стороной до сих пор [План сотрудничества из 8 пунктов...], поэтому само содержание этого плана, а также его значимость в контексте отношений двух стран заслуживают того, чтобы остановиться на них отдельно.

Во-первых, обращает на себя внимание общий и даже эклектичный характер этой программы действий, охватывающей едва ли не весь спектр перспективного экономического сотрудничества между странами (в особенности это касается таких общих пунктов, как «сотрудничество в области передовых технологий с объединением знаний Японии и России» или «существенное увеличение обменов и сотрудничества между японскими и российскими предприятиями малого и среднего бизнеса»). В результате практически любой успешный проект двустороннего экономического сотрудничества может быть охарактеризован как достижение на пути реализации «Плана из восьми пунктов». В некотором смысле этот приём – сформулировать яркий политический «бренд» с намеренно расплывчатым содержанием, которое позволило бы гибко адаптировать политику в соответствии потребностями момента, при этом сохраняя сам «бренд» – был типичным для администрации С. Абэ. Такой же стратегии она придерживалась, к примеру, в реализации стратегии «Абэномики», конкретное содержание которой существенно менялось с течением времени¹.

Во-вторых, нельзя не заметить, что некоторые пункты, особенно такие, как «сотрудничество, способствующее увеличению продолжительности здоровой жизни российских граждан за счёт повышения уровня медицинского обслуживания» или «поощрение диверсификации промышленной структуры России и повышение производительности» выглядят не столько как предложения, нацеленные на «всестороннее углубление взаимовыгодного торгово-экономического сотрудничества между Россией и Японией как равноправными партнёрами» (как это было сформулировано в Совместном заявлении лидеров двух стран, обнародованном после их встречи в апреле 2013 г. [Совместное заявление Президента Российской Федерации...]), сколько как обещания помощи со стороны Японии.

Как ни парадоксально, но этот момент в конечном счёте вполне мог сыграть негативную роль в деле развития двусторонних отношений. То, что Япония фактически пообещала России экономическую помощь – пусть даже японская сторона и не акцентирует внимание на этом – означает, что в обмен на это Токио ожидает от Москвы определённых уступок. Иными словами, обещания экономического сотрудничества со стороны Японии в качестве конечной цели имели намерение «купить» готовность России на уступки по «территориальному вопросу». Когда же стало очевидно, что подобная стратегия не работает (так, в феврале 2019 г. посол России в Японии М. Галузин в очередной раз подчеркнул, что «вопросы суверенитета над островами и вопросы их передачи на переговорах не обсуждаются и обсуждаться не могут» [Посол РФ в Японии..., 2019]), это вызвало

¹ Более подробно см. [Shvydko, 2020; Рензин, Суслов, 2020].

разочарование и раздражение японской общественности российской политикой администрации С. Абэ [Walker, Azuma, 2020].

Вопреки ожиданиям Токио, по мере развития российско-японских связей на высшем уровне позиция российской стороны не смягчалась, а скорее даже ужесточалась. Особенно следует обратить внимание на наметившуюся к концу 2010-х годов тенденцию привлечения дополнительных аргументов исторического и идеологического характера для обоснования невозможности каких бы то ни было территориальных уступок Японии. Именно этим, как представляется, мотивировано решение акцентировать в официальном дискурсе победу СССР над милитаристской Японией путём переноса Дня окончания Второй мировой войны на 3 сентября (соответствующий закон был подписан президентом В. Путиным 24 апреля 2020 г.) [День окончания Второй мировой войны..., 2020]. Вкупе с подчёркиванием российской стороной того, что Курильские острова вошли в состав нашей страны по итогам Второй мировой войны и что Япония должна признать эти итоги [Лавров: суверенитет России..., 2019], это, как представляется, служит достаточно очевидным инструментом делегитимизации японских претензий.

Другое средство, к которому прибегла российская сторона для укрепления своих позиций в территориальном споре с Японией – включение во вступившие в силу в июле 2020 г. поправки к Конституции России пункта 2.1 статьи 67, запретившего «действия, направленные на отчуждение части территории Российской Федерации, а также призывы к таким действиям». И хотя это положение сопровождается оговоркой, упоминающей случаи «делимитации, демаркации, редемаркации государственной границы Российской Федерации с сопредельными государствами», достаточно вероятным представляется допущение, что предназначение этих поправок заключается, в том числе, и в том, чтобы воздвигнуть дополнительный барьер на пути передачи российских Южных Курил или даже их части Японии – во всяком случае, именно эта интерпретация оказалась наиболее распространенной в японской печати².

Причиной того, почему российское руководство считает невозможным даже компромиссные варианты, которые предусматривали бы передачу части Южных Курил Японии³, является крайне негативное отношение к такому сценарию общественного мнения России. Проведенный ВЦИОМ в начале 2019 г. опрос показал, что 77 % россиян выступают против передачи островов Японии. Комментируя результаты исследования, генеральный директор ВЦИОМ Валерий Федоров подчеркнул: «Вопрос принадлежности южных Курил уже несколько десятилетий находится в фокусе внимания большинства россиян. Любой намек на возможность отдать острова Японии вызывает, как правило, возмущённую реакцию общества» [Опрос показал..., 2019].

² См., напр. [Росиа кайкэн..., 2020; Сясэцу. Росиа..., 2020].

³ Одним из таких вариантов могло бы стать, например, буквальное следование статье 9 Совместной советско-японской декларации 1956 года, гласящей: «Союз Советских Социалистических Республик, идя навстречу пожеланиям Японии и учитывая интересы японского государства, соглашается на передачу Японии островов Хабомаи и острова Сикотан (Шикотан. – В.Н.) с тем, однако, что фактическая передача этих островов Японии будет произведена после заключения мирного договора между Союзом Советских Социалистических Республик и Японией». Следует, однако, подчеркнуть, что японская сторона продолжает настаивать на заключении мирного договора после решения «территориального вопроса», что противоречит указанному положению Совместной декларации.

Как бы то ни было, неудача российско-японского сближения середины-конца 2010-х годов обусловлена не только ошибочным расчётом администрация С. Абэ, что предлагаемых проектов экономического сотрудничества, а также интенсивных личных встреч между лидерами (число этих встреч за время пребывания С. Абэ у власти приблизилось к трём десяткам) будет достаточно, чтобы добиться хоть каких-то уступок со стороны России по вопросу территориального размежевания. Проблема заключается и в том, что сами по себе инициативы экономического сотрудничества не принесли ожидаемых плодов.

Товарооборот России и Японии в 2019 г. был равен 20,3 млрд долл. США (что составило лишь 95,5 % объёма товарооборота 2018 г.). По этому параметру Японию опередил не только Китай (первое место среди всех стран дальнего зарубежья со 110,9 млрд долл. США, 102,5 % к 2018 г.), что неудивительно, учитывая динамику стратегического партнёрства Москвы и Пекина, но и такие уступающие Японии по многим экономическим параметрам страны, как Республика Корея (24,4 млрд долл. США, 98,1 % к 2018 г.) или даже Турция (26,0 млрд долл. США, 101,9 % к 2018 г.) [Внешняя торговля РФ..., 2020]. Более того, даже по «совместной хозяйственной деятельности» на Южнокурильских островах, которая должны была стать своего рода «витриной» достижений российско-японского экономического сотрудничества, ещё в конце 2019 г. работа находилась, в лучшем случае, на уровне «пилотных мероприятий» [А острова и ныне там, 2019].

Причины отсутствия существенного прогресса в российско-японских экономических связях – даже до экономического кризиса, вызванного пандемией COVID-19 – имеют объективный характер. Общая структура российской экономики ограничивает тот набор экспортных товаров, которые Россия может предложить японским потребителям (75,77 % экспорта России в Японию в 2019 г. составили минеральные продукты, 7,8 % - драгоценные металлы и камни, 4,43 % – древесина и целлюлозно-бумажные изделия). При этом продукция сельскохозяйственной отрасли, которая часто называется одной из наиболее перспективных сфер совместной деятельности [Киреева, 2017, с. 76], составила лишь 2,9 % объёма экспорта России в Японию, причем по сравнению с 2018 г. этот показатель снизился – тогда он составлял 3,09 %. И, наконец, доля машин, оборудования и транспортных средств в российском экспорте в Японию составила лишь 0,38 %, упав по сравнению с 2018 г., когда она была равна 1,15 %, более чем в три раза [Торговля между Россией и Японией в 2019 г.].

Приход к власти правительства Суга Ёсихидэ вряд ли приведёт к появлению качественно новых инициатив и проектов в российско-японских отношениях. С одной стороны, как подчёркивает японский политолог Абиру Тайсукэ [Abiru, 2020], во внешней политике нового кабинета следует ожидать значительной преемственности по отношению к правительству С. Абэ. Так, на своих местах после смены премьер-министра остались две ключевые фигуры – министр иностранных дел Мотэги Тосимицу и глава Национального секретариата безопасности Китамура Сигэру.

С другой стороны, в отличие от С. Абэ, для которого задача качественной трансформации связей с Россией была, в некотором смысле, личной амбицией (достаточно упомянуть такой его символический жест, как данное на могиле отца обещание добиться заключения мирного договора), для Ё. Суга связи с Москвой – лишь одно из направлений внешней политики. Показателен в этом смысле контекст, в котором новый премьер упомянул Россию в своей программной речи 26 октября 2020 г.: «Необходимо поставить точку в территориальном вопросе, не передавая его следующему поколению. В отношениях

с Россией я буду стремиться к развитию всего комплекса японо-российских отношений, включая заключение мирного договора, посредством откровенного обмена мнениями между лидерами» [Дай ни хяку сан кай коккай, 2020].

Акцент новой администрации именно на решении проблемы отсутствия мирного договора и удовлетворении территориальных претензий японской стороны подчёркивался и в сделанном месяцем ранее заявлении генерального секретаря кабинета министров Като Кацунобу. Комментируя состоявшийся 29 сентября 2020 г. телефонный разговор между В. Путиным и Ё. Суга, он отметил: «Курс, нацеленный на то, чтобы решить территориальную проблему, не передавая её следующим поколениям, и заключить мирный договор, остаётся без изменений. Неизменной остаётся позиция японской стороны, заключающаяся в том, что северные территории являются островами, на которые распространяется суверенитет нашей страны, и что предметом переговоров о мирном договоре является решение вопроса о принадлежности четырёх островов» [Нитиро канкэй, 2020].

С самого начала новый премьер-министр и представители его команды дали понять, что приоритетом для Японии в отношениях с Россией будет именно решение «территориального вопроса» – то есть получение от России конкретных обещаний по поводу передачи Японии территорий Южных Курил, которые Япония считает своими. В этом правительство Ё. Суга отличается от своего предшественника, который хотя и не отказывался от территориальных претензий к России (учитывая отношение японского общества к проблеме т.н. северных территорий, подобный отказ невозможен ни для одного японского политика), но следовал более долгосрочной стратегии – сначала добиться всестороннего развития связей и укрепления отношений с Россией, а уже потом, опираясь на этот фундамент, добиваться решения территориальной проблемы на приемлемых для Японии условиях. При этом, как утверждали некоторые эксперты, С. Абэ готов был даже ограничиться двумя из четырёх спорных островов, которые Советский Союз пообещал Японии в Совместной декларации 1956 года [Япония делит чаяния надвое, 2018].

Внешние факторы

Событием, оказавшим колоссальное влияние на все мировые процессы в 2020 г., была, конечно же, пандемия COVID-19. Рассмотрение деталей реагирования России и Японии на этот беспрецедентный вызов выходит за рамки настоящего исследования⁴. Но на момент написания данной статьи (декабрь 2020 г.) уже понятно, что глобальный экономический спад, вызванный введёнными обеими странами ограничениями, нанёс тяжёлый урон экономическим связям двух стран. За 9 месяцев 2020 г. товарооборот между Россией и Японией упал на 22,59 % по сравнению с аналогичным периодом 2019 г. [Внешняя торговля России с Японией за 9 месяцев 2020 г.], но даже с учётом экстраординарных условий динамика торговли между странами уступает и торговым связям России с Китаем (за 9 месяцев 2020 г. российско-китайский товарооборот сократился лишь на 5,16 % по сравнению с аналогичным периодом 2019 г.) [Внешняя торговля России с Китаем за 9 месяцев 2020 г.], и динамике российской внешней торговли в целом (за указанный период

⁴ О том, как на распространение COVID-19 реагировала Япония, см. в: [Казаков, 2020; Белов, Тихоцкая, 2020; Жилина, 2020].

её общий объём сократился лишь на 17,1 %) [Внешняя торговля России за 9 месяцев 2020 г.]. Более того, ограничения на поездки, а также сосредоточенность правительств каждой из стран на наиболее насущных проблемах, связанных с борьбой с пандемией и минимизацией ущерба экономике, означают, что и каких-либо значимых инициатив в дипломатической сфере в ближайшее время также ждать не приходится.

Негативные факторы внешнего по отношению к двум странам характера не ограничиваются пандемией новой коронавирусной инфекции. В средне- и долгосрочной перспективе гораздо более существенное влияние может оказать общая трансформация мировой системы, вызванная нарастанием противоречий между США с одной стороны и КНР – с другой. Это особенно важно, если вспомнить, что Япония является ключевым союзником США в Азиатско-Тихоокеанском регионе, а Россия поддерживает с Китаем отношения всеобъемлющего партнёрства и стратегического взаимодействия, существенным компонентом которых является сотрудничество в военной сфере [Совместное заявление Российской Федерации...]. В результате, по мере того как отношения между США и Китаем становятся всё более напряжёнными (тенденция к чему, по всей видимости, не будет переломлена и после прихода к власти в США демократов), Россия и Япония всё в большей степени втягиваются в общую логику противостояния, из-за чего действия одной стороны, не представляющие по сути своей реальной угрозы для другой, начинают, тем не менее, истолковываться в конфронтационном ключе.

Наглядный пример тому – реакция России на укрепление системы противоракетной обороны Японии. Так, в декабре 2018 г., комментируя планы размещения на территории Японии комплексов ПРО Aegis Ashore, директор Департамента по вопросам нераспространения и контроля над вооружениями МИД России Владимир Ермаков подчёркивал: «Японские объяснения нас не могут удовлетворить, потому что на самом деле речь идёт не об укреплении обороноспособности Японии, а об упорно продолжающемся одностороннем и абсолютно бесконтрольном наращивании американского глобального противоракетного потенциала» [В МИД прокомментировали..., 2018].

В июне 2020 г. японские власти приняли решение приостановить развертывание этих комплексов, мотивируя это соображениями стоимости и безопасности [Hornung, 2020]. Имело ли это решение подоплёку, связанную с нежеланием провоцировать резкую реакцию стран-соседей Японии, сказать сложно, но ясно, что военный потенциал Японии, в том числе и в сфере противоракетной обороны, будет укрепляться в будущем. Укрепление системы ПРО выделено в качестве одного из приоритетов в действующей Среднесрочной программе развития оборонного потенциала Японии на период с 2019 по 2023 ф.г. [Medium Term Defense Program...], а угроза ракетного удара со стороны КНДР в публикациях японского Министерства обороны называется «серьёзной и непосредственной угрозой безопасности Японии» [Defense of Japan 2020, p. 19]. Таким образом, можно с уверенностью говорить, что, несмотря на решение об отмене размещения Aegis Ashore, японские Силы самообороны будут развивать систему противоракетной обороны и далее, но каждый значимый шаг в этом направлении по-прежнему будет вызывать негативную реакцию Москвы.

В других случаях уже действия России в военной сфере влекут за собой критику со стороны Японии. В июле 2019 г. Министерство обороны Республики Корея заявило, что, согласно его данным, бомбардировщики ВВС России и Китая вторглись в южнокорейскую опознавательную зону ПВО вблизи островов Лианкур (корейское название – Токто,

японское – Такэсима), находящихся под контролем Республики Корея, но оспариваемых Японией. В ответ на это самолеты южнокорейских ВВС сделали несколько сотен предупредительных выстрелов. Япония, в свою очередь, выразила протест и Сеулу, и Москве, обвинив последнюю в нарушении воздушного пространства над акваторией, которую Токио считает своей [Tokyo Protests, 2019].

Наконец, ещё один, более недавний инцидент оказался практически зеркальным отражением ситуации вокруг японской ПРО. После появления в конце 2020 г. информации о размещении на Курильских островах зенитно-ракетных комплексов С-300, 1 декабря 2020 г. посольство Японии выразило протест МИД России, подчеркнув, что подобные действия несовместимы с позицией Японии по этим островам [Токио заявил протест Москве..., 2020].

Несложно заметить, что каждый раз логика подобных ситуаций схожая: одна из сторон предпринимает какие-либо действия в военной сфере, которые, говоря объективно, вовсе не обязательно являются провокационным жестом или попыткой создать угрозу другой стороне. Японская территория действительно уязвима перед лицом потенциального ракетного удара со стороны КНДР – особенно если учесть специфику северокорейского режима, а также то, что во время предыдущих испытаний северокорейские ракеты пролетали в космическом пространстве над японской территорией. И масштабы российского Дальнего Востока вкупе с его малой освоенностью действительно делают важной задачей модернизацию там военной инфраструктуры, в том числе и средств ПВО. Однако недоверие друг к другу, обусловленное прежде всего общей атмосферой конфликтности в международных отношениях, а не опасностью, собственно, российско-японского военного столкновения (которое в нынешних условиях не является сколь бы то ни было реалистичным сценарием), вынуждает стороны реагировать на это в конфронтационном ключе. Стремление же добиться ослабления этого недоверия, в немалой степени стоявшее за попыткой российско-японского сближения в период администрации С. Абэ, успехом не увенчалось.

Заключение: перспективы российско-японских связей

Сближение между Россией и Японией, инициированное правительством С. Абэ в середине 2010-х годов и нацеленное на то, чтобы путём активизации личных контактов между лидерами и развития экономического сотрудничества добиться повышения уровня доверия между странами, ослабления степени российско-китайского стратегического сотрудничества и, в качестве главной цели, решения проблемы территориального размежевания на приемлемых для Японии условиях, не увенчалось успехом. Этому способствовал ряд факторов как внутреннего по отношению к обеим странам, так и внешнего характера.

Во-первых, окончательно стала ясна бесперспективность стратегии правительства С. Абэ, нацеленной на то, чтобы, опираясь на экономическое сотрудничество и личные контакты между лидерами, склонить российскую сторону к территориальным уступкам. Этому, в свою очередь, способствовали как скромность результатов экономического сотрудничества, оказавшегося не в состоянии привести к качественной трансформации структуры российско-японских экономических связей, так и недооценка японской стороной того, насколько Москва не готова идти на любые территориальные уступки ввиду принципиальной позиции на этот счёт российского общественного мнения.

Во-вторых, смена в Японии правительства и приход к власти администрации Ё. Суга, занявшего более прагматичную позицию и, по всей видимости, не намеренного продолжать курс своего предшественника на приоритетное развитие связей с Россией, означает, что тот запас личного доверия, который был накоплен в ходе многочисленных личных встреч В. Путина и С. Абэ и который, как ожидали оптимисты, мог стать ключом к решению проблемы отсутствия мирного договора, оказался обнулённым.

В-третьих, пандемия COVID-19 вынудила обе стороны сосредоточиться на внутренних проблемах. Ожидать прорывных шагов в российско-японских связях до тех пор, пока не будет преодолён этот беспрецедентный кризис, не представляется возможным.

В-четвертых, противоречия между США и Китаем означают, что Россия и Япония, пусть и невольно, но оказываются «по разные стороны баррикад» в этом разворачивающемся глобальном противостоянии. Хотя Москва и Токио не имеют серьёзных оснований для того, чтобы считать друг друга потенциальными противниками, нарастание международной напряжённости ведёт к тому, что предпринимаемые одной стороной шаги в сфере укрепления собственной военной мощи будут всё с большей настороженностью восприниматься другой стороной.

Оптимальной стратегией в этих условиях и для Москвы, и для Токио будет попытаться хотя бы сохранить достигнутое. Даже несмотря на обусловленную многими причинами ограниченность возможностей российско-японского экономического сотрудничества в ближайшей перспективе, необходимо продолжать усилия в этой сфере и, что немаловажно, грамотно преподносить их результаты общественному мнению обеих стран. Японской стороне, однако, следует оценивать ситуацию реалистично и осознавать, что подход к этим проектам как к экономической помощи России, в обмен на которую Токио имел бы право ожидать определённых уступок со стороны Москвы, обречён на провал.

Обеим сторонам следует соблюдать сдержанность в оценке тех или иных шагов, предпринимаемых их визави в военной сфере. Япония хотя и остаётся ключевым союзником США в регионе, тем не менее не является американским сателлитом, лишённым собственной стратегии и политической воли. Учитывая же предусмотренное Статьёй 51 Устава ООН неотъемлемое право каждого государства на индивидуальную и коллективную самооборону, странно было бы отрицать право японского правительства обеспечивать безопасность своих граждан всеми не противоречащими международному праву способами. Но и японской стороне следует с пониманием относиться к объективной необходимости и суверенному праву России укреплять свой военный потенциал, в том числе и путём развития военной инфраструктуры на Дальнем Востоке. Взаимные же протесты против тех или иных шагов в военной сфере не только не влекут за собой пересмотра соответствующих решений, но и подрывают доверие сторон друг к другу.

Наконец, по ключевому для сторон вопросу отсутствия мирного договора японской стороне стоит осознать, что реальной возможности добиться от России каких бы то ни было территориальных уступок в обозримой перспективе практически нет. Российское общественное мнение воспримет любое, даже компромиссное с точки зрения Японии, решение, предусматривающее передачу хотя бы части Южных Курил Японии, как капитуляцию. И российское руководство просто не может позволить себе подобные репутационные потери, особенно в связи с многочисленными внутренними вызовами, обусловленными последствиями пандемии COVID-19.

Многое в этой ситуации будет зависеть от позиции нового японского руководства – пойдёт ли оно на обострение отношений, акцентируя территориальные претензии к Москве и вернувшись к политике «неразделимости политики и экономики», характеризовавшей курс Японии в отношении СССР в годы холодной войны, или будет действовать более осторожно, понимая, что возможные последствия резкого ухудшения российско-японских отношений, к которому может привести ужесточение позиции Токио в отношении Москвы, могут в условиях нарастающего американо-китайского противостояния оказаться непредсказуемыми. Поэтому, исходя из национальных интересов и России, и Японии, наиболее рациональной и реалистичной целью и для Москвы, и – в ещё большей степени – для Токио является сохранение статус-кво в их политических и экономических связях.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

А острова и ныне там. Главы МИД России и Японии подвели итоги 2019 года // Коммерсантъ. 19.12.2019. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4199118> (дата обращения: 02.12.2020).

Белов А.В., Тихоцкая И.С. Первая волна пандемии COVID-19 в Японии: социальные и экономические аспекты // Азия и Африка сегодня. 2020. № 10. С. 14–21.

В МИД прокомментировали объяснения Японии по размещению ПРО США // РИА Новости. 14.12.2018. URL: <https://ria.ru/20181214/1547975262.html> (дата обращения: 04.12.2020).

Внешняя торговля России за 9 месяцев 2020 года. 14.11.2020 // Внешняя торговля России. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2020-11/vneshnyaya-torgovlya-rossii-za-9-mesyatsev-2020-goda/> (дата обращения: 03.12.2020).

Внешняя торговля России с Китаем за 9 месяцев 2020 г. 14.11.2020 // Внешняя торговля России. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2020-11/vneshnyaya-torgovlya-rossii-s-kitaem-za-9-mesyatsev-2020-g/> (дата обращения: 03.12.2020).

Внешняя торговля России с Японией за 9 месяцев 2020 г. 14.11.2020 // Внешняя торговля России. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2020-11/vneshnyaya-torgovlya-rossii-s-yaponiey-za-9-mesyatsev-2020-g/> (дата обращения: 03.12.2020).

Внешняя торговля РФ. Данные ФТС России за 2019 год // GIPP.RU. 12.02.2020. URL: <https://gipp.ru/news/poligrafiya-rynok-bumagi/vneshnyaya-torgovlya-rf-dannye-fts-rossii-za-2019-god/> (дата обращения: 03.12.2020).

Дай ни хяку сан кай коккай ни окэру Суга найкаку со:ри дайджин сёсин хё:мэй эндзэцу : [Программная речь премьер-министра Суга на 203 сессии парламента] // Prime Minister's Office of Japan. 26.10.2020. URL: https://www.kantei.go.jp/jp/99_suga/statement/2020/1026shoshinhyomei.html (дата обращения: 03.12.2020).

Дай хяку хати дзю: сан кай коккай ни окэру Абэ найкаку со:ри дайджин сисэй хо:син эндзэцу : [Программная речь премьер-министра Абэ на 183 сессии парламента] // Prime Minister's Office of Japan. 28.02.2013. URL: https://www.kantei.go.jp/jp/96_abe/statement2/20130228siseuhousin.html (дата обращения: 03.12.2020).

День окончания Второй мировой войны перенесён на 3 сентября // Российская газета. 24.04.2020. URL: <https://rg.ru/2020/04/24/putin-podpisal-zakon-o-perenose-dnia-okonchaniia-vtoroj-mirovoj-vojny-na-3-sentiabria.html> (дата обращения: 04.12.2020).

Жилина Л.В. COVID-19. Японские традиции против нового вызова // Ежегодник Японии. 2020. Т. 49. (В печати).

Казаков О.И. Иностраный туризм Японии накануне Олимпийских игр 2020 года // Восточная Азия: факты и аналитика. 2020. № 1. С. 81–96.

Казаков О.И. К вопросу об активизации российско-японского диалога по территориальной проблеме // Проблемы Дальнего Востока. 2019. № 1. С. 33–45.

Казаков О.И. О «хикивакэ» в российско-японских отношениях // Японские исследования. 2016. № 1. С. 47–58.

Киреева А.А. Новый импульс в развитии российско-японских отношений и сотрудничества на Дальнем Востоке // 25 лет внешней политике России. Сборник материалов X Конвента РАМИ. Т. 1, Ч. 2. М.: Издательство «МГИМО-Университет», 2017. С. 63–89.

Кистанов В.О. Россия и Япония: актуальные проблемы отношений // Актуальные проблемы современной Японии. 2017. № 31. С. 7–26.

Кистанов В.О. Треугольник Россия-Япония-Китай во внешней политике Абэ: территориальный аспект // Российское японоведение сегодня: К 20-летию Ассоциации японоведов. М.: ИДВ РАН, 2015. С. 55–67.

Лавров: суверенитет России над Курилами не обсуждается // ТАСС. 14.01.2019. URL: <https://tass.ru/politika/5996432> (дата обращения: 03.12.2020).

Нелидов В.В. Российско-японские двусторонние отношения: пределы сближения // Восточная Азия: факты и аналитика. 2019. № 2. С. 65–82.

Нитиро канкэй «Рё:до мондай кайкэцу си хэйва дзё:яку тэйкэцу о» камбо:тё:кан : [Генеральный секретарь кабинета министров заявляет, что японо-российские отношения нацелены на решение территориального вопроса и заключение мирного договора] // NHK. 29.09.2020. URL: <https://www3.nhk.or.jp/news/html/20200929/k10012640311000.html> (дата обращения: 04.12.2020).

Опрос показал, что 77% россиян выступают против передачи Японии южных Курил // РИА Новости. 28.01.2019. URL: <https://ria.ru/20190128/1549996832.html> (дата обращения: 06.12.2020).

Панов А.Н. Советско-японская совместная декларация 1956 года: сложный путь к подписанию, нелёгкая судьба после ратификации // Японские исследования. 2019. № 2. С. 63–94.

Панов А.Н., Стрельцов Д.В., Киреева А.А., Нелидов В.В. Перспективы развития российско-японских отношений на новом этапе. М.: РСМД, 2019. 44 с.

План сотрудничества из 8 пунктов (План сотрудничества для инновационной реформы в промышленности и экономике для России как ведущей страны с благоприятными условиями жизни) // Посольство Японии в России. URL: <https://www.ru.emb-japan.go.jp/economy/ru/index.html> (дата обращения: 01.12.2020).

Посол РФ в Японии: передача Курил не обсуждается и обсуждаться не может // ТАСС. 06.02.2019. URL: <https://tass.ru/interviews/6081120> (дата обращения: 03.12.2020).

Рензин О.М., Суслов Д.В. Экономическая динамика в Японии: детализации институциональных контуров политики «Абэномики» // Японские исследования. 2020. №1. С. 85–105.

Росиа кайкэн, Путин си 5 сэн кано: э. Рё:до ко:сё: ни мо эйкё: ка : [Поправки в Конституцию России дают г-ну Путину возможность избираться на пятый срок. Они также могут оказать влияние на переговоры по территориальному вопросу] // Асахи симбун Digital. 02.07.2020. URL: <https://www.asahi.com/articles/ASN722PD3N72UHBI001.html> (дата обращения: 04.12.2020).

Совместное заявление Президента Российской Федерации и Премьер-министра Японии о развитии российско-японского партнерства. 29 апреля 2013 года // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/1446> (дата обращения: 03.12.2020).

Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху. 5 июня 2019 года // Президент России. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5413> (дата обращения: 03.12.2020).

Статья Владимира Путина «XXV саммит АТЭС в Дананге: вместе к процветанию и гармоничному развитию» // Президент России. 08.11.2017. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56023> (дата обращения: 01.12.2020).

Стрельцов Д.В. Вопросы исторического прошлого в российско-японских отношениях. Москва: Carnegie Endowment for International Peace, 2016. URL: https://carnegieendowment.org/files/CP_Streltsov_Rus_web_1.pdf (дата обращения: 02.12.2020).

Стрельцов Д.В. Российско-японские отношения: долгосрочные факторы развития // Вестник МГИМО-Университета. 2020. 13(3). С. 68–85.

Стрельцов Д.В. Российско-японский политический диалог в 2016-2017 гг. // Ежегодник Япония. 2017. № 46. С. 26–44.

Сясэцу. Росиа но кэмпо: кайсэй. Сэнсэй то дзикоку ю:сэн но аяуса : [Редакционная статья. Поправки в конституцию России. Опасность автократии и национальной исключительности] // Майнити симбун. 04.07.2020. URL: <https://mainichi.jp/articles/20200704/ddm/005/070/073000c> (дата обращения: 04.12.2020).

Токио заявил протест Москве из-за размещения С-300 на Курилах // Газета.ру. 02.12.2020. URL: <https://www.gazeta.ru/army/news/2020/12/02/15306139.shtml> (дата обращения: 05.12.2020).

Торговля между Россией и Японией в 2019 г. 13 февраля 2020 г. // Внешняя торговля России. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2020-02/torgovlya-mezhdu-rossiey-i-yaponiey-v-2019-g/> (дата обращения: 03.12.2020).

Япония делит чаяния надвое // Коммерсант. № 236. 21.12.2018. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3836659> (дата обращения: 05.12.2020).

Abiru T. Foreign Policy Program of the New Japanese Prime Minister // Valdai Club. 06.11.2020. URL: <https://valdaiclub.com/a/highlights/foreign-policy-program-of-the-new-japanese-leader/> (дата обращения: 01.12.2020).

Abiru T. Japan and the Development of the Russian Far East // Valdai Discussion Club. Valdai Paper № 106. 02.09.2019. URL: <https://valdaiclub.com/files/26173/> (дата обращения: 01.12.2020).

Brown J. Japan, Russia and their Territorial Dispute. The Northern Delusion. New York: Routledge, 2016. 176 p.

Defense of Japan 2020. P. 19 // Ministry of Defense of Japan. URL: https://www.mod.go.jp/e/publ/w_paper/wp2020/pdf/R02000031.pdf (дата обращения: 05.12.2020).

Hornung J.W. Japan Is Cancelling a U.S. Missile Defense System // Foreign Policy. 02.07.2020. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/07/02/japan-aegis-ashore-expense-cancel-united-states-alliance/> (дата обращения: 05.12.2020).

Iwashita A. Abe's Foreign Policy Fiasco on the Northern Territories Issue: Breaking with the Past and the National Movement // Eurasia Border Review. 2019. Vol. 10, Is. 1. Pp. 111–133.

Medium Term Defense Program (FY 2019 – FY 2023). December 18, 2018 // Ministry of Defense of Japan. URL: https://www.mod.go.jp/j/approach/agenda/guideline/2019/pdf/chuki_seibi31-35_e.pdf (дата обращения: 05.12.2020).

Shvydko V.G. Abenomics: A Change in the Concept // Russian Japanology Review. 2020. Vol. 3, No. 1. Pp. 5–21.

Tokyo Protests to Seoul, Moscow over Air Incident near Takeshima // Nippon.com. 23.07.2019. URL: <https://www.nippon.com/en/news/yjj2019072301050/tokyo-protests-to-seoul-moscow-over-air-incident-near-takeshima.html> (дата обращения: 04.12.2020).

Walker J., Azuma, H. Shinzo Abe's Unfinished Deal With Russia // War on the Rocks. 11.09.2020. URL: <https://warontherocks.com/2020/09/shinzo-abes-unfinished-deal-with-russia/> (дата обращения: 02.12.2020).

REFERENCES

Abiru, T. (2019). Japan and the Development of the Russian Far East, *Valdai Discussion Club. Valdai Paper №106*, 2 September 2019. URL: <https://valdaiclub.com/files/26173/> (accessed: 1 December 2020).

Abiru, T. (2020). Foreign Policy Program of the New Japanese Prime Minister, *Valdai Club*, 6 November 2020. URL: <https://valdaiclub.com/a/highlights/foreign-policy-program-of-the-new-japanese-leader/> (accessed: 1 December 2020).

Asahi Shimbun Digital. (2020). Roshia kaiken, Pūchin shi 5 sen kanō e. Ryōdo kōshō ni mo eikyō ka [Amendments to the Constitution of Russia Make It Possible for Mr Putin to Be Elected for the Fifth Term. They May Also Influence the Territorial Issue Negotiations], 2 July. URL: <https://www.asahi.com/articles/ASN722PD3N72UHBI001.html> (accessed: 4 December 2020). (In Japanese).

Belov, A.V., Tikhotskaya, I.S. (2020). Pervaya volna pandemii COVID-19 v Yaponii: sotsial'nyye i ekonomicheskiye aspekty [The First Wave of the COVID-19 Pandemic in Japan: Social and Economic Aspects], *Aziya i Afrika segodnya*, 10: 14–21. (In Russian).

Brown, J. (2016). Japan, Russia and their Territorial Dispute. The Northern Delusion. New York: Routledge.

Embassy of Japan in Russia. (no date). Plan sotrudnichestva iz 8 punktov (Plan sotrudnichestva dlya innovatsionnoy reformy v promyshlennosti i ekonomike dlya Rossii kak vedushchey strany s blagopriyatnymi usloviyami zhizni) [8 Points Cooperation Plan (Plan of Cooperation for Innovative Reform in the Industry and Economy of Russia as a Leading Country

with Favorable Living Conditions]. URL: <https://www.ru.emb-japan.go.jp/economy/ru/index.html> (accessed: 1 December 2020). (In Russian).

Gazeta.ru. (2020). Tokio zayavil protest Moskve iz-za razmeshcheniya S-300 na Kurilakh [Tokyo Lodged a Protest to Moscow because of the Placement of S-300 in the Kurils], 2 December 2020. URL: <https://www.gazeta.ru/army/news/2020/12/02/15306139.shtml> (accessed: 5 December 2020). (In Russian).

GIPP.RU. (2020). Vneshnyaya trgovlya RF. Dannyye FTS Rossii za 2019 god [Russian Federation's Foreign Trade. 2019 Data by the Federal Customs Service], 12 February. URL: <https://gipp.ru/news/poligrafiya-rynok-bumagi/vneshnyaya-torgovlya-rf-dannyye-fts-rossii-za-2019-god/> (accessed: 3 December 2020). (In Russian).

Hornung, J.W. (2020). Japan Is Cancelling a U.S. Missile Defense System, *Foreign Policy*, 2 July. URL: <https://foreignpolicy.com/2020/07/02/japan-aegis-ashore-expense-cancel-united-states-alliance/> (accessed: 5 December 2020).

Iwashita, A. (2019). Abe's Foreign Policy Fiasco on the Northern Territories Issue: Breaking with the Past and the National Movement, *Eurasia Border Review*, 10(1): 111–133.

Kazakov, O.I. (2016). O «khikivake» v rossiysko-yaponskikh otnosheniyakh [«Hikiwake» in Russian-Japanese Relations: Both Sides No Gain], *Japanese Studies in Russia*, 1: 47–58. (In Russian).

Kazakov, O.I. (2019). K voprosu ob aktivizatsii rossiysko-yaponskogo dialoga po territorial'noy probleme [On the Enhancing of Russian-Japanese Dialogue on Territorial Issue], *Problemy Dal'nego Vostoka*, 1: 33–45. (In Russian).

Kazakov, O.I. (2020). Inostrannyi turizm Yaponii nakanune Olimpiyskikh igr 2020 goda [Japan's Inbound Tourism on the Eve of the 2020 Olympic Games], *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika*, 1: 81–96. (In Russian).

Kireeva, A.A. (2017). Novyy impul's v razvitii rossiysko-yaponskikh otnosheniy i sotrudnichestva na Dal'nem Vostoke [New Impulse in the Development of Russo-Japanese Relations and Cooperation in the Far East], *25 let vneshney politike Rossii. Sbornik materialov X Konventa RAMI* [25 Years of Russia's Foreign Policy. Proceedings of the 10th RISA Convent], Vol. 1, Part 2, Moscow: MGIMO University: 63-89. (In Russian).

Kistanov, V.O. (2015). Treugol'nik Rossiya-Yaponiya-Kitay vo vneshney politike Abe: territorial'nyy aspekt [The Russia-Japan-China Triangle in Abe's Foreign Policy: Territorial Aspect], *Rossiyskoye yaponovedeniye segodnya: K 20-letiyu Assotsiatsii yaponovedov* [Russian Japanese Studies Today: On the 20th Anniversary of the Association of Japanologists], Moscow: IDV RAN: 55–67. (In Russian).

Kistanov, V.O. (2017). Rossiya i Yaponiya: aktual'nyye problemy otnosheniy [Russia and Japan: Current Problems of Relations], *Aktual'nyye problemy sovremennoy Yaponii*, 31: 7–26. (In Russian).

Kommersant. (2018). Yaponiya delit chayaniya nadvoye [Japan Splits Its Hopes into Two], 21 December. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3836659> (accessed: 5 December 2020). (In Russian).

Kommersant. (2019). A ostrova i nyne tam. Glavy MID Rossii i Yaponii podveli itogi 2019 goda [The Islands Are Still There. Foreign Ministers of Russia and Japan Summed up the Results of 2019], 19 December. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/4199118> (accessed: 2 December 2020). (In Russian).

Mainichi Shimbun. (2020). Shasetsu. Roshia no kenpō kaisei. Sensei to jikoku yūsen no ayausa [Editorial. Russian Constitutional Amendment. Threat of Autocracy and National Exceptionalism], 4 July. URL: <https://mainichi.jp/articles/20200704/ddm/005/070/073000c> (accessed: 4 December 2020). (In Japanese).

Ministry of Defense of Japan. (2018). Medium Term Defense Program (FY 2019 – FY 2023), December 18. URL: https://www.mod.go.jp/j/approach/agenda/guideline/2019/pdf/chuki_seibi31-35_e.pdf (accessed: 5 December 2020).

Ministry of Defense of Japan. (2020). Defense of Japan 2020: 19. URL: https://www.mod.go.jp/e/publ/w_paper/wp2020/pdf/R02000031.pdf (accessed: 5 December 2020).

Nelidov, V.V. (2019). Rossiysko-yaponskiye dvustoronniye otnosheniya: predely sblizheniya [Russo-Japanese Bilateral Relations: Limits of Rapprochement], *Vostochnaya Aziya: fakty i analitika*, 2: 65–82. (In Russian).

NHK. (2020). Nichiro kankei “Ryōdo mondai kaiketsu shi heiwa jōyaku teiketsu o” kanbōchōkan [Cabinet Secretary General Says that Japan-Russia Relations Are Aimed at Solving the Territorial Issue and Signing the Peace Treaty], 29 September. URL: <https://www3.nhk.or.jp/news/html/20200929/k10012640311000.html> (accessed: 4 December 2020). (In Japanese).

Nippon.com. (2019). Tokyo Protests to Seoul, Moscow over Air Incident near Takeshima, 23 July. URL: <https://www.nippon.com/en/news/yjj2019072301050/tokyo-protests-to-seoul-moscow-over-air-incident-near-takeshima.html> (accessed: 4 December 2020).

Panov A.N., Strel'tsov D.V., Kireyeva A.A., Nelidov V.V. (2019). Perspektivy razvitiya rossiysko-yaponskikh otnosheniy na novom etape [The Prospects of Development of Russia–Japan Relations on a New Stage], Moscow: RIAC. (In Russian).

Panov, A.N. (2019). Sovetsko-yaponskaya sovместnaya deklaratsiya 1956 goda: slozhnyy put' k podpisaniyu, nelegkaya sud'ba posle ratifikatsii [The Soviet-Japanese Joint Declaration of 1956: A Difficult Path to Signing, a Hard Destiny after the Ratification], *Japanese Studies in Russia*, 2: 63–94. (In Russian).

President of Russia. (2013). Sovместnoye zayavleniye Prezidenta Rossiyskoy Federatsii i Prem'yer-ministra Yaponii o razvitii rossiysko-yaponskogo partnerstva. 29 aprelya 2013 goda [Joint Statement of the President of the Russian Federation and the Prime Minister of Japan on the Development of Russian-Japanese Partnership. 29 April 2013]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/1446> (accessed: 3 December 2020). (In Russian).

President of Russia. (2017). Stat'ya Vladimira Putina «XXV sammit ATES v Danange: vmeste k protsvetaniyu i garmonichnomu razvitiyu» [Article by Vladimir Putin “25th APEC Summit in Danang: Together towards Prosperity and Harmonious Development”], 8 November. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/56023> (accessed: 1 December 2020). (In Russian).

President of Russia. (2019). Sovместnoye zayavleniye Rossiyskoy Federatsii i Kitayskoy Narodnoy Respubliki o razvitii otnosheniy vseob'yemlyushchego partnerstva i strategicheskogo vzaimodeystviya, vstupayushchikh v novuyu epokhu. 5 iyunya 2019 goda [Joint Statement of the Russian Federation and the People's Republic of China on the Development of Relations of Comprehensive Partnership and Strategic Interaction Entering a New Era. 5 June 2019]. URL: <http://kremlin.ru/supplement/5413> (accessed: 3 December 2020). (In Russian).

Prime Minister's Office of Japan. (2013). Dai hyaku hachi jū san kai kokkai ni okeru Abe naikaku sōri daijin shisei hōshin enzetsu [Policy Speech by Prime Minister Abe at the 183rd Diet Session], 28 February. URL: https://www.kantei.go.jp/jp/96_abe/statement2/20130228siseuhousin.html (accessed: 03.12.2020). (In Japanese).

Prime Minister's Office of Japan. (2020). Dai ni hyaku san kai kokkai ni okeru Suga naikaku sōri daijin shoshin hyōmei enzetsu [Policy Speech by Prime Minister Suga at the 203rd Diet session] Prime Minister's Office of Japan, 26 October. URL: https://www.kantei.go.jp/jp/99_suga/statement/2020/1026shoshinhyomei.html (accessed: 3 December 2020). (In Japanese).

Renzin O.M., Suslov D.V. (2020). Ekonomicheskaya dinamika v Yaponii: detalizatsii institutsional'nykh konturov politiki «Abenomiki» [Economic Dynamics in Japan: Detailing of the Abenomics Policy Institutional Outlines], *Japanese Studies in Russia*, 1: 85–105. (In Russian).

RIA Novosti. (2018). V MID prokommentirovali ob'yasneniya Yaponii po razmeshcheniyu PRO SShA [The Foreign Ministry Commented on Japan's Explanations about the Placement of US Missile Defense], 14 December. URL: <https://ria.ru/20181214/1547975262.html> (accessed: 4 December 2020). (In Russian).

RIA Novosti. (2019). Opros pokazal, chto 77% rossiyan vystupayut protiv peredachi Yaponii yuzhnykh Kuril [Survey Shows that 77% of Russians Are against Giving South Kurils to Japan], 28 January. URL: <https://ria.ru/20190128/1549996832.html> (accessed: 6 December 2020). (In Russian).

Rossiyskaya gazeta. (2020). Den' okonchaniya Vtoroy mirovoy voyny perenesen na 3 sentyabrya [WWII End Memorial Day Moved to September 3], 24 April. URL: <https://rg.ru/2020/04/24/putin-podpisal-zakon-o-perenose-dnia-okonchaniia-vtoroj-mirovoj-vojny-na-3-sentiabria.html> (accessed: 4 December 2020). (In Russian).

Shvydko, V.G. (2020). Abenomics: A Change in the Concept, *Russian Japanology Review*, 3(1): 5–21.

Streltsov, D.V. (2016). Voprosy istoricheskogo proshlogo v rossiysko-yaponskikh otnosheniyakh [Issues of Historical Past in Russo-Japanese Relations], Moscow: Carnegie Endowment for International Peace. URL: https://carnegieendowment.org/files/CP_Streltsov_Rus_web_1.pdf (accessed: 2 December 2020). (In Russian).

Streltsov, D.V. (2017). Rossiysko-yaponskiy politicheskiy dialog v 2016-2017 gg. [Russian-Japanese Political Dialogue in 2016-2017], *Yearbook Japan*, 46: 26–44. (In Russian).

Streltsov, D.V. (2020). Rossiysko-yaponskiye otnosheniya: dolgosrochnnyye faktory razvitiya [Russian-Japanese Relations: Long-Term Development Factors], *MGIMO Review of International Relations*, 13(3): 68–85. (In Russian).

TASS. (2019). Lavrov: suverenitet Rossii nad Kurilami ne obsuzhdayetsya [Lavrov: Russia's Sovereignty over the Kurils Is Not Discussed], 14 January. URL: <https://tass.ru/politika/5996432> (accessed: 3 December 2020).

TASS. (2019). Posol RF v Yaponii: peredacha Kuril ne obsuzhdayetsya i obsuzhdat'sya ne mozhet [Russian Ambassador to Japan: The Transfer of Kurils Is Not and Cannot Be Discussed], 6 February. URL: <https://tass.ru/interviews/6081120> (accessed: 03.12.2020). (In Russian).

Vneshnyaya trgovlya Rossii [Russia's Foreign Trade]. (2020). Torgovlya mezhdru Rossiyei i Yaponiyey v 2019 g. [Trade Between Russia and Japan in 2019], 13 February. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2020-02/torgovlya-mezhdru-rossiyei-i-yaponiyey-v-2019-g/> (accessed: 3 December 2020). (In Russian).

Vneshnyaya trgovlya Rossii [Russia's Foreign Trade]. (2020). Vneshnyaya trgovlya Rossii za 9 mesyatsev 2020 goda [Russia's Foreign Trade during the 9 Months of 2020], 14 November. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2020-11/vneshnyaya-torgovlya-rossii-za-9-mesyatsev-2020-goda/> (accessed: 3 December 2020). (In Russian).

Vneshnyaya trgovlya Rossii [Russia's Foreign Trade]. (2020). Vneshnyaya trgovlya Rossii s Kitayem za 9 mesyatsev 2020 g. [Russia's Foreign Trade with China during the 9 Months of 2020], 14 November. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2020-11/vneshnyaya-torgovlya-rossii-s-kitaem-za-9-mesyatsev-2020-g/> (accessed: 3 December 2020). (In Russian).

Vneshnyaya trgovlya Rossii [Russia's Foreign Trade]. (2020). Vneshnyaya trgovlya Rossii s Yaponiyey za 9 mesyatsev 2020 g. [Russia's Foreign Trade with Japan during the 9 Months of 2020]. URL: <https://russian-trade.com/reports-and-reviews/2020-11/vneshnyaya-torgovlya-rossii-s-yaponiyey-za-9-mesyatsev-2020-g/> (accessed: 3 December 2020). (In Russian).

Walker J., Azuma, H. (2020). Shinzo Abe's Unfinished Deal With Russia, *War on the Rocks*, 11 September. URL: <https://warontherocks.com/2020/09/shinzo-abes-unfinished-deal-with-russia/> (accessed: 2 December 2020).

Zhilina, L.V. (2020). COVID-19. Yaponskiye traditsii protiv novogo vyzova [COVID-19. Japanese Traditions against a New Challenge], *Yearbook Japan*, Vol. 49. (In print). (In Russian).

Поступила в редакцию 09.12.2020

Received 9 December 2020

Для цитирования: Нелидов В.В. Новая неопределенность в российско-японских отношениях // Японские исследования. 2020. № 4. С. 119–136. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10031

For citation: Nelidov V.V. (2020). Novaya neopredelennost' v rossiysko-yaponskikh otnosheniyakh [New uncertainty in Russo-Japanese relations], *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2020, 4: 119–136. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10031

Книжная полка**Book Reviews**

Японские исследования. 2020. № 4. С. 137–142.

Japanese Studies in Russia, 2020, 4, pp. 137–142.

DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10032

Nipponica Nova: Смена веж по-японски

Рецензия на коллективную монографию
«Япония в ретроспективе смены поколений»
под ред. Д.В. Стрельцова

С.В. Гришачёв

Аннотация. В предлагаемой рецензии дан обзор коллективной монографии «Япония в ретроспективе смены поколений». Основным объектом исследования для её авторов стали изменения, произошедшие с двумя молодыми поколениями японцев. Эти поколения сформировались в непростых условиях последних тридцати лет, когда началась стагнация экономики и замедлились темпы экономического роста. Авторы сборника пытаются понять, как современные японцы относятся к семье, труду, проведению досуга, а также каким они видят окружающий мир и прежде всего такие страны как США, КНР и Россию. Помимо этого, затронут гендерный вопрос – взгляд современных японок на взаимоотношения с мужчинами, на вступление в брак, выбор работы и на возможность делать политическую карьеру.

Ключевые слова: Японское общество, поколения Y и Z, миллениалы, зеты, гендерный вопрос, система пожизненного найма, рынок труда, *хикикомори*.

Автор: Гришачёв Сергей Викторович, кандидат исторических наук, доцент Школы Востоковедения, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ) (адрес: 101000, Москва, ул. Мясницкая, 20); исполнительный секретарь Ассоциации японоведов. ORCID: 0000-0002-6039-9637. E-mail: grayskyway@gmail.com

Nipponica Nova. Change of Signposts: Japanese way

Review of the monograph
“Japan in the Retrospective of Generation Change”
ed. by Prof. Streltsov D.V.

S.V. Grishachev

Abstract. This article is a review of the collective monograph “Japan in the Retrospective of Generation Change”. The main object of study here are the changes which happened to two young generations of Japanese people whose lives were influenced by complicated reality of the past 30 years when the economy started to stagnate and rate of economic growth slowed down. Authors of this monograph are making an attempt to figure out what do such matters as family, labor, leisure time mean to modern Japanese

people and also analyze their attitude towards the global society and specifically their attitude to the USA, China and Russia. Here one can also find information concerning gender issues in Japan, modern Japanese women outlook on their relationship with the men matter, marriage, career and political ambitions.

Key words: Japanese society, generations Y and Z, millennials, gender issues, permanent employment in Japan, labour economics, hikikomori.

Author: *Grishachev Serget V.*, PhD (History), Associate professor, School of Asian Studies, National research university “Higher school of economics” (HSE University) (address: 20, Myasnikskaya Str., Moscow, 101000, Russian Federation); Executive Secretary of Association of Japanologists (Russia). ORCID: 0000-0002-6039-9637. E-mail: grayskyway@gmail.com

В отечественном японоведении в последнее время устоялась практика, когда к печати готовится не просто сборник статей, а тематическая коллективная монография. Авторы разделов, специалисты в разных областях – историки, филологи, социологи, экономисты – рассматривают какой-то кейс с точки зрения своей области знания и с учётом данных, накопленных благодаря собственным научным пристрастиям. Примеров применения данного подхода можно назвать много, и касаются они как традиционной истории и культуры, так и состояния современного общества¹. Уже вышли в печати коллективные монографии «Японское общество: Меняющееся и неизменное» (2014), «Российско-японские отношения в формате параллельной истории» (2015), «Японский феномен глазами российских японоведов» (2018). Метод оказался весьма эффективным по двум причинам. Во-первых,

японоведение вообще – слишком большое понятие, в которое входят чрезвычайно разнообразные отрасли, и усилий одного специалиста (или нескольких специалистов в одной области) бывает недостаточно для осуществления проекта. Во-вторых, обращаясь к одному и тому же явлению, но с разными вопросами, мы лучше, фактурнее можем его себе представить.

Очередной плод таких интеллектуальных и междисциплинарных усилий в рамках японоведческого сообщества – новая коллективная монография, в названии которой присутствует опять слово *Япония*, но темой становится – *смена поколений*. Поколенческие изменения в последнее столетие контрастируют очень резко во всём мире. История любого общества, вступившего в полосу модернизаций в XX веке, приводит к довольно ощутимой и, что важно, стремительной смене ориентиров и взгляду молодёжи на жизнь, что было невозможно в доиндустриальных культурах.

Применительно к японскому обществу уже неоднократно сказано (а порой и с избыточными повторениями) о свойственных его представителям группизме, исполнительности, трудоголизме и замкнутости. Парадокс заключается в том, что

¹ Одной из первых подобного рода публикаций можно назвать двухтомник «Синто. Пусть японских богов» (2000). В нём главы собраны соответствующим образом, и в них прослеживается история японской национальной религии от появления древних культов до становления идеологии государственного синто.

в современном глобальном мире, мире повышенной экономической и социальной самоинтеграции, эти свойства или разрушаются, или, сохраняясь, всё же сильно изменяются.

В новом издании речь идёт о том, что привнесено со сменой поколений в Японии за последние тридцать лет, и это обосновывается во Введении. Данный хронологический отрезок – удобная точка отсчёта, поскольку три десятилетия – период активной жизни одного поколения. А если учитывать, что полоса новых испытаний для Японии началась как раз в 1990-е годы, тогда получается можно проанализировать феномен «потерянного поколения», то есть тех, на чей репродуктивный период жизни пришлись новые вызовы – крах экономики мыльного пузыря, замедление темпов экономического роста, сокращение социальных обязательств как со стороны государства, так и со стороны работодателя и др.

Уже сейчас видно, что поколение детей по сравнению с отцами выглядит более индивидуалистично – их нередко отличает разобщённость и пессимизм. Коммуникационные технологии – интернет-услуги и социальные сети – служат ещё большей дистанцированности и разрушению горизонтальных социальных связей. К тому же им на смену приходят их дети, подрастают представители следующего поколения. И что же в итоге отличает японцев, которым сейчас 30–35 лет, именуемых поколением Y, и как выглядит поколение двадцатилетних миллениалов, именуемых поколением Z? Как они смотрят на окружающий мир, семью и брак, на свою работу, и чем они увлекаются?

Монография разбита на традиционные разделы – Политика, Экономика и общество, Культура. Отдельный раздел озаглавлен «Конституция», здесь рассмотрена эволюция отношения к тексту основного закона и к вопросу о его изменении.

Главы раздела «Политика» содержат анализ изменений политической культуры. В первой главе, написанной Д.В. Стрельцовым, речь идёт о политических предпочтениях молодых. Автор указывает на то, что нынешние программы политических партий в Японии уже давно деидеологизированы, разительным образом друг от друга не отличаются, а политическая борьба становится состязанием брендов. Причём среди этих брендов избиратель предпочитает всё же чаще голосовать за старые системные, а не за новообразованные партии. Несмотря на смену поколений, избиратель не очень доверяет новым политическим группировкам, которые имеют лишь кратковременный успех (с. 30).

Вторая глава «Взгляды нового поколения на внешний мир», написанная О.А. Добринской, А.А. Киреевой и П.В. Кульневой, отражает восприятие самых значимых соседей Японии – КНР и России, – и крупнейшего внешнеполитического партнёра – США. В отношении США молодые японцы по-прежнему скорее склонны испытывать чувство доверия, но их тревожит необходимость оказывать всё большую военную поддержку «старшему брату». При этом они делают различие между обычным американцем как таковым и президентом страны, не очень доверяя Республиканцам (Дж. Бушу и Д. Трампу) и испытывая больше доверия представителям Демократической партии (с. 49).

Интересно также и взаимное восприятие японцев и китайцев. Конечно, оно осложнено разным пониманием исторического прошлого, в особенности событий Второй мировой войны, а также наличием территориальной проблемы. И частью японского видения Китая всё ещё остаётся образ страны с авторитарной политической системой и низким уровнем правосознания. Но если верить соцопросам, то есть робкая надежда на изменения в лучшую сторону, поскольку среди опрошенных, испытывающих дружеские чувства к Китаю, всё же больше молодёжи (с. 66–67).

Актуальным видится и мнение японцев о России. Приятно отметить, что молодые японцы не придают спору вокруг группы южнокурильских островов такого внимания, как их родители, однако положительных установок в отношении России недостаточно, традиционные стереотипы, сформировавшиеся в биполярный период, всё ещё воспроизводятся в общественном сознании (с. 94).

Самый большой раздел монографии – Экономика и общество. Понятно, почему этот раздел такой большой: влияние экономических проблем последних трёх десятилетий с особой отчётливостью отразилось на образе жизни, на формах социальной адаптации и на формах социальной девиации. Третья глава «Японцы на рынке труда: новая реальность, старые ценности», написанная И.П. Лебедевой, посвящена неутешительным тенденциям в экономике. Идеал предыдущего поколения – система пожизненного найма – по-прежнему остаётся таковым и для молодых, но теперь уже чрезвычайно труднодостижимым. За одно лишь десятилетие с 2006 по 2017 г. численность постоянных работников компаний в Японии сократилась с 86 % до 70 %, и соответственно выросло с 13 % до 30 % число непостоянно занятых (с. 114–115). К этому добавляются и проблемы с ростом структурной безработицы – несостыковкой между требованиями компаний, предъявляемыми к сотрудникам и квалификацией молодых претендентов, выходящих на рынок труда. При том, что молодые кадры нужны, заполнение открытых вакансий составляет в среднем 30 %.

Четвертая глава «Поколение Y и Z: изменения в жизни японского общества в зеркале международных сравнений» написана И.Л. Тимониной. Эта обширная глава даёт представления о качестве жизни поколений 30–35 лет и 20–25 лет. Молодые японцы всё больше задумываются об оптимальном сочетании труда и досуга. Миллениалы уже не отличаются тем самоотверженным отношением к труду, которым прославились их деды и прадеды, при этом они намного тщательнее выбирают, чем заняться на досуге (с. 152–153). И хотя доля сотрудников, работающих более 50 часов в неделю, в Японии по-прежнему самая высокая среди стран ОЭСР, японские компании постепенно снижают этот показатель. Сокращается и количество мужчин, которые хотели бы работать сверхурочно, они стремятся больше времени уделять общению с собственными детьми.

Пятая глава «Трансформации взглядов японских женщин и их положения в семье, экономике и обществе» написана Л.В. Жилиной. Положение женщины, пожалуй, лучше всего иллюстрирует процесс трансформации любого современного общества и его адаптацию к условиям постиндустриальной экономики. Автор пытается понять, как молодые японки относятся сегодня к семье и браку, к возможности сделать успешную карьеру, не исключая и карьеру политика. И здесь читателя ждут, конечно, самые удивительные открытия, благо система социологических опросов в Японии – одна из лучших в мире, благодаря ей можно получить ответ чуть ли не на любой вопрос.

Самооценка японских женщин изменилась за последнее время весьма существенно. Они теперь иначе смотрят на мужчину как на партнёра, предъявляют ему всё больше требований. Растёт также и число женщин-одиночек, которые никогда не состояли в браке. Известно, что в развитых экономиках мира сокращается количество браков и увеличивается возраст вступления в брак. Страна Восходящего Солнца в данном случае не исключение, но некоторые данные порою просто повергают в шок – по результатам социологического опроса телекомпании NHK за 2018 г., 68 % молодых респондентов заявили, что они не желают

жениться или выходить замуж, а 88% японцев в возрасте до 30 лет не видят в этом никакой необходимости (с. 178).

Сегодня значительно больше женщин выбирают не удел домохозяйки, а работу, причём всё чаще – вне дома. Женщинами, делающими политическую карьеру, сейчас уже тоже не удивишь, хотя их участие в политике обычно непродолжительно. Чрезвычайно немногочисленны примеры, когда женщины являются депутатами парламента долее одного срока. Но перед глазами всё же встают такие, пусть пока и редкие, но очень яркие примеры как Коикэ Юрико, которая уже успела побыть министром обороны, а сейчас является мэром Токио.

Шестая глава «Трудный выбор японских миллениалов: избыток возможностей» написана С.В. Чугровым. В первой её части автор говорит о проблемах социализации миллениалов, в частности о геймификации – подверженности и пристрастии к компьютерным играм. И здесь, увы, большая доля принадлежит мальчикам. С.В. Чугров затрагивает и самую страшную и многократно озвученную социальную проблему среди молодых, *хикикомори* – молодых людей до тридцати, преимущественно опять же мальчиков, сознательно отказывающиеся от социальных связей, от общения, учёбы и работы. Сами родители не могут наладить контакт со своими детьми, им теперь нередко приходится прибегать к помощи волонтеров, которые ведут беседы с затворниками через дверь. Волонтеры в данном случае пытаются собой заменить виртуальное общение, дабы всё же вернуть такого человека в контакт с реальным миром (с. 209–210). Однако случай с *хикикомори*, хотя и является существенной проблемой, но в целом поколение Y от предыдущих поколений как раз отличается большей социальной устойчивостью, поскольку их взросление пришлось на период системного экономического кризиса 1990-х годов.

Говоря о самоидентификации и отношении японских миллениалов к внешнему миру, автор с грустью констатирует результаты опросов, проведённых в России и Японии. Если 41 % россиян в возрасте от 18 до 24 лет по опросам «Левада-центр» хотели бы уехать на постоянное место жительства за границу (с. 215), то японская статистика говорит об обратном. Японцы нередко едут за границу, чтобы получить образование или набраться жизненного опыта. Но большинство из них убеждены в том, что Япония – страна мирная, безопасная и комфортная. По результатам опроса Информационного бюро Канцелярии Премьер-министра, в 2019 г. 71,6 % опрошенных молодых японцев ответили, что они довольны своей жизнью (с. 216).

Раздел «Культура» содержит две главы – «Традиции в контексте современности», написанную М.П. Герасимовой, и «Современное японское кино: старые и новые имена», написанную Е.Л. Катасоновой, где авторы пытаются показать изменения, произошедшие в духовной жизни молодых поколений, как они отразились в искусстве, архитектуре, кинематографе.

Последняя, девятая глава монографии написана К.О. Саркисовым. Она посвящена восприятию японцами текста Конституции 1947 года. Автор рассматривает отношение японского общества к Основному закону и попытки его пересмотра в парадигме трёх периодов – послевоенного (1945–1975), от эпохи Разрядки до начала XXI в. (1975–2005) и современного этапа (2005 – настоящее время). Основные вопросы, вызывающие дискуссии о пересмотре, довольно хорошо известны. Прежде всего это Девятая статья, в которой говорится об отказе Японии от войны как суверенного права нации и об отказе от создания

армии. В нарушение этой статьи Япония уже имеет современную армию и это юридическое противоречие всё же необходимо так или иначе устранить.

И хотя Конституция с момента её вступления в силу в 1947 г. не была изменена ни в одной из своих статей, тем не менее дискуссии об этом в обществе не утихают весь послевоенный период, а в последние два десятилетия было предпринято немало конкретных шагов по подготовке этих изменений.

Аргументы *за* и *против* показывают всю сложность проблемы. С одной стороны, отказ от Девятой статьи и узаконение Сил самообороны как полноценной армии может привести к тому, что Япония будет вынуждена всё более вовлекаться в противостояние США и КНР. С другой стороны, невозможно игнорировать военное и политическое возвышение такого крупного соседа как Китай, что требует фактического создания и развития Вооруженных Сил страны.

Портрет молодой Японии у авторов коллективной монографии получился довольно пёстрым. Некоторые его черты неожиданны и порой противоречивы, но именно благодаря этому работа читается интересно. Но вглядываясь в проблемы японской молодежи поколений Z и Y, прекрасно понимаешь, что вопросы перед ними стоят те же, что и перед любым предыдущим поколением, а вот ответы на них не просто новые, но и всё более интернациональные.

Япония вовлечена в процесс глобализации очень глубоко, и проблемы молодых всё более становятся похожими на проблемы их ровесников в других странах. Поэтому монография «Япония в ретроспективе смены поколений» является актуальной книгой и для тех, кого интересуют проблемы молодого населения и нашей страны.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Япония в ретроспективе смены поколений / под ред. Д.В. Стрельцова. Москва: Аспект Пресс, 2020. — 320 с. ISBN 978-5-7567-1084-7.

REFERENCES

Streltsov D.V. (ed.) (2020) *Yaponiya v retrospektive smeny pokoleniy* [Japan in the Retrospective of Generation Change], Moscow: Aspect Press. (In Russian). ISBN 978-5-7567-1084-7.

Поступила в редакцию 15.12.2020

Received 15 December 2020

Для цитирования: Гришачев С.В. *Nipponica Nova: Смена вех по-японски*. Рецензия на коллективную монографию «Япония в ретроспективе смены поколений» под ред. Д.В. Стрельцова // Японские исследования. 2020. № 4. С. 137–142. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10032

For citation: Grishachev S.V. (2020). *Nipponica Nova: Smena vekh po-yaponski. Retsenziya na kollektivnuyu monografiyu “Yaponiya v retrospektive smeny pokoleniy” pod red. D.V. Strel'tsova* [Nipponica Nova. Change of Signposts: Japanese way. Review of the monograph “Japan in the Retrospective of Generation Change” ed. by Prof. Streltsov D.V.], *Yaponskiye issledovaniya* [Japanese Studies in Russia], 2020, 4: 137–142. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10032

Библиографический перечень публикаций в журнале «Японские исследования» за 2020 год

Борькина А.Ю. Типы персонажей в произведении Дзиппэнся Икку «То:кайдо:тю: хидзакуригэ» // Японские исследования. 2020. № 2. С. 82–95. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10013

Виноградова Т.И., Торопыгина М.В. «Японизация» китайского текста: «Мо:гю: вака» (1204) как адаптация «Мэн цю» (VIII в.) // Японские исследования. 2020. № 2. С. 112–132. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10015

Войтишек Е.Э., Речкалова А.А. Агаровое дерево как феномен ароматической культуры Японии: классификации и функции // Японские исследования. 2020. № 3. С. 65–89. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10020

Гараева Э.И. Феномен *модан гару* в истории Японии 1920–1930-х годов в эпоху модернизма и культуры потребления // Японские исследования. 2020. № 3. С. 90–106. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10021

Гришачев С.В. *Nipponica Nova*: Смена веж по-японски. Рецензия на коллективную монографию «Япония в ретроспективе смены поколений» под ред. Д.В. Стрельцова // Японские исследования. 2020. № 4. С. 137–142. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10032

Дацышен В.Г. Японская военная интервенция в трудах современных российских историков: инерции фобий и научное познание // Японские исследования. 2020. № 3. С. 21–43. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10018

Дьяконова Е.М. Правила сложения *рэнга*, изложенные в трактатах Сё:хаку «Новый свод правил *рэнга*» (*Рэнга синсики*, 1501) и Синкэй «Разговоры вполголоса» (*Сасамэгото*, 1463–1464) // Японские исследования. 2020. № 1. С. 130–148. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10007

Игнатов И.А. Японо-монгольские связи в постбиполярный период в контексте монгольской политики «третьего соседа» // Японские исследования. 2020. № 1. С. 69–84. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10004

Карелова Л.Б. Переосмысление духовного наследия Л.Н. Толстого в современной Японии // Японские исследования. 2020. № 2. С. 133–151. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10016

Киреева А.А. Новая историческая веха в китайско-японских отношениях: насколько глубоко потепление и что за ним стоит? // Японские исследования. 2020. № 1. С. 21–47. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10002

Корнеев К.А. Политика Японии в области развития водородной энергетики // Японские исследования. 2020. № 4. С. 64–77. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10028

Кульнева П.В. Японская агрессия в Китае и чувство вины // Японские исследования. 2020. № 4. С. 21–39. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10026

Лебедева И.П. Структурные проблемы японского рынка труда // Японские исследования. 2020. № 1. С. 48–68. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10003

Мещеряков А.Н. История токийских Олимпиад в XX веке // Японские исследования. 2020. № 1. С. 106–129. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10006

Нелидов В.В. Новая неопределенность в российско-японских отношениях // Японские исследования. 2020. № 4. С. 119–136. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10031

Нечаева Л.Т. О международной научно-практической конференции «Японский язык и методика преподавания японского языка» в 2019 году // Японские исследования. 2020. № 1. С. 149–159. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10008

Оганесян А.Б. Принудительные стерилизации в Японии: изучая Канагавские префектуральные архивы // Японские исследования. 2020. № 2. С. 32–45. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10010

Османов Е.М. Образование новобранцев и подготовка командного состава японской императорской армии в первые годы эпохи Мэйдзи (1868–1912) // Японские исследования. 2020. № 2. С. 96–111. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10014

Перминова В.А. Историческая память на Тайване и её влияние на отношения Токио и Тайбэя при президенте Ма Инцзю (2008–2016 гг.) // Японские исследования. 2020. № 3. С. 107–122. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10022

Рензин О.М., Суслов Д.В. Экономическая динамика в Японии: детализация институциональных контуров политики «Абэномики» // Японские исследования. 2020. № 1. С. 85–105. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10005

Садокова А.Р. Фольклорная символика японской животной игрушки // Японские исследования. 2020. № 3. С. 123–136. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10023

Селимов М.Г. Идеал женщины в творчестве Танидзаки Дзюньитиро (1886–1965). Переосмысление взглядов на национальную культуру // Японские исследования. 2020. № 3. С. 6–20. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10017

Синицын А.Ю., Щепкин В.В. Японская коллекция доктора И.А. Штуцера (1763–1821) в собраниях МАЭ РАН и ИВР РАН: предметный состав (по архивным и музейным документам) // Японские исследования. 2020. № 2. С. 6–31. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10009

Стрельцов Д.В. Память о войне как самостоятельный фактор в отношениях Японии со странами-соседями: к 75-летней годовщине капитуляции Японии // Японские исследования. 2020. № 4. С. 78–97. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10029

Тимонина И.Л. Новая стратегия пространственного развития Японии: вызовы XXI века // Японские исследования. 2020. № 4. С. 40–63. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10027

Толстогузов С.А. Денежно-финансовый кризис периода *бакумацу* в Японии // Японские исследования. 2020. № 1. С. 6–20. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10001

Трубникова Н.Н., Коляда М.С. Кони Закона, всадники судьбы: мотив верховой езды в японской части «Собрания стародавних повестей» // Японские исследования. 2020. № 2. С. 46–62. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10011

Уханова Э.В. Космическая политика Японии: государственная поддержка частного бизнеса // Японские исследования. 2020. № 2. С. 63–81. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10012

Филиппов А.В., Османов Е.М. Начало XXI века: вызов обществу или Япония в новом мире. Рецензия на монографию «Япония в эпоху великих трансформаций» под ред. проф. Стрельцова Д.В. // Японские исследования. 2020. № 3. С. 137–144. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10024

Шипилова М.А. Миграционные реформы кабинетов Абэ: незначительные дополнения или структурный элемент Абэномики? // Японские исследования. 2020. № 3. С. 44–64. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10019

Шуган О.В. «Русско-японская распря из-за маньчжурско-корейской авантюры» (М. Горький о Русско-японской войне 1904–1905 гг.) // Японские исследования. 2020. № 4. С. 6–20. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10025

Юнгблюд В.Т., Садаков Д.А. Японо-корейское урегулирование в политике США, 1953–1965 гг. // Японские исследования. 2020. № 4. С. 98–118. DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10030

The bibliographic list of publications in “Japanese Studies in Russia” for 2020

Borkina A.Yu. (2020). Tipy personazhey v proizvedenii Dzipp-ensya Ikku “To:kaydo:tyu: khidzakurige” [Types of characters in Jippensha Ikku’s *Tōkaidōchū Hizakurige*], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2020, 2: 82–95. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10013

Datsyshen V.G. (2020). Yaponskaya voyennaya interventsia v trudakh sovremennykh rossiyskikh istorikov: inertsii fobiy i nauchnoye poznaniye [Japanese military intervention in the works of modern Russian historians: inertia of phobias and scientific knowledge], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2020, 3: 21–43. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10018

Dyakonova E.M. (2020). Pravila slozheniya renga, izlozhennyye v traktatakh Syōkhaku “Novyy svod pravil renga” (*Renga shinshiki*, 1501) i Sinkey «Razgovory vpolgolosa» (*Sasamegoto*, 1463–1464) [The Rules of *renga* in the treatises by Shyōhaku “New Compendium of *Renga*” (*Renga shinshiki*, 1501) and Shinkei “Murmured Conversations” (*Sasamegoto*, 1463–1464)], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2020, 1: 130–148. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10007

Garaeva E.I. (2020). Fenomen *modan garu* v istorii Yaponii 1920–1930-kh godov v epokhu modernizma i kul’tury potrebleniya [*Modan gāru* phenomenon in the history of Japan in the 1920s and 1930s in the age of Modernism and consumer culture], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2020, 3: 90–106. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10021

Grishachev S.V. (2020). Nipponica Nova: Smena vekh po-yaponski. Retsenziya na kollektivnuyu monografiyu “Yaponiya v retrospektive smeny pokoleniy” pod red. D.V. Strel’tsova [Nipponica Nova. Change of Signposts: Japanese way. Review of the monograph “Japan in the Retrospective of Generation Change” ed. by Prof. Streltsov D.V.], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2020, 4: 137–142. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10032

Hovhannisyán A.B. (2020). Prinuditel’nyye sterilizatsii v Yaponii: izuchaya Kanagavskiy prefektural’nyye arkhivy [Involuntary sterilizations in Japan: Learning from Kanagawa Prefectural Archives], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2020, 2: 32–45. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10010

Ignatov I.A. (2020). Yaponno-mongol’skiye svyazi v postbipolyarnyy period v kontekste mongol’skoy politiki “tret’yego soseda” [Japanese-Mongolian relations in the post-bipolar period

within the context of Mongolia's "third neighbor" policy], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2020, 1: 69–84. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10004

Karelova L.B. (2020). Pereosmyslenie dukhovnogo naslediya L.N. Tolstogo v sovremennoi Yaponii [Rethinking of the spiritual heritage of Leo Tolstoy in contemporary Japan], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2020, 2: 133–151. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10016

Kireeva A.A. (2020). Novaya istoricheskaya vekha v kitaysko-yaponskikh otnosheniyakh: naskol'ko gluboko potepleniye i chto za nim stoit? [A new historic era in China-Japan Relations: How deep is the rapprochement and what are the reasons?], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2020, 1: 21–47. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10002

Korneev K.A. (2020). Politika Yaponii v oblasti razvitiya vodorodnoy energetiki [Japan's policy in the field of hydrogen energetics development], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2020, 4: 64–77. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10028

Kulneva P.V. (2020). Yaponskaya agressiya v Kitaye i chuvstvo viny [Japanese aggression in China and the feeling of guilt], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2020, 4: 21–39. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10026

Lebedeva I.P. (2020). Strukturnyye problemy yaponskogo rynka truda [The structural problems of the Japanese labor market], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2020, 1: 48–68. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10003

Meshcheryakov A.N. (2020). Istoriya tokiyskikh Olimpiad v XX veke [The history of Tokyo Olympic Games in the 20th century], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2020, 1: 106–129. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10006

Nechaeva L.T. (2020). O mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Yaponskiy yazyk i metodika prepodavaniya yaponskogo yazyka" v 2019 godu [The International Scientific and Practical Conference "Japanese Language and Methodology of Teaching Japanese Language" in 2019], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2020, 1: 149–159. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10008

Nelidov V.V. (2020). Novaya neopredelennost' v rossiysko-yaponskikh otnosheniyakh [New uncertainty in Russo-Japanese relations], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2020, 4: 119–136. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10031

Osmanov E.M. (2020). Obrazovaniye novobrantsev i podgotovka komandnogo sostava yaponskoy imperatorskoy armii v pervyye gody epokhi Meydzi (1868–1912) [Education of recruits and training of commanding staff of the Japanese Imperial Army in the early years of the Meiji era (1868–1912)], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2020, 2: 96–111. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10014

Perminova V.A. (2020). Istoricheskaya pamyat' na Tayvane i eyo vliyaniye na otnosheniya Tokio i Tayb-eya pri prezidente Ma Intszyu (2008–2016 gg.) [Historical memory and its influence on relations between Tokyo and Taipei under president Ma Yingjiu (2008–2016)], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2020, 3: 107–122. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10022

Philippov A.V., Osmanov E.M. (2020). Nachalo XXI veka: vyzov obshchestvu ili Yaponiya v novom mire. Retsenziya na monografiyu "Yaponiya v epokhu velikikh transformatsiy" pod red. prof. Strel'tsova D.V. [The beginning of the 21st century: a challenge to society, or Japan in the new world. Review of the monograph "Japan in the Era of Great Transformations" ed. by Prof.

Streltsov D.V.], *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2020, 3: 137–144. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10024

Renzin O.M., Suslov D.V. (2020). Ekonomicheskaya dinamika v Yaponii: detalizatsiya institutsional'nykh konturov politiki "Abenomiki" [Economic dynamics in Japan: detailing of the Abenomics policy institutional outlines], *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2020, 1: 85–105. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10005

Sadokova A.R. (2020). Fol'klornaya simvolika yaponskoy zhitovnoy igrushki [Folk symbolism of Japanese zoomorphic toys], *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2020, 3: 123–136. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10023

Selimov M.G. (2020). Ideal zhenshchiny v tvorchestve Tanidzaki Dzyun"itiro (1886–1965). Pereosmysleniye vzglyadov na natsional'nuyu kul'turu [The ideal woman in Tanizaki Jun'ichirō's (1886–1965) works. Rethinking views on national Japanese culture], *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2020, 3: 6–20. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10017

Shipilova M.A. (2020). Migratsionnyye reformy kabinetov Abe: neznachitel'nyye dopolneniya ili strukturnyy element Abenomiki? [Abe Cabinet migration reforms: minor additions or structural element of Abenomics?], *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2020, 3: 44–64. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10019

Shugan O.V. (2020). "Russko-yaponskaya rasprya iz-za man'chzhursko-koreyskoy avantyury" (M. Gor'kiy o Russko-yaponskoy voyne 1904–1905 gg.) ["Russo-Japanese conflict due to Manchu-Korean adventure" (M. Gorky on the Russo-Japanese War of 1904–1905)], *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2020, 4: 6–20. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10025

Sinityn A.Yu., Shchepkin V.V. (2020). Yaponskaya kolleksiya doktora I.A. Shtutsera (1763–1821) v sobraniyakh MAE RAN i IVR RAN: predmetnyy sostav (po arkhivnym i muzeynym dokumentam) [Japanese items, books and maps from Johan A. Stützer (1763–1821) at MAE RAS and IOM RAS collections (in the light of archival and museum documents)], *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2020, 2: 6–31. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10009

Streltsov D.V. (2020). Pamyat' o voyne kak samostoyatel'nyy faktor v otnosheniyakh Yaponii so stranami-sosed'yami: k 75-letney godovshchine kapitulyatsii Yaponii [War memory as an independent factor in Japan's relations with neighbors: on the 75th anniversary of Japan's surrender], *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2020, 4: 78–97. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10029

Timonina I.L. (2020). Novaya strategiya prostranstvennogo razvitiya Yaponii: vyzovy XXI veka [Japan's new spatial development strategy: challenges of the 21st century], *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2020, 4: 40–63. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10027

Tolstoguzov S.A. (2020). Denezhno-finansovyy krizis perioda bakumatsu v Yaponii [The financial and currency crisis in Japan during the Bakumatsu Period], *Yaponskiye issledovaniya [Japanese Studies in Russia]*, 2020, 1: 6–20. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10001

Trubnikova N.N., Kolyada M.S. (2020). Koni Zakona, vsadniki sud'by: motiv verkhovoy ezdy v yaponskoy chasti "Sobraniya starodavnikh povestey" [Dharma Horses and Karma of Equestrian: Horseback Riding Motif in *Konjaku monogatari shū (Honchō Part)*], *Yaponskiye*

issledovaniya [*Japanese Studies in Russia*], 2020, 2: 46–62. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10011

Ukhanova E.V. (2020). Kosmicheskaya politika Yaponii: gosudarstvennaya podderzhka chastnogo biznesa [Japan's space policy: state support for commercial sector], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2020, 2: 63–81. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10012

Vinogradova T.I. Toropygina M.V. (2020). «Yaponizatsiya» kitayskogo teksta: «Mo:gyu: vaka» (1204) kak adaptatsiya «Men tsyu» (VIII v.) [‘Japanization’ of the Chinese text: *Mōgyū Waka* (1204) as an adaptation of *Meng Qiu* (8th century)], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2020, 2: 112–132. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10015

Voytishchik E.E., Rechkalova A.A. (2020). Agarovoye derevo kak fenomen aromatischeskoy kul'tury Yaponii: klassifikatsii i funktsii [Agarwood as a phenomenon of the incense culture of Japan: classifications and functions], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2020, 3: 65–89. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10020

Yungblud V.T., Sadakov D.A. (2020). Yaponokoreyskoye uregulirovaniye v politike SShA, 1953–1965 gg. [Japan-Korea settlement in US policy, 1953-1965], *Yaponskiye issledovaniya* [*Japanese Studies in Russia*], 2020, 4: 98–118. (In Russian). DOI: 10.24411/2500-2872-2020-10030

Научное издание

Японские исследования

№ 4, 2020

Редактор русских текстов:	М.А. Кириченко
Редактор английских текстов:	В.В. Нелидов
Выпускающий редактор:	М.А. Кириченко
Компьютерная вёрстка:	Т.И. Суркова
Редактор сайта:	О.И. Казаков
Дата публикации:	29.12.2020

Контакты:

- *Адрес:* Москва 117997, Нахимовский пр-т, 32. ИДВ РАН
- *E-mail:* japanjournal@mail.ru
- *Тел.:* +7 (499) 124 08 02

Scientific edition

Japanese Studies in Russia

No. 4, 2020

Editor (Russian):	M.A. Kirichenko
Editor (English):	V.V. Nelidov
Publishing editor:	M.A. Kirichenko
Layout:	T.I. Surkova
Web-Site editor:	O.I. Kazakov
Date of issue:	29 December 2020

Contacts:

- *Address:* Institute of Far Eastern Studies of Russian Academy of Sciences, 32, Nakhimovsky Av., Moscow, 117997, Russia.
- *E-mail:* japanjournal@mail.ru
- *Tel.:* +7 499 124 02 13 (Foreign Relations Dept. of IFES RAS)

www.japanjournal.ru

日本研究